

Виктор Емский

ШМОРДОНСКИЕ ВОЙНЫ

Представьте себе галактику, в которой обитают люди, похожие на нас. Но странное дело, расселились они по разным углам. В одном углу живут военные дуболомы, в другом жулики, воры и коррупционеры, в третьем торговцы. А между ними снуют цыгане в своих космических кибитках. А сколько всего углов? А почему герои книги так похожи на землян? И откуда взялась земная система мер и весов? На все вопросы ответит эта веселая книга. А если не на все, то следующие книги продолжат рассказанную историю. Предупреждаю: плакать не захочется никому!

Виктор Емский
Шмордонские войны

На столичной площади возвышался величественный монумент, представлявший собой композицию, составленную из огромной бомбы с сидящей на ней бронзовой фигурой первого императора. Бомба была отлита из нержавеющей стали, и на ее боку красовался стоящий на задних лапах шмороглот с короной на голове (мифическое чудовище с телом льва и головой бегемота), являвшийся гербом Шмордона. Над фигурой гротескного зверя сверкал выведенный громадными буквами девиз императорской фамилии, который гласил: «Честь Шмордона превыше жизни».

Герб и девиз были покрыты сусальным золотом и потому бросались в глаза всякому, кто находился рядом с памятником или проезжал мимо него в шморовозе.

Еще двести лет назад, почти сразу после постройки, монумент оградили решетками и выставили внутри караул. Это было связано с тем, что подданные императоров стали своими языками лизать герб, считая, что таким способом они смогут унести домой хоть частичку государственного богатства. Что они потом делали с этим богатством, попавшим в желудок, а затем в кишечник, было неизвестно, но надпись приходилось в течение года неоднократно обновлять ввиду ее явной зализанности. Кстати, ограда не помогла.

Сейчас решетки пестрели табличками с информацией о том, что памятник находится под напряжением и оборудован сигнализацией. Оказалось — караул, в первое время выставившийся внутри периметра с тем, чтобы не пускать к монументу посторонних, по ночам сам принимал участие в засасывании сусального золота. Теперь гвардейцы, облизываясь, ходили вокруг решетки и мечтательно глядели на стальную бомбу, а надпись оставалась целой долгое время. Но все же иногда случались печальные происшествия, когда по утрам караульных гвардейцев находили мертвыми на пьедестале памятника. Мокрый язык и электрический ток — несовместимые вещи...

Командующий Звездным Флотом Шмордона лорд Надолб, расположившись в служебном адмиральском шморовозе, чувствовал себя тревожно и потому немного нервничал. Он догадывался, зачем его вызвал император.

Рядом с лордом на кожаном диване сидел «по стойке смирно» начальник имперской военной разведки барон Филер, делавший вид, будто спокойно разглядывает мелькавшие в окнах дворцы центральной части столицы, которая называлась Шморой в честь родоначальника правящей династии Шмора Первого Великого.

Барон Филер носил звание бригадира и, будучи подчиненным лорда Надолба, молча соблюдал субординацию, не мешая своему начальнику спокойно мыслить. Он догадывался, зачем командующий приказал ему ехать вместе с ним на аудиенцию. Для этого не надо было иметь много ума или пользоваться агентурными данными. Было и так понятно, что лорд Надолб взял с собой главного военного разведчика для исполнения уготованной ему роли самого обычного козла отпущения. Поскольку об этом знали оба пассажира шморовоза, каждый из них молчал и думал о своем.

Нельзя сказать, что барон Филер был согласен с ожидающей его участью, но деваться ему было некуда. И вот почему.

Бригадир Филер был профессионалом высочайшего класса. Под его управлением военная разведка действовала самым эффективным образом. В любой точке пространства,

окружавшего империю Шмордон, роились шпионы, которые информировали барона обо всем на свете. Но эта кипучая деятельность почему-то совсем не затрагивала ближайшего соседа, коим являлась небольшая звездная система, называвшаяся Джаппурией.

Какие бы тактические операции в отношении соседей не проводил Филер, они всегда заканчивались полным крахом. Шпионы либо не возвращались (с удовольствием перейдя на сторону противника), либо вылавливались властями Джаппурии и впоследствии выдавались лишь спустя несколько лет после отсидки в каторжных местах. По возвращению в Шмордон эти разоблаченные шпионы ничего ценного не могли сообщить, так как в период отбывания каторги видели только кайло и гранитные скалы, которые им приходилось долбить от рассвета до заката каждый день.

Если б это происходило только из-за упущений барона, то Филера бы уже давным-давно освободили от занимаемой должности и заставили бы в лучшем случае пилить зубами елки на лесоповале. Но ситуация с постоянно проваливавшейся агентурой существовала уже более двух сотен лет и не зависела от начальников, назначаемых на столь важный пост. Сколько б ни засылалось в Джаппурию шпионов и как бы хорошо они не готовились, исхода было только два — добровольная сдача в плен или провал!

Зная об этой двухвековой тенденции, барон Филер чувствовал себя в относительной безопасности, но все равно нервничал, так как император — совсем не командующий Звездным Флотом и потому «лапшу на уши» ему не повесишь. Слишком опасное для здоровья действие...

Лорд Надолб взглянул на Филера и поинтересовался с издевкой в голосе:

— Как вы думаете, барон, зачем нас вызвал император?

Бригадир, зная о том, что император вызвал лишь командующего, ответил сдержанно:

— Скорее всего, наш посол в Джаппурии облажался в очередной раз. Говорил я вам, господин адмирал, что не следует поддерживать кандидатуру этого торгаша на столь важный пост! Ведь посол автоматически является резидентом нашей разведки...

— Гм, — ответил лорд Надолб и отвернулся от барона к окну.

За стеклом мелькала решетками площадь имени Шмора Великого.

Лорд Надолб, зная, какой тяжелой будет предстоящая аудиенция, принялся на всякий случай вспоминать про себя историю Шмордона. Барон Филер занялся тем же, но порознь с лордом и потому тоже молча.

Двести лет назад Шмор Первый, прозванный впоследствии Великим, разогнал поочередно все дикие демократические режимы на планете и провозгласил Шмордон единым государством. Более того — империей. Императором стал, естественно, он сам.

Это было время, когда люди, называвшие себя шморами, только вышли в космос и начали спорить, какому государству принадлежит тот или иной кусочек околопланетного пространства. Благодаря первому императору, которого переполняла кипучая энергия, усилия всего человечества были объединены и наука шагнула вперед бешеными шагами. Этому в первую очередь способствовали новые методы организации научного процесса, вылившиеся в триединую форму принудительно-поощрительно-расстрельного труда. В результате — к концу правления Шмора Первого учеными были построены несколько небольших звездолетов, способных покорять космическое пространство. И здесь Шмор заявил, что империя может быть таковой только в галактическом масштабе. Ибо на планете — не империя, а бижутерия...

Ученым пришлось еще поднапрячься и создать огромный десантный звездолет, в

который тут же загрузили танки, пушки, ракеты и, само собой, массу пехоты. Возглавил начальную стадию имперской экспансии сам Шмор Первый.

Целью экспедиции стала ближайшая звездная система. Как впоследствии оказалось, она называлась Джаппурией по имени своей небольшой желтой звезды. Система состояла из четырнадцати планет. Четыре ближайшие к звезде планеты были заселены гуманоидами, внешне ничуть не отличающимися от шмордонцев. Между этими обитаемыми планетами было налажено цивилизованное сообщение. Маленькие челноки летали туда-сюда, заставив выразиться императора следующими словами: «Смотрите, шныряют, как у себя дома!».

Остальные десять планет были либо газовыми гигантами, либо шарами, состоявшими из обычного космического материала, то есть — камней и пыли.

Но не следует думать, что император решил начать экспансию с бухты-барахты. Задолго до этого с джаппурцами был установлен радиоконтакт. Более того — к ним даже отправили посольство на одном из первых экспериментальных звездолетов, так как никто не понимал джаппурского языка и потому не мог перевести императору радиограмм, получаемых из соседней звездной системы.

Посольство не вернулось. Но зато радиограммы стали приходить на шмордонском языке. И в них говорилось, что послам очень понравилось королевство Джаппурия, и потому возвращаться обратно они не собираются. Оскорбленный таким ответом, император потребовал джаппурцев вернуть шмордонское имущество, и звездолет, на котором улетело посольство, отправился домой в автоматическом беспилотном режиме. Но этот акт доброй воли не изменил планов императора, так как вопрос с экспансией был решен давно и бесповоротно.

Прибыв на место, Шмор Великий приказал подвести десантный корабль к первой от звезды планете и созвал совещание, на котором произнес речь перед своими верными генералами.

— Значит, так, — сказал он. — Выбираем ровное место и десантируем на него все наши силы сразу!

— Но мы не знаем их возможностей! — пискнул кто-то. — У нас здесь даже разведки нет! И телесигналы не проходят...

— Тем лучше! — рявкнул Шмор. — Меньше будете языками молоть! А то вечно: противник справа, противник слева... А здесь он везде и снизу! Понятно?! Вперед!

Пока войска выгружались на какое-то ровное поле, пришла радиограмма, в которой шмордонским языком спрашивалось:

— Какого черта вам тут нужно?

Радист звездолета передал в ответ следующий текст, продиктованный ему императором:

— Я, император Шмор Первый, объявляю вас своими подданными! Потому предлагаю сдать оружие и не сопротивляться. Мы, цивилизованные шмордонцы, научим вас, дикарей, жить правильно!

В ответ пришла радиограмма, которую радист долго не решался зачитать. Но после нескольких грозных воплей императора все-таки огласил послание:

— Вам что, делать больше нечего? Если хотите воевать — воюйте сами с собой. Мы такими глупостями не занимаемся.

Император, побагровев, проорал:

— Они что там, идиоты? Ускорить десантирование!

Когда основные силы высадились на планету, Шмор стал с нетерпением ждать известий. Телесвязь наладить так и не удалось, и информация начала приходить в виде радиограмм, наполненных паническими требованиями прислать подкрепления. Это выглядело странным, так как император, следя за планетой, не видел на ее поверхности ни одной вспышки, свидетельствующей об идущей внизу войне.

Он послал резерв, но панические радиограммы поступать не перестали. В конце концов, на планету были высажены все силы, находившиеся в корабле, включая его экипаж. В звездолете остались только император и радист. Шмор приказал послать радиограмму о том, что больше подкреплений не будет и радист выполнил приказ. Поток беспорядочных сообщений с планеты тут же прекратился. И наступила информационная тишина.

Император, расхаживая по рубке, ругался черными словами и посылал радиограмму за радиограммой, пытаясь связаться со своими генералами, но никто с планеты не отвечал. И когда Шмор, отчаявшись, решил посадить огромный звездолет куда попало, пришло сообщение со следующими словами: «Ваше величество! Весь воинский контингент перешел на сторону противника. Мы признали себя подданными Деллы, королевы Джаппурии. Сдавайтесь и вы. Ваш бывший генерал лорд (тоже бывший) Бомбель».

Шмор в гневе приказал передать:

— Императоры не сдаются!

Ответ пришел незамедлительно:

— Вам же хуже. Отправляйтесь в свой дурдом и забудьте об экспансии. Джаппурия непобедима.

Император от такого ответа тут же впал в состояние доблестной ярости. Это выразилось в достаточно необычной форме. Сначала Шмор выдал радисту увесистый подзатыльник, затем надел скафандр, привязался к самой мощной атомной бомбе и дистанционно сбросил себя вместе с ней вниз, крикнув напоследок в переговорное устройство своего шлема: «Сейчас я вам торжественно сдамся! Встречайте с музыкой!». Радист, проследив за этим действием, увидел, как на планете расцвел гигантский цветок взрыва. Он, не задерживаясь, влез в спасательный бот и десантировался, бросив корабль на произвол судьбы...

Спустя неделю к звездолету пристыковался челнок джаппурцев. На борт имперского чудовища вошла небольшая группа людей, в составе которой оказался императорский радист. В адмиральской рубке была оставлена свинцовая урна с прикрепленной к ней запиской. Люди запрограммировали навигационное оборудование на обратный курс, перешли в свой челнок и пустой корабль отправился к Шмордону.

Специальная комиссия, назначенная новым императором Шмором Вторым (сыном первого и потому уже не великим), обследовала корабль, изучила урну и ознакомилась с прикрепленной к ней запиской.

В записке говорилось следующее: «Ваш император, не вытерпев позора поражения, покончил жизнь самоубийством, подорвавшись на бомбе. Посылаем вам его прах и требуем забыть о нас навеки. Делла, королева Джаппурии».

В урне оказалась радиоактивная пыль. После тщательного исследования ученые заявили, что в составе содержимого урны обнаружено все что угодно. То есть — пыль состояла из множества элементов, включавших металлы, углеводороды и массу непонятных соединений органического происхождения. Но была ли в этой пыли хоть малая частичка прежнего императора, установить не удалось.

Специалисты детально обыскали весь звездолет, и — о, чудо! В одном из сливных

бачков офицерского санузла был обнаружен непромокаемый пластиковый пакет, в котором находилась исписанная нервным почерком тетрадь. Это был труд радиста, тайно оставленный им в столь потаенном месте во время посещения звездолета. Именно благодаря этому самоотверженному поступку соратника Шмора Великого и удалось пролить свет на некоторые тайны Джаппурии.

Радист коротко рассказывал о государственном устройстве соседнего королевства и причинах поражения Шмордона, но самое главное — он поведал о последних секундах жизни прежнего императора.

Как оказалось, при подлете к поверхности планеты Шмор Первый крикнул:
— Что, не ждали?! Получите сюрприз!!!

Бомба взорвалась, испепелив всю округу. Но упала она на территорию всепланетной мусорной свалки и, очистив взрывом эту помойку, оказала тем самым огромную услугу джаппурцам, не знавшим до этого случая, каким образом утилизировать кучу отбросов, скопившуюся за несколько последних столетий. Естественно, от тела самого императора ничего не осталось, и потому в урну совком набрали пыли, появившейся после взрыва, считая, что хоть один атом неудавшегося завоевателя окажется среди частичек праха.

Новый император Шмор Второй распорядился поглубже зарыть урну на центральной площади столицы и построить на этом месте внушительный монумент, что и было сделано. А экспансию перенесли на другие направления, благо, космос огромен. Правда, о Джаппурии помнили всегда.

На протяжении многих десятилетий Шмордон захватывал звездные системы, окружая Джаппурию со всех сторон, и наконец, замкнул кольцо. Это случилось при прошлом императоре, которого звали Шмором Двенадцатым. Теперь империи подчинялись десятки обитаемых миров, и ее космический флот внушал страх и уважение.

Все это время имперские чиновники пытались установить с Джаппурией дипломатические отношения. Но — тщетно. Джаппурцы отвечали, что в дружеских отношениях с Шмордоном не нуждаются. Впрочем, как и в любых других.

Шмор Двенадцатый — очень смелый человек — все-таки решился на вторую войну. Он лично возглавил звездный флот и привел его в соседнюю систему. Но война закончилась так же быстро, как и при Шморе Великом, и, кстати, с тем же успехом, но с еще большим позором.

Лорд Надолб, являвшийся участником последней войны, вздрогнул от омерзения. Хотя война закончилась около пяти лет назад, события в памяти были еще достаточно свежи и не вызвали никаких добрых чувств. Адмирал посмотрел на Филера. Барон вдруг сморщился лицом и Надолб догадался, что тот тоже вспомнил о новом поражении империи, полученном от хитрых джаппурцев. Увидев, что он не одинок в своем патриотизме, лорд испытал чувство облегчения, и настроение его значительно улучшилось...

Шморовоз остановился перед служебным входом Железного Императорского Дворца. Услужливые гвардейцы из батальона охраны распахнули двери, и лорд с бароном вылезли в слякотное хмурое утро. Шморовоз отъехал, а оба кандидата на аудиенцию посмотрели на памятник Шмору Первому, установленный на площади.

Справа от старого монумента строился новый (в честь предыдущего императора Шмора Двенадцатого, героически погибшего во время последней войны с Джаппурией). Работы шли уже пять лет, но до завершения было еще далеко.

Воспоминание о погибшем императоре обожгло лорда и барона одновременно. Они

посмотрели друг другу в глаза, тяжело вздохнули хором и направились строевым шагом к подъезду Железного Дворца.

Личный секретарь императора Шмора Тринадцатого граф Вискерс, воня благородным перегаром, предложил вызванным военным руководителям немного подождать в приемной. Испытывая дружеское расположение к командующему флотом, Вискерс посчитал нужным шепнуть ему на ухо так, чтобы было слышно и начальнику разведки:

— Император общается с этой дурой, женой посла в Джаппурии. Это недолго. С такой жабой не то что общаться, в одной комнате находиться противно!

Лорд с бароном уселись на кожаный диван и начали мило беседовать. Со стороны могло показаться, что два аристократа полны в отношении друг друга самых лучших чувств. Но на самом деле лорд Надолб был вне себя от гнева! Сделав на лице натянутую улыбку, он, пристально глядя в глаза барона, спросил:

— Почему я не знаю, что она прибыла в столицу?!

— Я не успел доложить, потому что вы мне не дали этого сделать, — ответил Филер, улыбаясь столь же любезно.

Вискерс, услышав разговор, догадался, о чем идет речь и, не вылезая из-за своего стола, громко сказал:

— Да за этой гримзой не успеешь! Она перемещается по галактике как газы от горохового супа в животе...

Он рассмеялся, сделал вид, что уронил на пол ручку, полез ее доставать и чем-то там, под столом, забулькал. Подняв голову через пару секунд, Вискерс добавил лоснящимися влажными губами:

— Сейчас императору надоест смотреть на ослиные уши, и он ее выгонит.

Речь шла о леди Крокозябл. Ее муж — лорд Крокозябл-младший — приходился сыном одному из самых богатых людей империи — Крокозяблу-старшему. Последний был миллиардером, и ему принадлежали банки, заводы, газеты, телеканалы, космические корабли, и даже поговаривали о неких воинских формированиях, занимавшихся на задворках империи вышибанием налогов у покоренных народов, ставших подданными императоров Шмордона. На его заводах производилось все: от пылесосов до шморозов.

Крокозябл-старший был личным другом предыдущего императора, и его сын воспитывался вместе с императором нынешним. Поэтому Шмор Тринадцатый, придя к власти, тут же пожаловал Крокозяблу-младшему титул лорда и даже подарил ему придуманный лично герб, на котором императорской рукой был нарисован гротескный зверь, имевший тело зяблика, а голову крокодила. Новоиспеченный лорд принял подарок с благодарностью, но почему-то нигде это изображение использовать не торопился...

Будучи богатым наследником, Крокозябл-младший совсем не испытывал желания заниматься банковской деятельностью. Ему захотелось славы государственного деятеля. Поэтому он попросил Шмора Тринадцатого отправить его послом в только что открытое дипломатическое представительство на одной из планет Джаппурии. Император удовлетворил эту просьбу и от лорда Надолба ничего в этом случае не зависело.

Теперь лорд Крокозябл сидел в Джаппурии, а его жена моталась туда-сюда, озабоченная секретностью доставляемой информации, так как радиосвязь этого обеспечить не могла.

Надолб вспомнил, что Крокозяблу-младшему было пожаловано потомственное дворянство и потому Крокозяблиха тут же стала леди, хотя происходила из презренного

рода, все представители которого наследственно занимались кладбищенской деятельностью. Ее отец — Некрос Длинный (прозванный так за высокий рост) — поставил похоронное дело на широкую ногу, начав скупать кладбища. В результате после смерти папочки оказалось, что его единственная дочь стала владелицей огромного количества могильников, расположенных в самых разных углах шмордонской империи.

Крокозябла-старшего не смутил даже тот факт, что дед невесты — Грифс Убогий — был в свое время самым обычным могилокопателем. Банкир женил своего сына на дочке Некроса Длинного, благо был уверен, что люди мрут всегда, а кладбища — одни из самых лучших в мире мест для извлечения прибыли.

Кстати, поговаривали, что отнюдь не известно, кто был богаче — Крокозяблы или невеста. Ходили даже слухи, что Крокозябл-младший по сравнению с невестой — нищий калека возле церковной паперти на фоне архипи́стора в золотых ризах. Как бы там на самом деле ни было, но когда приглашенные на свадьбу гости увидели невесту, они сразу поняли, что молва никогда не ошибается.

Молодая красавица (около двух метров ростом) обладала тощим костлявым телом, подобным скелету, и длинным лошадиным лицом, на котором буйно росли усы и крючковатый нос, при разговоре залезавший кончиком в рот. Усы она, естественно, брила, но зато никакая прическа не могла скрыть ее перпендикулярно отставленных от черепа ушей с заостренными кверху кончиками. Короче — Крокозябл-младший настолько был благодарен отцу за свою суженую, что престал с ним общаться. Крокозябл-старший на это совсем не обиделся и говорил при случае своим друзьям, коих было превеликое множество (ибо все ему были должны): «Ничего. Стерпится — слюбится. Главное — у них теперь есть что покушать. Покойники всегда жирные...»

Лорд Надолб сначала испытывал к леди Крокозябл некое чувство жалости, но оно быстро прошло, так как вела себя она откровенно по-свински: общалась свысока, считая всех дураками, и была слишком большого мнения о себе, полагая, что окружающие ее домогаются, но совсем недостойны чести владеть столь бесценным сокровищем, а уж лапать ее — тем более...

Тем временем Филер вернул Надолба к действительности следующими словами:

— Лорд Крокозябл просит не посылать свою жену обратно. Он настолько этого не желает, что согласен оплатить все расходы, связанные с подготовкой последней группы агентов для Джаппурии, которые обучаются по новой креативной программе...

Граф Вискерс, слышавший эту реплику, ржанув, воскликнул:

— Чудесненько! Барон, давайте я запру Крокозяблиху в карантин как лицо, прибывшее с опасной планеты. Вы возьмете деньги с ее мужа, а мы их вместе пропьем! Ведь все равно ваша новая группа агентов провалится! И не надо на ее обучение ничего тратить! И никакая это не взятка! Ха-ха-ха!

Неожиданно зазвонил шморофон. Вискерс заткнулся, вытер слюнявый рот рукой, приложил трубку к уху и лакейским голосом забубнил:

— Да, ваше величество. Нет-нет, ваше величество. Ни грамма, ваше величество! Вед еще только утро, как можно?.. Да, здесь. Направляю!

Граф положил трубку, махнул рукой в сторону дверей кабинета императора и сообщил:

— Император ждет вас.

Надолб и Филер встали, поправили мундиры и направились к двери. Краем глаза адмирал заметил, как Вискерс привычно нырнул под стол...

В просторном кабинете императора вдоль стен стояли мягкие кожаные диваны. В воздухе пахло кофе и женскими духами. Лорд Надолб и барон Филер согласно требованиям Устава отдали честь императору, стоявшему посреди кабинета, а потом поклонились как обычные придворные. Шмор Тринадцатый, улыбнувшись казенной улыбкой, указал рукой на один из диванов и военные руководители с достоинством уселись в обозначенное место.

Они сразу же заметили леди Крокозябл, сидевшую на соседнем диване. Она взглянула на них томными глазами, полными неподдельного счастья, и принялась торопливо одергивать руками платье, своим видом стараясь показать, что совсем недавно подверглась насилию со стороны царствующей особы. Но ее действия не привели к желаемому результату, то есть — никак не убедили лорда и барона в том, что император сексуально домогался этой мымры. Она прочитала сей вердикт в их глазах и потому прекратила возню и зло прищурила взгляд.

Император, сделав вид, что не заметил движений леди и перестрелки взглядами, поставил стул перед своими подданными, уселся на него, закинул ногу на ногу и стал пристально смотреть в глаза барону Филеру. Эти действия сопровождалось полным молчанием и потому выглядели достаточно жуткими.

Шмор Тринадцатый был далеко не молод. Ему шел тридцать восьмой год. Он поздно пришел к власти, так как его отец погиб во время последней войны с Джаппурией. Если бы Шмор Двенадцатый не решился на эту войну, то сын мог дожидаться короны еще бес знает сколько времени, потому что здоровье у отца было — хоть куда.

Но обстоятельства сложились таким образом, что Шмор Тринадцатый воссел на императорский трон и принялся разгребать последствия правления своего храброго, но совсем недалекого отца.

Новый император оказался достаточно сложной и интересной фигурой. Он носил маленькие усики, был хитер и саркастически непредсказуем. Он, например, мог нахваливать какого-нибудь лорда, пить с ним шампанское, спрашивать его о самочувствии беременной невестки, зная о том, что через пару часов лорда обязательно отвезут пилить зубами елки.

В связи с этим нового императора боялись, но знали, что его саркастические непредсказуемости случаются достаточно обоснованно, то есть в тех случаях, когда репрессируемые личности напрашиваются в категорию подданных, о которых говорят: «Сам допрыгался», или: «Клеймо на нем ставить негде»...

Шмор Тринадцатый наконец насмотрелся на барона и вежливо осведомился:

— А не ваш ли родственник был начальником разведгруппы звездолета Шмора Великого?

Филер, покрывшись мурашками, ответил:

— Так точно, ваше императорское величество! Мой предок имел наглость сдаться в плен джаппурцам вместе со всеми остальными.

— И что вы сделали для того, чтобы загладить вину вашего рода перед Шмордоном? — тут же поинтересовался император.

Барон, вздрогнув, ответил:

— Ваше величество! Я лично разработал операцию и руководил группой диверсантов, организовавшей правительственный переворот на планете Разгульдйя. Благодаря этому вся звездная система сдалась нам без боя.

— Ах, да... Два года назад? — спросил Шмор.

— Так точно, — ответил Филер, начиная чернеть от бледности.

— Ладно-ладно, не бойтесь, — Шмор переложил ноги. — Я знаю, что вы, барон, находитесь на своем месте. Разведка работает отлично. Но не в отношении Джаппурии. Я понимаю, что наш давний враг непростой орешек. Но, может, настало время его разбить? А что для этого надо? Просто немного подумать. Вот вы, барон, думаете хоть иногда?

— Конечно, ваше величество! — воскликнул Филер, у которого отлегло от сердца, но не сильно.

— Так придумайте новую комбинацию, которая позволит вашим агентам внедриться в Джаппурию и не быть пойманными!

— Мы не знаем, почему наши агенты, подготовленные самым лучшим образом, проваливаются сразу по прибытии, — принялся оправдываться Филер. — Я готов лично отправиться на любую планету Джаппурии в роли обычного шпиона, чтобы узнать, почему так получается.

Император, хмыкнув, ответил:

— Я не желаю терять столь ценного разведчика, каковым являетесь вы, барон. Даже если вы и не перебежите на сторону противника...

— Убейте меня сразу! — крикнул Филер, вскакивая, и делая каменное лицо.

— Вольно, — сказал Шмор. — Садитесь и в следующий раз не перебивайте меня своими солдафонскими выходками. Итак, даже если вы не перебежите на сторону противника, то все равно будете вычислены и схвачены. Поэтому ваша засылка в роли шпиона отменяется.

Император встал и начал неторопливо прохаживаться перед своими собеседниками. Леди Крокозябл, улыбаясь, следила за ним восторженными глазами, показывая, что она — самая верноподданная единица в империи. Надолб с бароном делали то же самое, но несколько грубовато и прямолинейно. Император, прохаживаясь, похлопывал по ладони газетой, свернутой в трубочку.

Надолб вдруг вспомнил, что эта газета была у Шмора в руке с самого начала аудиенции. Адмирал взгляделся в нее внимательно и понял, что красные буквы титульного листа могут означать только одно — «Гудок Шмордона». Так назывался главный печатный орган империи, служивший рупором власти. Самым печальным было то, что газета принадлежала Крокозяблу-старшему. По всей видимости, утренний выпуск содержал что-то из ряда вон выходящее и Надолб об этом не знал. Барон Филер тоже. Это было понятно по его шальному взгляду, следовавшему за правой рукой императора. И лишь леди Крокозябл все знала, потому что поглядывала на военных свысока.

Император наконец остановился, хлопнул газетой по руке в последний раз и задал вопрос:

— Господин адмирал, что вы знаете об активности джаппурцев на их Тринадцатой планете?

Лорд Надолб, встав, доложил по-военному кратко и емко:

— Ваше императорское величество, на этой планете замечена непонятная возня. Джаппурцы доставили туда массу бурильной и карьерной техники. Роят круглосуточно на протяжении последних пяти месяцев. Нарыли кучи породы. Планета теперь похожа на лужайку, перепаханную кротами. Грузовые звездолеты забирают что-то и доставляют на третью планету. По моему распоряжению Четвертая Гвардейская эскадра нашего флота находится на допустимом расстоянии и следит за ситуацией в оптические устройства.

— А что они там ищут и что доставляют? — спросил Шмор Тринадцатый.

— Мы этого не знаем, — ответил лорд Надолб. — На основании заключенного «Договора о мире» наши корабли не имеют права подходить слишком близко к их системе.

— Ага, — сказал Шмор и, развернув газету, принялся читать вслух. — «Таким образом получается, что Тринадцатая планета системы Джаппурии представляет собой застывший золотой шар, покрытый слоем камня и глины. Королева Джаппурии Белла в своей ежегодной новогодней речи заявила, что Тринадцатая планета принесет счастье всем ее подданным, поскольку содержит столько самородного золота, что любому жителю ее королевства теперь можно не платить налоги пожизненно».

Император округлил глаза и поинтересовался:

— Что вы на это скажете, господа военные?

Военным сказать было нечего. Зато леди Крокозябл не удержалась:

— Ваше величество, я вам со всей ответственностью заявляю: это правда! Джаппурия, извините, на ухах стоит! Каждый бродяга хочет ехать старателем на эту планету, но, естественно, никого туда не пускают!

— Если никого не пускают, то кто же тогда роет? — спросил император.

— В этом вся суть! — затарахтела Крокозяблиха. — Разработками заведует Джем Баламут...

— Тот негодяй, что пленил моего отца? — спросил император, недобро сверкнув глазами.

— Именно, ваше величество! — воскликнула леди Крокозябл. — Этот человек — самая таинственная личность в Джаппурии. Я провела там целых три года, но так и не поняла, кто он такой. Одни говорят, что он любовник королевы Беллы, другие — что он разбойник и аферист, за которым гоняется вся полиция системы. А третьи утверждают, что первое и второе — правда. То есть — и любовник и жулик. А некоторые считают, что плюс к этому — еще и воплощение двуединого бога, то есть мессия... Короче — весьма одиозная личность! Но самое главное — вся Джаппурия верит в золотую планету и потому проводит непрекращающиеся карнавалы.

Император, благосклонно взглянув на леди Крокозябл, произнес:

— Спасибо вам, вы сильно помогли Шмордону, предоставив о Джаппурии столько информации, сколько мы никогда еще не имели. Более того — ваша самоотверженная деятельность будет всенепременно вознаграждена. Вы сильно устали, поэтому я не смею вас больше задерживать.

Крокозяблиха, осознав, что ее выставляют вон в самом интересном месте, попыталась остаться, заявив:

— Ваше величество, я еще не все вам рассказать успела!

На что услышала в ответ:

— Расскажите еще. Граф Вискерс доложил, что в Джаппурии свирепствует эпидемия стрептофунзельного гриппа. Поэтому вам необходимо будет провести месяц в карантине. Я и мои военные начальники защищены прививками, а простые люди нет. Вдруг вы являетесь носителем этого вируса? Зайдете в любой магазин, и — пошло заражение по планете! Вот после карантина и поведаете мне все, о чем сегодня забыли сообщить.

Император, подойдя к столу, нажал какую-то хитрую кнопку. Двери распахнулись, и в кабинет влетел граф Вискерс. Он живо дернул за руку леди Крокозябл, галантно поднял ее с дивана и вежливо — но настойчиво — выволок в приемную, не забыв закрыть за собой двери. На протяжении этого скорого исхода глаза леди выражали высшую степень

непонимания, но никого это не тронуло.

Император, вновь усевшись на стул перед своими подданными, сказал:

— Люблю профессионализм. Взять хотя бы графа Вискерса. Кто он? Пропойца. А еще? Мой личный секретарь. И как это связано между собой? Очень просто. Алкоголик он наследственно. Еще его прапрапра... короче — предок, так напился, что проспал время отправления экспедиции Шмора Великого. В результате дисциплинарный проступок помог предотвратить измену. Предок Вискерса не смог сдать джаппурцам, так как опоздал на корабль и остался в центральной гауптвахте Шмордона. Вот и выходит, что преданность — достаточно относительное понятие... А Вискерс молодец. Всегда на подхвате и нет такого приказа, который он не смог бы выполнить. Так стоит ли обращать внимание на его алкоголизм?..

Император вдруг вышвырнул газету назад через плечо и, сузив глаза, совершенно серьезно сказал, обращаясь к лорду Надолбу:

— А теперь поговорим по существу. Доложите мне о готовности Звездного Флота к войне!

Адмирал отрапортовал:

— Согласно утвержденному вами плану готовность оценивается на девяносто два процента. Основные силы флота сосредоточены в системе Черной звезды и находятся в неделе пути от Шмордона. Джаппурцы ни о чем не подозревают. Загрузка продовольствием и боеприпасами закончится через десять дней. Осталось окончательно определиться с планом нападения и еще раз проверить места предполагаемой высадки войск. Посол лорд Крокозябл собирается предпринять поездку по эти местам, прикрываясь туристическими целями. Обещал доложить о результатах своего тура по его окончании. Рядом с Джаппурией, чтобы не настораживать врагов, находится лишь Четвертая Гвардейская эскадра, состоящая из шести старых звездолетов.

Император сказал:

— Итак, давайте повторим, что нам известно о противнике.

Барон Филер забрал инициативу в свои руки.

— Радист Шмора Великого сообщил лишь общие сведения, — начал он. — Из его записей стало известно, что государственный строй Джаппурии — конституционная монархия. Системой руководит правительство во главе с Премьер-министром. Титул королевы наследственный, но сама королева — лишь символ государства и обладает совсем незначительными правами. Денежная единица — тагрик...

— Какой сейчас курс? — живо поинтересовался Шмор.

— Тагрики бывают бумажными и деревянными...

— Неужели? — не поверил император.

— Да, ваше величество, — подтвердил барон. — Сейчас тысяча бумажных тагриков соответствует нашему одному золотому бабóсу. А вот деревянные тагрики всего в десять раз дешевле шмордонской валюты.

— И с чем это связано?

— С тем, ваше величество, что производятся из дерева редкой породы с названием дундúк. Оно обладает такой прочностью, что монеты, сделанные из него, звенят не хуже нашего золота.

Филер замолчал и вопросительно посмотрел на императора.

— Дальше, — распорядился Шмор.

— В системе освоены четыре планеты, — продолжил барон. — Они расположены в ряд по мере удаления от звезды. Поскольку расстояние увеличивается, каждая следующая планета холоднее предыдущей. В результате на них разные климатические условия.

— Напомните, как они называются? — потребовал Шмор.

— Четвертая, самая дальняя, носит название Дубарь, что в переводе с джаппурского означает зиму. Третья — Слякоть, перевод — осень. Вторая — Потенция, по-нашему — весна. Ну а первая планета зовется — Сочи, что означает — лето. Джаппурцы кочуют с планеты на планету в зависимости от состояния души. На Сочи они купаются в морях и океанах, загорают на пляжах и участвуют в карнавалах. На Потенцию они отправляются нюхать цветочки, жениться и писать стихи. Когда подданных королевы посещает ностальгическое настроение, они летают на Слякоть, где подставляют лица морозящему дождю, разгребают ногами груды опавших листьев и наслаждаются золотой осенью. Ну, а когда хочется более существенных удовольствий, джаппурцы прибывают на Дубарь, где катаются на лыжах и коньках, играют в снежки, пьют крепкие напитки и даже, представьте себе, обнимаются с белыми медведями...

— И когда же они работают? — вдруг спросил император.

Барон Филер, глаза которого за время рассказа стали почему-то оловянно-задумчивыми, встряхнулся и ответил с горечью в голосе:

— А вот этого, ваше величество, не знает никто. И радист не сообщил...

— Дальше! — требовательно сказал Шмор.

— Дальше радист пишет, что по иронии судьбы Шмор Великий произвел высадку десанта на самый огромный пляж планеты Сочи, где джаппурцы отмечали праздник с названием: «Карнавал нагих красавиц». Наши солдаты, увидав тысячи обнаженных девушек, расхотели сражаться и сдались в плен без боя.

— Что с ними случилось после этого?

— Они стали участниками карнавала и приступили к ассимиляции с местным населением. Эта процедура прошла успешно. Крокозябл сообщает, что от шморов в джаппурцах ничего не осталось, кроме знания нашего языка...

Шмор Тринадцатый встал и принялся расхаживать по кабинету. Надолб с Филером тревожно провожали его глазами. Не глядя в сторону дивана, император спросил:

— Правда, что нас, народ шморов, джаппурцы называют шмáрами?

— Да, ваше величество, — подтвердил лорд Надолб.

— И что означает это понятие?

— На джаппурском языке так называют женщин гм... ну...

— Легкого поведения? — осведомился император, приостанавливаясь.

— Осмелюсь доложить, гм... я бы сказал — тяжелого.

Император продолжил ходьбу по кабинету.

Барон Филер стал докладывать дальше:

— Согласно принятой в незапамятные времена Конституции, дворянства в Джаппурии не существует. Королева наследует трон своей матери, когда та сама от него отказывается, либо умирает. Монархиня в период царствования не имеет права выходить замуж, но в любовниках никто ее не ограничивает. Дети королевы становятся рядовыми членами общества. Наследует королеве любая из ее дочерей. Для этого необходимо согласие наследницы и решение самой королевы (кому передать трон, если дочерей несколько). Сыновья никакого значения не имеют. Как правило — королевы занимают престол до

сорокалетнего возраста. Потом они отказываются от него и создают обычную семью. Женщинам всегда хочется иметь семью, будь то крестьянка или царица... Радист пишет, что бывали случаи, когда у власти находились семидесятилетние старушки, но это, скорее, исключение из общего правила.

— Вы говорили об ограниченности прав королевы, — напомнил Шмор. — В чем это заключается?

— На конституционном уровне за королевой закреплены четыре вещи. Первая — находиться на любой из планет системы Джаппурии в нужное ей время. Вторая — ругать всеми словами (включая самые черные и неприличные) любого своего подданного: депутатов парламента, членов правительства и даже самого Премьер-министра. Третья — присваивать название каждому новому звездолету, построенному на верфях Джаппурии или купленному у другого государства. И четвертая — право заключать мир.

— И все? — удивился император.

— По крупному — да, ваше величество, — сказал Филер. — Есть еще всякие мелочи типа права бросаться из окон дворцов фруктами в прохожих, раз в месяц принимать отчет Премьер-министра о положении дел в королевстве, но это несущественно...

Шмор опять уселся на стул и спросил у лорда Надолба:

— А как называлась та космическая лоханка, с помощью которой джаппурцам удалось захватить флагманский звездолет моего отца?

— «Нежный бутон юности», — ответил адмирал.

— Понятно, — мрачно сказал Шмор.

— В конце тетради радист сообщил, что парламент Джаппурии однопалатный и выбирается прямым общим голосованием по партийным спискам на весь срок правления новой королевы. — Адмирал, не моргая, верноподданно смотрел в глаза императора. — А правительство и Премьер-министра назначают депутаты. Снимать же с должности они имеют право только Премьера. Ну, а последний распоряжается карьерой подчиненных ему министров.

— Все?

— Да, ваше величество. Правда, там еще про какого-то бога, но туманно...

— И?

— Часть населения Джаппурии атеисты, другая верит в разных богов, но большинство из этой другой части — в бога, имеющего две ипостаси. Этот бог воскресает каждое утро, а умирает дважды: в полдень (сразу после обеда) и в полночь (после принятия внутрь последнего бокала шампанского). Смерть его происходит от вил какого-то черта...

— Как это возможно? — император, попытавшись логически проанализировать сказанное лордом, встряхнул головой.

— Непонятно, — пожал плечами барон Филер. — Но на этом записи радиста обрываются.

— Все у них странно, — задумчиво сказал Шмор. — Хорошо, что у нас всего одна религия. Официальная. Есть единственный Бог с двенадцатью реинкарнациями и Бес, который убивает его всего двенадцать раз, то есть — раз в месяц... А что у них со смертной казнью?

— Лорд Крокозябл в одном из донесений сообщил, что она существует, но в странной форме, — доложил Филер. — Смертная казнь положена за убийство или измену Родине. Но исполнение ее заморожено. Приговоренному предлагается два варианта: либо пожизненно

трудиться на каторге, либо послужить Джаппурии каким-нибудь другим способом при возникновении чрезвычайных обстоятельств (имеется в виду война). В случае второго варианта пожизненная форма наказания перетекает в прощение с формулировкой «За заслуги перед Родиной». Но прощает не королева, а парламент.

— Действительно странно, — согласился Шмор. — Особенно, с их богом...

Надолб с Филером синхронно кивнули головами. Император критически относился к официальному культу двенадцатиликого бога, но на государственном уровне всячески поддерживал религию, и это способствовало только укреплению духа шмордонцев.

— Итак, пришла пора поделиться с вами некоторыми соображениями, — произнес император, значительно взглянув на лорда с бароном. — Леди Крокозябл перед вашим приходом сообщила, что она установила причину постоянных провалов ваших агентов, барон Филер. Она заключается в том, что вы готовите их как обычных военных дуболомов. Эти солдафоны своим поведением сильно выделяются из общества миролюбивых джаппурцев и потому сразу бросаются в глаза полиции. Правда, у жены посла есть предположение, что ваши агенты не обучены давать взятки полицейским Джаппурии и это бросается в глаза еще больше...

— Разве можно давать взятки полицейским? — удивленно воскликнул Филер.

— Вот видите? — император иронично улыбнулся. — Леди Крокозябл была права. Не судите других по своим чести и законам. Если коррупция является джаппурской нормой, давно пора взять ее на вооружение.

— Будет сделано, ваше величество, — мрачно сказал барон. — Довожу до вашего сведения, что мною уже подготовлена группа шпионов по новой креативной программе. Я принял во внимание обычаи джаппурцев. И коррупцию учтем...

— Я рад за вашу сообразительность. Хорошо, когда разведка учится! Хоть на своих ошибках... Наконец-то руководство стало делать выводы! Для этого потребовалось всего двести лет провальной работы!

Император встал на ноги и Надолб с Филером сделали то же самое.

— Через неделю назначаю окончательное совещание Государственного Совета. Вам быть также. И начальника Генерального штаба захватите с собой. Этого, как его там... ну, вечного перестраховщика...

— Маркиза Шухера?

— Да. У меня все.

Шмор развернулся и скрылся за ближайшей портьерой. Надолб с Филером, запоздало поклонившись схлопнувшемуся шторму, вышли в приемную. Граф Вискерс, вылетев из-за стола, обрадованно сказал:

— Вот видите, я всегда говорил, что нынешний император человек решительный. Надо дать этим джаппурцам как следует! Кстати, когда там война намечается?

— Зачем вам это знать, граф? — спросил Филер. — Ведь вы, верный своим наследственным принципам, все равно проспите выступление в поход.

— Ха! — воскликнул весело Вискерс. — Я потому и спрашиваю, чтобы не прозевать этот восхитительный день!

Все трое рассмеялись, радуясь великолепной шутке графа.

ДЖАППУРИЯ. ПОТЕНЦИЯ

Морс — пожилой благообразный мужчина с козлиной бородкой, — будучи Премьер-министром Джаппурии, ответственно относился к своей работе и потому прибыл на планету Потенцию точно в срок, хотя мог бы этого и не делать. Но порядок есть порядок.

В одну из обязанностей Морса входило раз в месяц отчитываться перед королевой о делах государства. Королева совсем не горела желанием ежемесячно слушать нудные речи Премьер-министра, но он настаивал на этом, и Белле приходилось его принимать. Поскольку королева никогда не сидела на месте, Морс вынужден был гоняться за ней по всем четырем обитаемым планетам Джаппурии. В этот раз он настиг королеву на Потенции.

Все институты власти находились на Слякоти. Это было сделано с умыслом еще в давние времена. Считалось, что условия Дубаря, Потенции и Сочи никак не способствуют правильности государственного мышления. Предки, придумавшие способ управления королевством, считали, что на Дубаре мозги парламентариев и министров обязательно приморозятся; на Потенции прорастут блудливыми побегами; а на Сочи покроются трещинами от жары или утонут в пиве. Поэтому местом для парламента, правительства, суда и прокуратуры была выбрана Слякоть, чтобы своей золотистой дождливой унылостью способствовать спокойному — а потому стройному — течению мыслей государственных деятелей Джаппурии. В столице Слякоти, носившей название Заквакинск, были построены офисные здания всех министерств и ведомств, а также благоустроенные городки для проживания чиновников и депутатов. Вот только бóльшая часть жилых и правительственных помещений почему-то все время пустовала. Премьер-министры постоянно боролись с этим явлением, но победить его так и не смогли...

Морс перемещался между планетами в скоростном премьерском джабле (космическом челноке), возя с собой импортный шмордонский шморовоз и личного водителя. Вот и в этот раз, прибыв на Потенцию в город Апрель, являвшийся столицей этой планеты, Премьер-министр уселся в шморовоз, и водитель повез его к королеве, отдыхавшей в Розовом Дворце. Глядя на мелькавшие в окнах дома, Морс размышлял о жизни Джаппурии, существенно изменившейся после Второй Шмордонской войны.

В потоке чадающих выхлопными газами джамобилей и пассажирских джабусов, произведенных в Джаппурии, шморовоз выглядел огромным роскошным аппаратом. Но нет-нет, а глаз Морса иногда улавливал такие же шморовозы, изредка мелькавшие на улицах Апреля. Что и говорить, джаппурские джамобили совсем не годились имперским шморовозам в конкуренты. Они вечно ломались, а когда этого не случалось — кряхтели, звенели, лязгали и коптели. Про комфорт же вообще вспоминать не приходилось.

Морс удовлетворенно посмотрел на обивку передних кожаных сидений и ласково провел рукой по боковине двери. Да, шмордонцы умели делать хорошую технику. Но появилась эта техника в королевстве официально всего пять лет назад.

До этого она попадала в Джаппурию через разгульдяйских торговцев, которые сновали по всей галактике, занимаясь контрабандизмом, пиратством и еще черт знает чем, пока их систему не поработил Шмордон. Теперь они редко залетали сюда...

По итогам последней войны с империей был заключен мирный Договор, в котором неожиданно обнаружился ряд пунктов, связанных с торгово-экономическими отношениями. Как потом оказалось, внесенные пункты были делом рук мерзавца, которого называют

Джемом Баламутом. Более того — в Договоре также предусматривался обмен посольствами.

Когда обнаружались эти махинации, весь парламент поднялся на дыбы и потребовал от Верховного суда немедленно приговорить Джема к повторному расстрелу. Но — с расстрелом или без — Договор уже был подписан королевой, и потому пришлось выполнять его условия.

Морс до сих пор не мог понять, принес ли этот Договор благо Джаппурии или причинил зло. В королевстве появилось много полезных вещей, созданных техническим гением шмордонцев, и это существенно облегчило жизнь населению (тем более, что теперь шмордонские товары стали стоить на порядок ниже, чем у разгульдяйских жуликов). Все эти вещи производились на заводах Крокозябла-старшего, каким-то образом в одночасье ставшего монополистом системного масштаба, и теперь возник ряд вопросов. Например — как это можно исправить? Или — а нужно ли это исправлять?

Зато с дипломатической деятельностью было проще. На основании пунктов Договора в королевстве пришлось открыть посольство Шмордона. Под него был выделен участок трясины на Слякоти в заповедной зоне Усосанного Леса, булькавшего серными газами и гудевшего комариными полчищами в трехстах милях от Заквакинска.

Шмордонцы на это совсем не обиделись, а даже обрадовались. Они построили там дом на сваях, огородились колючей проволокой и потребовали, чтобы джаппурцы отправили своего посла в имперскую столицу Шмору. Но парламент решил не торопить события, считая, что и одного Крокозябла-младшего для связи между государствами хватит вполне...

Морс, глядя на мелькавшие за спиной дома и клумбы, невольно радовался тому, что подвеска шморовоза беззвучно глотает дорожные ямы и рытвины. Джамоби́ли, не имевшие столь хороших амортизаторов, скакали по улице, как козлы на горных тропинках, и пассажиры внутри этих коробок периодически ударялись головами о крыши. Премьер-министр решил после встречи с королевой пообщаться с мэром Апреля и поинтересоваться у того, куда он дел деньги, выделенные правительством в прошлом году на ремонт дорог в столице Потенции.

Шморовоз неожиданно остановился и Морс понял, что движение прекратилось из-за образовавшегося затора. Он приказал своему водителю выйти и посмотреть, что случилось впереди. Пока тот ходил узнавать, Премьер-министр рассматривал тротуар возле дороги, на котором расположились столики одной из уличных забегаловок.

Кафе называлось «Смерть Шмордону», о чем свидетельствовала вывеска над одним из столиков. Морс поморщился. Если раньше такие вывески вызывали в душах джаппурцев чувство здорового патриотизма, то сейчас, в мирное время, они были совершенно лишними. И хотя посол Крокозябл сидел на Слякоти, совсем не нужно ему было знать о таких вывесках. «Вот тебе и дипломатические отношения! — с горечью подумал Морс. — Только новые проблемы добавились».

Вернувшийся водитель доложил, что впереди авария. Два джамоби́ля столкнулись, перегородив всю проезжую часть, и водители посреди улицы спорят, кто из них прав.

— А полиция прибыла на место? — поинтересовался Морс.

— Да, — ответил водитель. — Приехал один полицейский, но он заявил, что у него перерыв на обед и потому тут же уселся в кафе набивать себе пузо сосисками.

Морс скрипнул от злости зубами. Королева и так не жаловала эти ежемесячные встречи. Если он опоздает к назначенному времени, ее величество обидится и уедет из дворца. Гоняйся за ней потом опять! На каждой из четырех планет существовали дворцы,

принадлежавшие королеве, которые обслуживались за счет бюджета королевства. Такой порядок был закреплен Конституцией, и потому приходилось мириться с беспорядочными переездами королевы.

Премьер-министр решил разобраться с дорожной ситуацией сам. Он вышел из шморовоза и, пробираясь между стоявшими в пробке джамобилиями, отправился вперед.

Спустя несколько минут Морс оказался на месте аварии. Два джамобилия торчали поперек дороги, практически полностью перегородив проезжую часть. Третий — ржавый и битый джамобиль с полицейскими мигалками на крыше — находился немного сзади, закрыв своим корпусом последний путь для проезда другому транспорту.

Толстый полицейский в мятой форменной одежде, вытирая одной рукой жирные после еды губы, другой держал планшет, в который оба водителя записывали денежные купюры (в разные отделения). Все это происходило как нечто само собой разумеющееся и не вызывало никакого удивления у других водителей. Участники аварии при этом кричали полицейскому, что каждый из них ни в чем не виноват. Служитель закона захлопнул планшет и направился к патрульному джамобиле. Вот тут-то Морс и подошел к нему.

Сунув под нос полицейскому свое служебное удостоверение, Морс принялся кричать ему в лицо:

— Вы что творите?! Я — Премьер-министр Джаппурии! Почему вы обедаете, не очистив предварительно проезжую часть?! Что это за деньги у вас в планшете?! Как вы смеете так вести себя?!

Полицейский невозмутимо поковырялся пальцем в ухе и ответил:

— Уважаемый, не надо так орать. Я не глухой.

Морс задохнулся от злости и замолчал. Полицейский спокойно объяснил:

— Сейчас я дойду до патрульного джамобилия и тут же определю, кто виновен в дорожном происшествии. И сразу за этим уберу транспорт с дороги. Вся операция займет пять минут. Садитесь в свою машину и заводите ее.

— Я... я... я — Премьер-министр, — проблеял Морс.

— Сочувствую, — безразличным голосом ответил полицейский.

— А как вы определите, кто из водителей виноват? — начал приходить в себя Морс. — И зачем для этого нужно идти в джамобиль?

— Сейчас сяду удобно и пересчитаю деньги, — неторопливо объяснил полицейский. — Кто из них больше дал, тот и прав.

— И что, второму вы вернете деньги обратно? — обалдело поинтересовался Морс.

— Ага, как же... — Усмехнулся полицейский. — Тю-тю! Поезд уехал. Второй не угадал, значит — пролетел, как тазик над Шмордоном. Не фиг было жадничать!

— Да как вы смеете?! — взревел окончательно пришедший в себя Морс. — Это коррупция!

Полицейский, удивленно взглянув на Премьер-министра, покрутил пальцем у виска и заметил:

— Лечиться тебе надо, дядя! Хоть ты и Премьер-министр, а явно не в себе. Да все вокруг делают, как я...

Полицейский сплюнул под ноги и, не глядя на вновь застывшего в яростном ступоре Морса, отправился считать деньги. Премьер-министр, которого тут же посетил какой-то необъяснимый порыв, подпрыгнул на месте и понесся к шморовозу.

Влетев в салон как пуля, Морс захлопнул дверь и нырнул рукой в свой портфель,

стоявший на полу. Водитель, не оборачиваясь, поинтересовался:

— Ну что, господин Премьер-министр, разобрались?

— Заткнись! — взвизгнул Морс.

Рука его наткнулась на модную коробочку, ставшую в последнее время необходимостью. Это был шморофон с электронной записной книжкой, в которой хранились номера более десяти тысяч абонентов. Морс, судорожно бегая пальцами по кнопкам, принялся искать номер начальника городской полиции Апреля. Неожиданно в дверь справа застучали. Премьер-министр вздрогнул, повернул голову и увидел за стеклом чью-то толстую усатую рожу, увенчанную белым поварским колпаком.

Морс нажал на специальный флажок, и стекло опустилось вниз. Рожа тут же заорала басом:

— Ты Премьер-министр! Я тебя узнал! Ур-ра! На! Я тебя угощаю!

В шморовоз всунулась жирная волосатая рука и перед носом Морса оказалась громадная булочка с торчащим из нее кончиком сосиски, обляпанным красным соусом.

— Называется «Шмордонский снаряд»! — добавила рожа, ухмыляясь.

Морс вспомнил, что прошлый император Шмор Двенадцатый, проявив верность семейной традиции, покончил с собой, вставив голову в дуло четырехсотмиллиметровой гаубицы и дернув за веревочку, услужливо поданную ему в руку. Поэтому Премьер-министр от души плюнул сначала в бутерброд, потом в надоедливую усатую рожу, затем вытолкнул волосатую руку из шморовоза и тут же поднял стекло.

Тем временем транспорт начал двигаться, и шморовоз Премьер-министра тоже тронулся с места. Снаружи о крышу что-то гулко ударило. Это был бутерброд с сосиской, запущенный усатой рожей вслед отъезжавшему Премьер-министру. Морс, не обратив на это внимания, продолжил заниматься поиском нужного ему номера. Через несколько минут он, подняв взгляд, увидел полицейского, стоявшего на месте случившейся ранее аварии. Лицо стража порядка светилось сытой довольной улыбкой.

В голове Морса сразу же возник абсолютно дурацкий вопрос: каковы действия полицейского в случае обнаружения в планшете двух одинаковых денежных сумм? Ответ пришел как бы сам собой и звучал так: полицейский должен был устроить второй тур конкурса! Премьер-министр издал яростный вопль и, нажав кнопку вызова абонента, приложил шморофон к уху.

Сигнал прошел как надо и в трубке возник пьяный голос, который произнес:

— Аллё. С-с-слуш-шаю!

Морс грозно рявкнул:

— Говорит Премьер-министр Джаппурии!

В ответ тут же донеслось:

— Император Шмордона на связи!

Морс, чуть не выронив трубку, нажал на кнопку отбоя, после чего взглянул на экран шморофона остекленевшими глазами и проверил правильность набора номера. Убедившись, что номер был набран как положено и потому ни к какому императору он не попадал, Премьер-министр повторно послал сигнал вызова.

— Аллё, — опять ответила трубка.

Здесь нервы Морса не выдержали, и он принялся орать в трубку так, что водитель включил систему автопилота и закрыл ладонями свои уши.

— Я действительно Премьер-министр Морс, — переходя на визг, сообщал чиновник. —

А вы не начальник полиции, а вонючий сочинский дерьмовоз! Только что в моем присутствии ваш подчиненный хапнул взятку в особо крупном размере!..

В трубке настороженно поинтересовались:

— На какой улице?

— Черт ее знает! — исчерпывающе ответил Морс. — Я что, должен все улицы четырех планет знать?!

— А номер его жетона запомнили? — спросила трубка.

— Нет! — сказал Морс, успокаиваясь и одновременно удивляясь, как это он сам не додумался до такой простой вещи?

Голос в трубке почему-то повеселел и обнадежил:

— Я разберусь. Так, что у нас сегодня? Ага, пятница. Займусь этим делом во вторник.

— Почему во вторник? — оторопел Премьер-министр.

— Потому что сегодня мэр города выдает свою дочку замуж. А я приглашен на свадьбу, которая закончится в воскресенье. По Трудовому Закону лицам, участвующим в таких мероприятиях, а равно тем, кто на них приглашен, положен еще один день для похмеления и приведения себя в порядок. И день этот — понедельник.

— Я сейчас вызову к себе планетного прокурора! — опять начал выходить из себя Морс. — Я разгоню всю полицию вашего вертепа, называемого городом! А вас пошлю на Слякоть! Будете в Усосанном Лесу посла Крокозябла караулить!

— Прокурор тоже на свадьбе, — ответила трубка изменившимся голосом. — Впрочем, как и председатель суда. Так что вызвать их никуда не получится... А ты, умник, слушай сюда. Если б ты в самом деле был Морсом, то запомнил бы номер жетона и название улицы, потому что Премьер-министр у нас — та еще основательная и нудная гнида. А ты — шморфонный хулиган! Вот я сейчас звякну в специальный связной отдел, и мои парни быстро установят, кто ты! Тогда не обижайся. Поедешь на Тринадцатую планету к этому жулику Джему Баламуту в пыли лопатой ковыряться! Готовься!

Трубка отключилась. Морс, выругавшись, нашел номер министра полиции и нажал на кнопку вызова. Ответа пришлось ждать несколько минут, но зато абонент сразу понял, с кем ему придется говорить. Министр полиции Джаппурии сказал заплетающимся языком:

— Здравствуйте, господин Морс.

— С кем я говорю? — строго поинтересовался Премьер-министр, помня об идиотской шутке начальника полиции Апреля.

— Министр полиции Квас, — представился собеседник.

— Я нахожусь в Апреле, — сообщил Морс. — Немедленно вылетайте ко мне. Здесь творится такой бардак, что именно вам следует им заняться!

— Куда вылетать? — переспросил Квас.

— В Апрель, — раздраженно повторил Морс.

— А почему не в май? — поинтересовался Квас и хихикнул.

— Вы что, пьяны?

— А вы?

— Кретин! — гаркнул Морс. — Я нахожусь в городе Апреле на планете Потенции!

— Ой, извините, господин Премьер-министр. Я не сразу понял...

— Немедленно вылетайте!

— Не могу, — сказал Квас и тяжело вздохнул.

— Почему? — удивился Морс.

— Я нахожусь на Сочи. Здесь открылся карнавал «Веселые клоуны» и я контролирую обеспечение этого мероприятия.

— В роли кого? Главного клоуна?! У вас там подчиненных нет? Вы должны находиться на Слякоти в здании своего министерства. Рабочее место у вас именно там. И нигде больше! Срочно вылетайте ко мне! Сколько времени вам для этого надо?

— Два часа, господин Премьер-министр. Мой служебный джабль очень быстр...

— Найдете меня в Розовом Дворце. У меня там встреча с королевой.

— Но сначала мне надо залететь на Дубарь. Там сейчас начнется «Фестиваль посрамления шмордонских бензопил». Знаете ли — достаточно жесткое мероприятие. Необходимо проконтролировать. Толпа свирепых мужиков будет пилить елки, шпалы и рельсы...

— Отставить! — рявкнул Морс. — Ко мне!

— Есть! Господин Морс, — голос министра стал вдруг жалостным. — Не могли бы вы попросить королеву переименовать мой джабль? Ведь летать же стыдно! Пусть назовет его: «Звезда в законе»...

— Хорошо, — ответил Морс и отключил шморофон.

Он, вспомнив о том, что джабль Кваса называется «Ассенизатор», улыбнулся. Эта улыбка оказалась первой за весь начавшийся так неудачно день, и потому настроение Морса стало немного улучшаться.

Поднявшись по мраморным ступеням на второй этаж, Морс вошел в Малый зал Розового Дворца и увидел королеву Беллу, ожидавшую его за круглым столом, накрытым для чаепития.

Премьер-министр почтительно поклонился, без приглашения подошел к столу и уселся напротив королевы, поставив свой портфель на пол.

— Здравствуйте, ваше величество, — обратился он охрипшим сорванным голосом к ней. — Вы как всегда очаровательны.

— Спасибо за правду, — ответила Белла. — Выпьете чая?

— А пива у вас не найдется? — поинтересовался он и заперхал горлом.

Королева удивленно приподняла брови, но ничего не сказала, а лишь позвонила в маленький серебряный колокольчик. К столу подбежала молоденькая горничная, и королева передала ей желание Морса. Прислуга ушла, а Белла налила себе кружечку чая, тут же забыла о ней, повернула голову к окну и принялась молча смотреть в сад.

Морс, разглядывая профиль ее лица, увидел несколько новых морщинок, появившихся в уголке глаза и линии сомкнутых губ. Это было печально, так как королеве исполнилось всего двадцать пять лет...

Горничная принесла запотевший бокал пива. Премьер-министр схватил его торопливой рукой и осушил залпом. Вытерев губы носовым платком, он вновь взглянул на королеву. Странное дело — глаза Морса не увидели никаких морщинок! Кожа королевы сияла молодой упругой белизной, а длинные каштановые волосы струились по плечам, переливаясь волнами в лучах утреннего теплого света, льющегося из окон.

Белла, не поворачивая головы к Премьер-министру, тихо спросила:

— Зачем вы приезжаете ко мне каждый месяц? Мучить?

— Я обязан раз в месяц докладывать вам о состоянии дел в королевстве, — ответил Морс, удивляясь настроению королевы.

— О состоянии дел в королевстве всегда можно узнать из новостей в шморовизорах, которые заполнили Джаппурию благодаря Крокозяблу-старшему, — так же тихо сказала Белла. — А джабли можно называть, рассылая приказы почтой...

— Из шморовизора все на свете не узнаешь, — произнес Морс. — Есть дела, о которых журналисты и понятия не имеют.

Королева не ответила. Она продолжала глядеть в сад, находясь в состоянии какой-то несвойственной ей задумчивости.

Морсу подумалось, что Белла заболела. Поднимаясь по лестнице дворца, он готовил себя к самому настоящему сражению. Зная привычную взбалмошность и живость королевы, Премьер-министр совсем не ожидал увидеть ее такой тихой и спокойной.

— Вам нездоровится, ваше величество? — с тревогой в голосе спросил Морс. — Позвать врача?

Белла, не обратив внимания на последний вопрос, начала печально говорить:

— Каждый раз, когда вы просите меня о встрече, мне хочется послать вас подальше. Но я тешу себя надеждой, что именно в это свидание вы принесете мне благую весть о нем. И каждый раз мое желание разбивается о вашу тупую чиновничью душу. Но надежда почему-то не умирает... Вот и сегодня. Скажите мне, что с ним? Когда он вернется? Сколько будет продолжаться эта пытка для меня, для нас?..

Морс скривился лицом и с недовольством в голосе сказал:

— Ну сколько можно, ваше величество! Я же вам сто раз говорил, что от меня ничего в этом деле не зависит! Зачем вы задаете вопросы, на которые сами можете ответить? Ведь вы знаете, что Джем находится на Тринадцатой планете. Вы знаете, что он выполняет там работу, очень нужную вашему королевству. Более того — вам известно, что он — преступник, осужденный пожизненно. Он изменил Родине! Что вы пристаёте ко мне с этими вопросами?

Королева резко повернула голову, и изумрудные ее глаза полыхнули зеленым огнем.

— Джем не изменял мне, королеве! — гневно произнесла она.

— В Уголовном Кодексе нет статьи, которая называлась бы «Измена королеве», — вежливо сообщил Морс. — Зато имеется статья «Измена Родине».

Королева хлопнула рукой по столу и из чашки выплеснулись несколько капель чая.

— Но он искупил свою вину перед Джаппурией! — крикнула Белла. — Ведь только благодаря ему и его друзьям Звездный Флот Шмордона потерпел поражение! Вы сами сказали мне, что Джем будет награжден по заслугам. Победа в войне не заслуга? Где прощение? Где ордена и медали? Где он сам, наконец?!

Морс, потеряв руки, сказал:

— Успокойтесь, ваше величество. Давайте разложим все по полочкам. Кое о чем вы не знаете...

— Правда? — с сарказмом переспросила королева. — Как же вы мне докладываете о делах? Вы меня приравнили к журналистам, которым не обязательно все знать?

— Нет, здесь дела обстоят иначе... Итак. Шесть лет назад молодой студент — кстати, хулиган и сорвиголова — в одном из ресторанчиков ударил кулаком в глаз депутата парламента, что является уголовно-наказуемым деянием, так как депутаты — лица неприкосновенные. Не знать об этом Джем (а это был именно он) не мог, так как учился на последнем курсе юридического факультета Апрельского Университета, а на груди депутата торчал опознавательный значок. Преследуемый полицейскими, Джем не нашел ничего

лучшего, как влезть в тот самый дворец, в котором сейчас находимся мы с вами. Не подскажите, кто тогда спрятал этого отпетого хулигана?

— Не подскажу, — ответила королева и на губах ее промелькнула улыбка.

— Понятное дело, — также улыбнулся Морс. — Спустя несколько месяцев в Апрельском Университете начались беспорядки. Студенты забросили занятия и организовали митинг, к которому примкнули огромные толпы горожан. Главными лозунгами стали: «Долой Конституцию!» и «Королева Белла — наша неограниченная монархиня!». Митинг удалось разогнать, но город превратился в муравейник. Ночью группа студентов попыталась силой захватить телецентр, но была задержана. Слава богу, никто не погиб. Надо ли говорить, что возглавлял эту группу Джем? Правильно, не стоит. Оказалось, что за всеми этими беспорядками стоит именно он. Кстати, после его ареста движение самоликвидировалось. Без лидера толпа — ничто. Уже через неделю о беспорядках никто не вспоминал, и город вернулся к своим повседневным делам. А Джем и два его ближайших друга были приговорены к расстрелу. Но на смертную казнь введен мораторий и потому они отправились на каторгу с пожизненными сроками в своих активах.

— За что им это? — Белла негодуя взмахнула кулачками. — Ни один человек не погиб!

— А если б им удалось захватить телецентр? Вы знаете, что такое гражданская война? Как правило, любая такая война начинается с бунта — слепого, яростного и беспощадного. И счет жертвам теряется... А вас любят. Вы — олицетворение доброты, стоящее с противоположной стороны от чиновничьей тупости, хамства и воровства. Во что бы вылилась смута — страшно подумать!

— Ах! Ну зачем я нужна на этом старом троне? — королева опустила руки вниз и потупила глаза. — Кому вообще нужна королева?

— Вы — отдушина. И занимаете правильное место в государстве. Народ думает, что мы, чиновники, не докладываем вам о всяких плохих вещах, потому что являемся ворами и негодьями. Но справедливость всегда торжествует! Пример. Вот выйду я после беседы с вами из дворца и отправлю мэра города в тюрьму за то, что он украл деньги из бюджета, выделенные на ремонт дорог в Апреле. Новый мэр, помня о судьбе предшественника, тут же отремонтирует все улицы. Поскольку это случится после беседы с вами, народ подумает, что новые дороги — следствие взбучки, которую я получил от вас. А если за старым мэром последует начальник полиции, народ от любви к вам вообще на стены полезет. И так в королевстве везде. Все хорошее — от королевы. Плохое — от чиновников. Вот вам и королевская власть. Точнее — ее проекция...

— Насчет начальника полиции я совсем не возражаю, — сказала королева, мстительно сжав губы.

— Конечно, — согласился Морс, улыбаясь. — Ведь именно он руководил арестом Джема возле телецентра.

— Нет, я просто их всех не люблю.

— Но это не повод для того, чтобы называть джабль министра полиции «Ассенизатором».

— Ваша обязанность — руководить государством. И я в это дело не вмешиваюсь, потому что мне не позволяет закон. А моя обязанность — называть джабли. Потому вы тоже не лезьте в чужое болото, тем более, что и вам закон не позволяет этого делать.

— Но министр полиции просит поменять название.

— Хорошо! — вдруг согласилась Белла, и глаза ее странно блеснули. — Переименую сегодня же.

— Он просил назвать свой челнок «Звездой в законе»... У вас найдется кружечка пива?

Королева позвонила в колокольчик, и прислуга принесла еще один бокал. Морс одним глотком осушил половину бокала и принялся медленно цедить остальное.

— Я смотрю, вы стали более свободно относиться к своей работе? — спросила Белла. — Раньше вы себе не позволяли пить во время службы.

— Меня ушатала эта чертова планета, — ответил Морс, продолжая пить пиво. — Терпеть ее не могу.

— А какую из четырех планет вы любите?

— Никакую. На Дубаре слишком холодно, на Слякоти сыро, на Сочи жарко, но Потенция — вообще сумасшедший дом!

— Так отправьтесь на Тринадцатую планету! Может, именно она окажется вам по нраву. А Джема с друзьями отпустите сюда...

Морс проигнорировал последнюю реплику.

— Сейчас мы опять готовимся войне, — сказал он. — Новый император — достаточно интересная личность. Он кардинально отличается от своего отца. Шмор Тринадцатый хочет изменить статус-кво. То есть — захватить наше королевство и отомстить за своего суицидально-нездорового предка. И у него хватает средств для этого. У нас же — как всегда! Даже министерства обороны нет. Весь флот — полицейские джаблы... Правда, Крокозябл-старший против экспансии, так как считает, что если товары пришли на рынок Джаппурии, то королевство уже находится в его руках, а значит — в руках Шмордона. Но Шмор Тринадцатый, признавая значение капитала, все равно хочет отмщения. И поэтому война будет. Из рассказов задержанных шпионов мы выяснили, что нападение случится в ближайшее время. Снова придется выкручиваться жульничеством...

— Но если жульничество в прошлый раз спасло королевство и сейчас вы собираетесь использовать его вновь, то, может, пора вернуть Джема мне?

— Я не исключаю этой возможности, ваше величество, — сказал Морс. — Но такие вопросы решаю не я, а парламент.

— Послушайте, я не видела Джема пять лет! Я не получала от него писем, я не говорила с ним по шморофону!..

Королева выскочила из кресла и, встав, гневно воскликнула:

— Я подписала Договор о мире, думая, что Джем, победивший всех и вся, вернется ко мне живой и любимый, и не будет больше никаких разлук, войн и Шмордонов! И опять вы мне говорите о войне! И снова спасти Джаппурию будет Джем...

Она резко села в свое кресло и, подставив руку под щеку, спросила:

— А, может, вы лжете мне? За час до вас здесь побывал лорд Крокозябл-младший. Он заверил меня в самых дружеских намерениях.

Премьер-министр, поперхнувшись пивом, закашлялся. Справившись со столь внезапным приступом удушья, он вытер губы платком и строгим голосом поинтересовался:

— Как он здесь оказался? Ведь ему запрещено покидать посольство, которое расположено в Усосанном Лесу!

— Он сказал, что министр полиции дал ему разрешение на совершение туристического вояжа.

— Черт его возьми! — выругался Морс. — И что он хотел от вас?

— Шмордонский посол жаловался на действия ваших подчиненных. Как оказалось, его жена — леди Крокозябл — учредила некоммерческую правозащитную организацию с названием «Мир равенства и братства». В рамках этой организации она основала некий «Фонд поддержки глухих и нищих», куда вложила из своих личных средств десять миллионов золотых бабосов. Несколько чиновников высокого ранга поддержали ее благотворительную идею и вступили в организацию на правах соучредителей, внося по несколько тысяч тагриков облигациями. В их числе были министр юстиции Этап Длинный и министр финансов Дефолт Скорый. Через несколько месяцев оказалось, что все средства со счетов благотворительной организации испарились, причем проследить, куда именно — не представляется возможным. Этап и Дефолт заявили, что деньги перечислены тем, кому и предназначались, то есть глухим и нищим. Лорд Крокозябл же утверждает, что оба министра являются жуликами космического масштаба и просит разобраться в этом деле...

Морс, не сдержавшись, рассмеялся. Королева, вспыхнув, продолжила:

— Что смешного? Имперского посла с женой обчистили, как олухов на базаре! И кто? Ваши чиновники. Кем вы руководите? Кого вы набрали в кабинет министров? Их имена свидетельствуют о чем? А прозвища в Джаппурии просто так не даются! Да посмотрите на других министров! Министр экономики — Крах Полный! Министр спорта и комфорта — Застой Твердый! Я уж не говорю о министре полиции Квасе Ядреном, который только и делает, что квасит... И с этими жуликами вы хотите выиграть войну?

Премьер-министр, улыбнувшись, ответил:

— Ваше величество не знает кое-каких мелочей... Четыре года назад, до назначения к нам, лорд Крокозябл исполнял должность посла Шмордона в звездной системе Боскории. Его жена учредила там с десяток подобных фондов. Деньги со счетов этих объединений шли на организацию беспорядков, вылившихся в целую серию революций против законных правительств. В результате расшатанная беспорядками Боскория в течение года превратилась в целиком зависимый придаток Шмордона... Я разберусь с этим делом, и мои министры получают по заслугам.

Королева села за стол, отхлебнула глоток остывшего чая и потребовала:

— Немедленно верните мне Джема!

— Я не могу этого сделать, — твердо ответил Морс. — Скажите спасибо, что я уговорил Верховных судей не прибегать в отношении него к вынесению повторного смертного приговора. А ведь было за что. Посудите сами, ваше величество. Ну, хорошо... Джем — за обещанное ему прощение — предложил идиотский план, и план этот сработал. Перед вторжением флота Шмора Двенадцатого (а мы знали о нем заранее благодаря показаниям выловленных шпионов, которые засылались и засылаются до сих пор) на Четырнадцатой планете стали возводиться странные сооружения из бетона. План Джема был чистой воды авантюрой, но ничего лучшего придумать не удалось. Джем лично руководил строительными работами, и через некоторое короткое время мертвая планета обросла диковинными кубами, раструбами и дулами, направленными во все стороны. Через шпионов, отбывших каторгу и отправленных в Шмордон, был распушен слух, что на Четырнадцатой планете размещено некое чудо-оружие, способное защитить Джаппурию от любого вторжения. Благоразумный флотоводец мог бы просто зайти в систему с другой стороны и, спокойно захватив незащищенные четыре планеты, потом уже начать разбираться с неведомой угрозой. Но Шмор Двенадцатый был не таким и Джем это угадал. Флот Шмордона сразу в полном составе навалился на Четырнадцатую планету и принялся

утюжить ее бомбами и ракетами. Флагманский звездолет с императором находился на безопасном расстоянии и осуществлял руководство штурмом пустого оборонного муляжа, коим по своей сути являлась эта планета. Джем со своими двумя товарищами и группой таких же каторжников, которым также было обещано прощение, на легком полицейском джабле врзался в императорский звездолет, пустил сонный газ и взял корабль на abordаж. Герои? Конечно! Помилование получили все, кроме Джима и его двух друзей. А почему?

— Вот как раз это я и хотела узнать! — сказала Белла.

— Шмор Двенадцатый и Джем составили Договор. Самое интересное, что Джем не имел на это никакого права! Но он на челноке отправил своего друга — Батона Самогона — с Договором к вам, и вы его подписали не глядя! И он сразу же вступил в законную силу!

— Я доверяю своему любимому, — улыбнулась королева.

— А зря! — Морс вышел из себя и гневно крикнул, — этот мерзавец не имеет никакого понятия о дипломатии!

— Не оскорбляйте несчастного человека! — вступилась Белла.

— Вы имеете право ругать любого подданного и это право закреплено Конституцией! А я имею право ругать любого чиновника на службе, прямо или косвенно подчиненного мне! А сейчас Джем опять решил заработать прощение, и потому является слугой государства!

Морс, пытая от злости, колючими глазами смотрел на королеву. Белла пожалала плечами и повернула голову в сторону окна, выходящего в сад. Премьер-министр, успокоившись, допил пиво и продолжил:

— В Договоре закреплялась победа Джаппурии. Император должен был увести корабли в Шмордон и никогда больше не объявлять войну нашему королевству. Но существовал ряд пунктов, вставленных туда лично Джемом. И эти пункты нанесли нашему королевству непоправимый ущерб. Теперь согласно требованиям Договора шмордонская промышленная компания «Крокозяблус» имеет право беспоштинно торговать своими товарами на любой из планет Джаппурии. А взамен этого «блага» мы обмениваемся посольствами...

— Что же здесь плохого? — спросила Белла, не поворачивая головы.

— А то, что эта компания производит не только шморовозы. Крокозяблу-старшему принадлежит ряд издательств, и теперь его печатная продукция участвует в дестабилизации ситуации в королевстве похлеще фонда Крокозяблихи. А промышленные товары выигрывают конкурентную борьбу и банкротят наши предприятия.

— Конечно, — едко заметила королева, — если промышленностью руководит Дотация Постоянная, а экономикой Крах Полный, что можно говорить о конкуренции? Вы еще министром транспорта назначьте какого-нибудь Тормоза Ступорного и тогда тоже станете удивляться, почему мои подданные до сих пор летают на каких-то древних джаблях и управляют ржавыми джамобилями.

— Вообще-то нынешнего министра транспорта зовут — Тупик Кольцевой, а прошлого звали Якорем Чугунным, — задумчиво произнес Морс.

— Вот-вот.

— Дело не в именах, а в людях, которые их носят. Второй друг Джека — некий сочинский жулик Кебаб Носатый — шесть лет назад получил наследство в виде мастерской по ремонту джамобилей. Он ее тут же продал и у разгульдяйских контрабандистов, раньше частенько залетающих к нам, купил подержанный шморовоз элитного класса. Но долго ездить на нем ему не пришлось. Как вы знаете, после беспорядков, устроенных в вашу честь, он отправился на каторгу вместе со своими дружками — Джемом и Батоном. Но еще до

этого он узнал, что шморозы тоже иногда ломаются, а запчасти на них — благодаря разгульдяйским контрабандистам — стоят невероятно дорого!

Морс вскочил со стула и, глядя в повернутое к нему ухо королевы, принялся кричать:

— А чтобы запчасти можно было купить дешевле, он предложил внести в Договор пункты о торговле с фирмой «Крокозяблус»! И Джем согласился! Каково, а? Ради дешевых запчастей к старому шморозу ваши подданные плюнули на интересы королевства! И после этого Джем не идиот?! И вы влюблены в это тупое чудовище?! Да найдите себе наконец нормального любовника! Мало порядочных мужиков вокруг?

Королева вдруг резко развернулась. Рука ее молниеносным движением схватила чашку с недопитым чаем и швырнула ее в лицо Премьер-министру. Морс, закаленный в ежемесячных беседах с королевой, увернулся от чашки, но слегка забрызгался чаем. Он уселся на стул и принялся платком стирать капли жидкости с лацкана своего пиджака.

— А вот бросаться твердыми предметами Конституция не позволяет, — брызжал он. — Это вам не помидоры...

— Так чашка в вас и не попала, — ответила Белла. — А вода мягкая.

Двери неожиданно распахнулись, и в зал впорхнула светловолосая пятилетняя девочка, одетая в голубенькое платьице. Ни секунды не думая, она подбежала Морсу, остановилась справа от него и произнесла:

— А-а-а, господин Морс? Вы опять здесь?

— Здравствуйте, принцесса, — сказал Морс, повернув к девочке голову. — Вы растете и хорошеете с каждым месяцем.

— Можно, я кое-что скажу вам на ушко? — спросила девочка, уводя в сторону глаза.

— Конечно, — ответил Морс с неким подозрением, но послушно опустил голову ниже.

Девочка вдруг резко подняла вверх обе ладони, с недетской силой вцепилась в козлиную бородку Премьер-министра и что есть силы дернула руками. Голова Морса с дикой скоростью ринулась вниз. Единственное, что он успел сделать, так это отвернуть нос чуть в сторону. Левая скула Морса впечаталась в стол, и блюдце, подпрыгнув, издало мелодичный хрустальный звон. Серебряный колокольчик упал со стола на пол и покатился, тоненько дилинькая. Девочка во всю мощь своих детских писклявых легких крикнула:

— Верни мне папочку, мерзавец!

— Нелла, прекрати немедленно! — воскликнула Белла.

Уши Морса заложило от криков, а глаза вылезли из орбит от удара об стол. Девочка подтолкнула голову Премьер-министра вверх, снова дернула руками за бороду и скула Морса повторно воткнулась в столешницу.

— Я ни разу не видела своего папочку! — взвизгнула девочка. — Верни его!

Вскочившая на ноги королева подбежала к Морсу, вырвала его бороду из рук принцессы и оттащила девочку от стола. Странное дело, но королева почему-то находилась в хорошем настроении. Улыбаясь, она успокаивала девочку:

— Нелла, доченька моя, все будет хорошо. Господин Морс обещал, что папочка скоро вернется...

Нелла, пытаясь вырваться из рук матери, трясла кулачком и кричала:

— Не верю я этому негодяю! Недаром все называют его Мутным Киселем!

Морс, придя в себя, вытащил из кармана золотой шмордонский бабос и приложил его к скуле, пытаясь помешать возникновению синяка.

— Кстати, оскорблять меня ругательными словами Конституция позволяет только вам,

ваше величество, — заметил он. — А уж драться...

— В Конституции касательно этого вопроса ничего не сказано о детях, — вежливо ответила Белла. — А что не запрещено законом, то разрешено!

Морс нащупал рукой портфель, встал со стула и спросил:

— Я полагаю, вопросов ко мне у вас больше нет?

— Нет, — ответила королева. — Спасибо за содержательный доклад. До свидания.

— До свидания, ваше величество.

Морс пошел к выходу из зала, прижимая монету к левой скуле. Уже на выходе он услышал за спиной детский крик:

— Катись отсюда, колбаса козлиная!

Премьер-министр, не оборачиваясь, спустился по лестнице в вестибюль и уселся на первый же подвернувшийся диван. Достав из портфеля шморфон, он набрал номер министра полиции. Спустя несколько минут трубка произнесла голосом Кваса:

— На связи, господин Морс.

Премьер-министр, посчитав про себя до десяти, спокойным голосом поинтересовался:

— Что лорд Крокозябл-младший делает на Потенции?

— А он на Потенции? Ну да, может быть. Он же в отпуске.

— Какой, к черту, отпуск? — спросил Морс, еле сдерживаясь. — И у кого?

— У Крокозябла, естественно, — ответил Квас. — Он позвонил мне вчера, сказал, что едет в отпуск и спросил, где в Джаппурии можно отдохнуть. Я ему посоветовал сначала посетить Потенцию, потом Дубарь, потом погреться на Сочи, ну а на Слякоти он уже был...

— Вы идиот, Квас? — Морс из последних сил держал себя в руках. — Он же инопланетный посол! А инопланетный посол всегда в первую очередь кто? Инопланетный шпион! Как вы могли позволить ему выбраться из посольства?!

— Отдых — неотъемлемое право каждого жителя Джаппурии. Так гласят Конституция и Трудовой Закон. А отпуск — святое дело...

— Какой отпуск?! Крокозябл — шмор!

— На территории Джаппурии соблюдаются ее законы.

И здесь нервы Морса не выдержали. Он поднес трубку шморфона к глазам и принялся в нее орать, не разбирая, где находится звукоприемник:

— Вы предатель, Квас! Вы изменник Родины! Вы тупой охломон! Посольство Шмордона является территорией империи, и там действуют имперские законы! Если у Крокозябла отпуск, пусть летит к себе домой и там шляется, где хочет. А на территории Джаппурии он может находиться только в одном месте — в Усосанном Лесу на Слякоти! Немедленно дайте команду изловить его и доставить в посольство!

Трубка вякнула в ответ испуганным голосом:

— Будет сделано!

Морс, переведя дух, поинтересовался:

— Вы уже прибыли на Потенцию?

— Нет, господин Премьер-министр. Я как раз подлетаю к Дубарю...

— Как вы смеее?! Я же запретил вам туда лететь!

— Непредвиденные обстоятельства, господин Морс. Задержана группа шмордонских шпионов.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался Морс, успокаиваясь.

Министр полиции забубнил:

— Эти какие-то не такие шпионы как раньше. Они высадились в безлюдной части Дубаря. Все как один были обуты в валенки и лыжи. И у каждого имелись народные джаппурские музыкальные инструменты. У пятерых — джармошки, у четверых — джалалайки. А десятый тащил на себе здоровенный контраджас.

— Задержаны все?

— Нет. Шестеро. Трое джармонистов, двое джалалаечников и тот, который с контраджасом. Он у них, по ходу, главный.

— А остальные четверо где?

— Да они встретили семейство белых медведей и полезли к ним обниматься. Это уже не первый случай. У них что, стереотип такой сложился? Если шморы воспринимают рассказы об обнимании как рекламу, то они полные дураки. Это ж народная дубарьская шутка! Ну, про медведей...

— Тела похоронили?

— Нет. Подходить к медведям опасно. Ждем, пока доедут. Потом косточки похороним, если останутся.

— Хорошо. Как допросите шпионов, срочно вылетайте ко мне. Здесь работы для вас навалом.

— А вы говорили с королевой насчет моего джабля? — голос Кваса опять стал просительным.

— Да, — сухо ответил Морс и, выключив шморифон, поднялся на ноги.

Сверху застучали по лестнице легкие женские каблучки и приятный голос крикнул:

— Господин Морс, подождите! Вам письмо от королевы.

Подбежала служанка и протянула Премьер-министру листок бумаги.

Морс взял его, и прислуга убежала по лестнице вверх. Премьер-министр, развернув лист, прочел следующее:

КОРОЛЕВСКИЙ УКАЗ

Мы, королева Джаппурии Белла, указываем: джабль первого класса «Ассенизатор» переименовать. Предложенное министерством полиции имя «Звезда в законе» отклонить. Джабль назвать: «Дыра в сортире». Имя действительно до момента полной победы над коррупцией.

Королева Белла.

Указ утверждала большая королевская печать.

Морс, подумав о том, что от добра — добра не ищут, злорадно усмехнулся, сунул листок в портфель и пошел к выходу из дворца.

На крыльце он вынужден был остановиться, так как у нижних ступеней лестницы его ждала толпа, состоявшая из официальных лиц. Первым стоял толстый чиновник в полицейском мундире. Лица присутствующих выражали целую гамму чувств, близких к отчаянию. В толпе мелькали камеры журналистов.

Морс растянул губы в ехидную улыбку и собрался сказать речь. Но вдруг что-то шлепнулось ему на макушку и по щекам потекло. Премьер-министр привычным движением

вынул из кармана платок, вытер им голову и стряхнул с лацканов помидорные семечки. Задрав голову вверх, в окне второго этажа Морс увидел прекрасное лицо королевы. Белла произнесла:

— Это не принцесса, господин Мутный Кисель, это моя работа: — и скрылась.

Морс, улыбка которого превратилась в хищнический оскал, опустил глаза вниз и встретился взглядом с начальником полиции города Апреля.

— Начальник полиции Хапс, — представился тот, чернея от страха.

— Вот с тебя и начнем! — мстительно сказал Морс, решительно шагнув вперед. — Кого ты там назвал «основательной и нудной гнидой»?!

ДЖАППУРИЯ. ТРИНАДЦАТАЯ ПЛАНЕТА

Центральная станция была небольшой. Герметичный купол накрывал жилую зону откровенно сиротских размеров, портативный ядерный энергоблок, кислородную станцию и несколько складских сараев, в которых хранился запас консервированной еды, вода, топливо для планетных ботов и прочая чушь.

Посадочная площадка рядом с куполом позволяла принять лишь два-три джабля, но и этой ее вместимости было более чем достаточно, так как грузовые джанкеры наполняли трюмы породой в местах ее добычи. А разработка шла в двадцати точках по всей поверхности планеты.

На площадке стояли: старый потрепанный джабль «Нежный бутон юности» и два бота. Джабль существовал на случай срочной эвакуации и потому не использовался. А боты служили средством передвижения по планете. Вообще-то их было три, но на одном из них улетел Кебаб Носатый, который повез запас консервов на одну из точек разработки, представлявших собой маленькие автономные модули.

Машинами, производящими буровые и карьерные работы, управляли бывшие шмордонские шпионы, приговоренные к каторжным работам. Им дали по пять лет за то, что они не сдались сразу же по прибытии, а пытались вести шпионскую деятельность, вынуждая полицию заниматься обычно несвойственной ей работой.

Трудились бывшие шпионы хорошо, но все равно за ними нужен был глаз да глаз. Поэтому Джем и двое его друзей были вооружены лучевыми пистолетами, а на планете сложилась гротескная ситуация, которая выглядела так: каторжник каторжником погоняет. По этому поводу шмордонские шпионы шутили, называя себя политическими заключенными, а Джема с друзьями — уголовными элементами.

Джем соглашался с их мнением по той причине, что в этих словах была доля правды. Если первый раз его с друзьями судили за измену Родине, и это можно было отнести к политике, то во второй им вменили «превышение должностных полномочий». Типа — они не имели права заключать Договор с Шмордоном. Хотя, если разобраться в этом деле глубже, возникал вопрос: какие у каторжников могут быть должностные полномочия, если каторжник — не должность, а данность? В результате Верховный суд Джаппурии пришел к следующему решению: «Оставить прежний приговор в силе». Это выглядело странным, потому что за превышение полномочий полагалось сидеть десять лет максимум, а прежняя статья предусматривала расстрел или пожизненное заключение. Но Джем с друзьями жаловаться было некуда, так как Верховный суд являлся последней инстанцией, и даже королева не обладала правом отменять его решения.

Отгрузка осуществлялась автоматически. То есть грузовые джанкеры садились возле куч вырытой никчемной породы, манипуляторами заполняли трюмы и взлетали. Путь их лежал на Слякоть, где набранные ими тонны камней и пыли высыпались в трясину Жабья Радость, занимавшую добрую половину суши этой планеты. Можно было бы засыпать и Усосанный Лес, но правительство решило с этим действием повременить, ибо последнее болото было невелико по меркам Слякоти, да и улучшать климат посольства Шмордона, расположенного в самом центре этого поганого местечка, никому не хотелось.

Сама же Тринадцатая планета находилась так далеко от Джаппурии, что почти не имела ни атмосферы, ни освещения от звезды. Дальше располагалась лишь Четырнадцатая

планета, разбомбленная в полный хлам во время Второй Шмордонской войны.

Джем как-то слетал туда (ради какого-то ему самому непонятого интереса). Вся поверхность планеты была засыпана толстым слоем дробленого бетона, который скрывал любые особенности рельефа за серой безжизненной коркой. Садиться Джем не стал, предполагая, что цементная корка содержит в себе достаточное количество неразорвавшихся бомб и ракет. Он дважды облетел место своей боевой славы, вздохнул и вернулся на станцию, где в тот же вечер напился вдрызг брагой, произведенной Батоном из сахара и дрожжей.

Вообще-то алкогольные напитки для каторжников были запрещенной вещью. Но как-то раз в честь дня рождения королевы, который отмечался как всеобщий праздник, министр продовольствия Дефицит Крайний прислал мешок сушеных слив. Сделал он это с издевательским умыслом, так как сливы были покрыты дрожжевым налетом и никакой нормальный джаппурец просто не стал бы их есть. Но каторжники даже по определению не являлись нормальными членами общества. И потому Батон, обрадованно поблагодарив вслух министра-изувера, занялся выращиванием дрожжей в домашних условиях.

Через некоторое время у него уже был запас браги, и он стал собирать самогонный аппарат. Для этого Батон разобрал какой-то новый трактор, сняв с него топливный бак и все трубки. Трактор оказался лишним, потому что никто из чиновников о нем не вспоминал. Самогонный аппарат был уже почти готов, и Батон надеялся скоро осуществить первую перегонку браги в самогон. Но Джем относился к этим надеждам скептически, полагая, что война должна начаться со дня на день и тогда будет не до самогона.

Нельзя сказать, что Джем с его друзьями были полностью предоставлены сами себе и управляли отсталой планетой как хотели. Раз в месяц прилетала вредная комиссия, составленная из чиновников нескольких министерств. Перед ее появлением Батон прятал канистры с брагой в одном из сараев, и они с Кебабом разлетались на ботах контролировать бывших шпионов, а Джем оставался за крайнего.

Чиновники, тряся холеными лицами, ругали Джема за недостаточную активность в отгрузке камней и пыли, писали в специальный журнал замечания и быстренько улетали. Вся эта процедура занимала всегда от силы два часа, но была крайне неприятной, потому что Джем сильно хотелось надавать кулаками по гнусным чиновничьим ромам, а потом добавить ногами по тем же самым местам. Но он всегда сдерживался, помня о соглашении, которое заключил с Премьер-министром Морсом.

Суть соглашения была такова: Джем с друзьями ведет разработку планеты, пытаясь привлечь к ней шмордонский флот в случае войны. Далее — Джем таранит корабль императора и берет его в плен. Короче — все как в прошлый раз. А за это — прощение для всех (кроме шмордонских шпионов, естественно).

Ни Джем, ни его друзья идиотами не были. Впрочем — Морс тоже. Но другого умного плана просто не существовало! Да и неоткуда было взяться. Веры в то, что шмордонцы повторно проявят глупость и попадутся на ту же уловку, не было ни у кого. Но надежда — последнее, что оставалось у людей, имеющих полную информацию о состоянии дел в королевстве.

Прилетев как-то раз лично, Морс в беседе с Джемом с глазу на глаз сказал:

— Поймите, молодой человек, следующее: все зависит только от вас. Вы никоим образом не проиграете, если Шмордон захватит Джаппурию. В таких случаях захватчики первым делом выпускают из тюрем преступников и делают их своими помощниками. Если

хотите такой свободы — ничего не предпринимайте и скоро займете положение, созвучное с позовами вашей души. Но если вы этого не желаете — придумайте что-нибудь, черт вас возьми! Ваш план плох! Спасти королевство — не под юбку к королеве залезть! Любите?! Спасайте!!! К вашему сведению, Шмор Тринадцатый уже пять лет является вдовцом. Лучший способ полностью покорить завоеванное королевство — взять в жены плененную королеву...

Больше Премьер-министр не сказал ничего. А надо ли было еще что-нибудь говорить? Он оставил Джемму шморофон, в записную книжку которого был вбит всего один номер — его самого. И Джем иногда им пользовался, жалуясь на плохие поставки продовольствия или нехватку техники. Морс тут же вкручивал необходимые винтики в нужные чиновничьи места, и положение со снабжением менялось самым лучшим образом. Но ненадолго, так как места, в которые полагается вкручивать винтики, у чиновников всегда заживают быстро...

Джем, сидя в кухонном блоке станции, щелкал кнопками пульта от шморовизора в поисках новостей и размышлял о своей нелегкой судьбе. Ему шел тридцатый год, он был недурен собой и нравился женщинам, поскольку обладал яркой блондинистой внешностью. Но любила его только одна из них, хотя он пользовался далеко не лучшей славой ввиду своего непостоянства и страсти к бесшабашным выходкам. А любил ли ее он сам? Джем вспомнил ощущение тяжести от каштановой волны волос на ладони и сердце его тревожно сжалось. Тут же возникли в голове вопросы: а как именно нужно любить дочь? И как это быть отцом? Кто такой отец?

Дверь в кухню открылась, и в помещение зашел Батон Самогон (флегматик, длинный и тощий как спица от велосипедного колеса). В руках он держал открытую банку с подогретой тушенкой, вилку и сухарь. Усевшись за стол, он принялся молча есть, поглядывая на экран шморовизора, мелькавшийменяемыми каналами.

Батон с Кебабом брились от случая к случаю, то есть тогда, когда усы с бородой начинали усиленно лезть в губы во время еды. Вот и сейчас, отправляя кусок тушенки в рот, Батон предварительно раздвигал усы сухарем. Прожевав очередную порцию, он сказал:

— Елки-моталки! Надоело жрать эту гадость! В каменоломнях хоть повар был. Когда-нибудь горячую похлебку наливали...

— Если ты так любишь есть, давно б уже готовить научился, — ответил Джем.

— А я умею готовить, — не полез в карман за словом Батон. — Только не еду, а пойло. Если ты помнишь, до того как предать Родину, я учился на технолога вино-водочного производства. А уметь все сразу ни у кого не получится. Даже у такого умника как Морс. Кстати, как там работает его дезинформационная машина? Люди верят, что дыра, в которой мы находимся, состоит из чистого золота?

— Вряд ли. Чтобы поверить в такую чушь, надо быть круглым дураком.

Джем наконец нашел канал новостей. На экране шморовизора возникло смутно знакомое по газетным фотографиям длинноносое лицо. Оно было избито самым качественным образом и краснело свежими кровоподтеками, а под правым глазом явственно обозначился наливающийся синяк.

— Ба! — удивленно вскричал Джем. — Да это же лорд Крокозябл!

— Драть мои копыта! — тоже удивился Батон. — Кто же так отделал это Крокозяблище?

— Крокозяблище — его папаша, — сказал Джем. — А это — Крокозяблик.

Он сделал звук громче и в кухне раздался голос диктора:

— Посол Крокозябл самовольно, без согласования с правительством, прибыл на планету Дубарь и был изловлен местными жителями как шмордонский шпион. Не зная народных обычаев, на одной из улиц столичного города Колотуна лорд Крокозябл подошел к местному жителю и попросил у того закурить. Эта просьба считается на Дубаре оскорблением и вызовом на дуэль. Местный житель тут же ударил посла кулаком в глаз и слегка добавил ногами, когда тот упал на снег. Проходивший мимо полицейский прекратил дуэль и потребовал у Крокозябла пятьсот тагриков за вызов органов власти. Не зная и этой местной традиции, посол денег не дал, что сразу же возвело его в ранг шпиона. Крокозябл был доставлен в Управление полиции и заключен в камеру временного содержания, где уже находились несколько слегка подвыпивших участников фестиваля «Посрамления шмордонских бензопил». Там он совершил третью ошибку, попросив на шмордонском языке у присутствующих хулиганов... гм, неизвестно, что он у них там попросил, так как местные жители выбили ему три зуба и вытерли об него валенки. Премьер-министр Морс уже направил императору Шмордона официальное извинение с просьбой считать этот прискорбный факт недоразумением, и заверил в дружественных чувствах, которые испытывает народ Джаппурии к народу Шмордона...

— Все, — печально сказал Джем. — Вот теперь точно война.

— Понятное дело, — кивнул головой Батон и стал невозмутимо доедать тушенку.

Диктор тем временем продолжил новостную программу. На экране возник торжественный дворцовый зал, заполненный людьми в модных костюмах. Диктор рассказывал:

— Премьер-министр сегодня наградил медалями «За заслуги перед Джаппурией» министра юстиции Этапа и министра финансов Дефолта...

Батон, подавившись последним куском, закашлялся.

— Надо же, какая щедрость от Морса, — опять удивился Джем. — Да еще кому? Таким пройдохам! И медали?

— Вот-вот, — согласился с ним Батон.

Из аппаратной комнаты, находившейся рядом с кухней, долетел механический голос автоматического диспетчера, который сообщал о посадке бота на площадку перед куполом. Батон с Джемом не обратили внимания на это, продолжая смотреть новости.

На экране возникло облепленное помидорными семечками лицо Морса. Оно выглядело злым и воинственным. Диктор вещал:

— Несколько дней назад королева провела разъяснительную беседу с Премьер-министром.

Лицо Морса исчезло, и в шморовизоре возник дорожно-ремонтный комбайн, из кузова которого на проезжую часть выливался ровной волной толстый слой асфальта.

— О последствиях беседы королевы с Премьер-министром вы узнаете через две минуты. Оставайтесь с нами.

Дверь открылась, и в кухню шагнул носатый толстяк небольшого роста. С характерным сочинским акцентом он сказал:

— Ага, заждались своего друга Кебаба? Так вот он я!

На всех четырех планетах люди разговаривали на одном языке. Все другие были забыты много столетий назад. Но жители планеты Сочи почему-то общались, странным образом коверкая слова, как будто джаппурский язык был для них не родным.

— На ужин что? — поинтересовался Кебаб.

— Тушенка, — ответил Батон.

— Не произноси больше это слово вслух! — воскликнул Кебаб, скривившись лицом. — На восемнадцатом карьере мне сегодня было заявлено, что если я завтра опять привезу тушенку, они поднимут восстание. И на мой лучевой пистолет не посмотрят!

— А ты им три дня вообще ничего не вози, — предложил Джем. — Они потом тушенку вместе с железными банками жрать будут.

— Еще есть яйца, — сообщил Батон. — Сделай себе яичницу.

— Я от них скоро чирикать начну! — возмутился Кебаб. — А потом кукарекать! Рыбных консервов не осталось?

— Несколько банок анчоусов в томатном соусе, — сказал Батон.

— Разве это рыба? Тьфу! Братская могила... Вот на Сочи — в Бархатном море — водится джарабулька. М-м-м... пальчики оближешь!

Кебаб по пояс влез в один из шкафов и стал греметь там банками.

Тем временем реклама закончилась, и диктор продолжил передавать новости, причем голос его почему-то наполнился злорадными нотками:

— По указанию Премьер-министра в городе Апреле на планете Потенции взяты под стражу следующие лица: мэр, прокурор города, председатель планетного суда и главный инженер коммунального хозяйства. Все они подозреваются в растратах, хищениях и в отношении них ведется следствие. Эта группа коррупционеров посажена в одну общую камеру, а охранять их назначен начальник апрельской полиции Хапс. Причем — внутри камеры. Вице-мэр города в срочном порядке занялся ремонтом улично-дорожной сети, изыскав для этого средства. Благодарные горожане вышли с транспарантами на улицы, чтобы в очередной раз сказать «спасибо» своей любимой монархине...

За стол уселся Кебаб. Он открыл банку с консервами и принялся торопливо есть, ловко орудуя вилкой. На экране возникла площадь какого-то жаркого города, заполненная народом. В центре площади находился памятник, изображавший осьминога с морской бескозыркой на лысине. Кебаб, бросив вилку на стол, возбужденно взмахнул руками и крикнул:

— Это мой родной город Джян!

— Вы видите митинг в Джяне, столице планеты Сочи, — сообщил диктор. — Народ просит королеву устроить ее следующую встречу с Морсом именно в их городе...

На одном из плакатов, мелькавшем в воздухе, была видна надпись: «Где бюджетные деньги, сволочи?!».

Кебаба накрыла эйфория и он, забыв о еде, тыкал указательным пальцем в экран и орал:

— Видите вон тот желтый дом справа?! В нем купил квартиру мой дядя Лаваш Халтура. А во-о-он тот, сиреневый, слева? Это дом моей тетки Чурчхелы Конченой! Я там жил!

— У дяди или у тети? — спросил Джем.

Кебаб как-то странно сник и продолжил есть анчоусы, буркнув перед этим:

— Я везде жил...

На экране опять появились рекламные ролики. В одном из них красивая девушка, лежа в непристойной позе на капоте дорогого шморовоза, читала газету с таким видом, будто другого места для чтения не существовало в природе.

Кебаб опять повеселел. Восхищенно глядя на экран, он произнес:

— Вот это чаечка!

— Да, неплохая шлюха, драть мои копыта, — согласился Батон.

— Дурак ты! — негодуяюще воскликнул Кебаб. — Я про шморовоз говорю. Серия называется — «Протуберанец». У меня такой же, только двумя моделями старше и...

— Краденый, — добавил Джек, и они с Батоном рассмеялись.

Кебаб развел руками:

— Главное, не у нас в Джаппурии. А где он раньше ездил — пусть у разгульдяйцев спрашивают. Это они его сюда привезли. Да и вообще, что за вопросы? Уголовник я или нет? Одним делом больше, одним меньше.

— Ты, наверное, с детства джамобилиями занимался? — поинтересовался Джем.

— В детстве мне некогда было заниматься этим, — ответил Кебаб. — Мои мать с отцом решили быстро разбогатеть на контрабанде и связались с этими разгульдяйскими мошенниками, которые раньше шлялись тут как у себя в шашлычной. Подсунув меня тетке (в пятилетнем возрасте) они отправились на одном из их звездолетов за бытовой техникой, которой тогда в Джаппурии днем с огнем нельзя было сыскать. И пропали. Кто-то из контрабандистов потом рассказал, что звездолет, на котором находились мои родители, был захвачен шмордонскими таможенниками и весь экипаж упекли в тюрьму на двадцать пять лет. Так ли это — не знаю... Поэтому сначала мне пришлось торговать вареной кукурузой перед домом, а потом заниматься тем же самым, но на пляже и уже в паре с теткой. Точнее — торговала она, а я в это время обчищал карманы пляжной одежды. Доход это приносило небольшой (какой идиот на пляж будет много денег брать?), но зато мне уже не приходилось есть теткин хлеб даром. Все шло хорошо, пока из кармана какого-то придурка я не выудил деревянную монету в десять тагриков. Это было богатство! Поэтому я ничего тетке не сказал, а монету спрятал. Но через несколько дней мне так захотелось сахарной ваты, что я решил свое сокровище разменять. Вот тут-то меня и хлопнули! Оказалось, что монета являлась нумизматической редкостью, так как была древней первой шмордонской экспансии! Более того — она имела на аверсе свой номер и находилась в розыске уже двадцать лет! Получилось, что тип, у которого из кармана украли монету — еще больший жулик, чем я сам! И хотя мне на тот момент исполнилось всего двенадцать, в полиции заявили, что меня никак этот факт от тюрьмы для малолетних не спасет. Дескать, плевать они хотели на калькуляцию. Монета нашлась? Да. Преступник пойман? Да. Сидит? Сидит. Дело закрыто, полиции — премию! А если еще какие-то годы считать, то большинство преступлений останется нераскрытыми... В камеру, где я ожидал своей участи, впустили моих дядю и тетку, чтобы они проведали меня, а заодно посоветовались. Тетка Чурчхела говорила, что меня не посадят, потому что полицейские просто вымогают деньги. Дядя Лаваш сказал, что если денег не дать, то посадят обязательно, потому что они обозначили сумму; и не только обозначили, но уже и поделили ее заочно. Тетка заявила, что от такой суммы у полицейских рожи потрескаются, поэтому ничего она не даст. После чего предложила мне немного посидеть (подумаешь — каких-то пару лет). Дядя поругался с ней и заплатил за меня сам. Меня выпустили, и я стал жить у него.

Кебаб вздохнул и, быстро доев консервы, вытер губы рукавом комбинезона.

— И как же ты умудрился в студенты попасть? — спросил Джем.

Кебаб, усмехнувшись, продолжил:

— Дядя был владельцем автосервиса по ремонту джамобилей. Кроме меня у него работали еще трое наемных рабочих. Дядя покупал всякий джамохлам, рабочие сваривали из мелких запчастей кузовá, красили их, набивали нужные номера, укомплектовывали запчастями и потом дядя продавал уже готовые машины. В полиции у него были знакомые, и

с документами тоже не было проблем. Таким вот образом я научился всему, что связано с джамобильным жульничеством. Но у дяди в отношении меня были немного другие планы. Как-то он мне сказал:

«Слушай, дорогой Кебабчик. Надо тебе выучиться на юриста. Я заплачу, а ты получи диплом. Я еще пока не знаю, на что у меня денег хватит, но будем выбирать из трех специальностей: судья, прокурор и нотариус. Эти три профессии очень сильно помогут моему бизнесу. Особенно — последняя... И для всех троих подходит юридический диплом. Можно его, конечно, купить сразу, но мне глупый нотариус совсем не нужен. В моем деле глупый нотариус — короткий путь к добрым сокамерникам. Поэтому учись хорошо!»

Ну, научился я читать и писать, дядя дал денег и устроил меня в Университет, где вы со мной и познакомились.

— погоди! — удивился Джем. — Получается, что ты поступил на бюджетное отделение Апрельского Университета, не окончив даже средней школы?!

— Вы думаете, я там такой один был? Да треть нашего курса такие! И у всех аттестаты липовые.

— Ха-ха! — рассмеялся Джем. — Выходит, Премьер-министр однобоко подошел к проблемам Потенции. Надо было посетить ректорат и заполнить еще одну камеру в тюрьме!

— Вряд ли только одну, — не согласился Кебаб.

А Батон, до этого молча слушавший разговор, вдруг обобщил:

— И нечего новые планы выдумывать. Пока у нас есть такие Кебабы и Лавашы — Джаппурия и так непобедима. Шмордон сам загнется!

— А что с твоим предприимчивым дядей случилось? — спросил Джем.

— Издержка производства, — ответил Кебаб. — Первый шморовоз, купленный у контрабандистов, появился в Джяне у Хачапур Волосатого, который владел бордельно-игровым бизнесом. На радостях Хачапур насосался коньяка, дал газу и на дикой скорости улетел в море, пробив капотом ограждение пляжа. Хачапур удалось спасти, а шморовоз утонул. Его подняли, но вид он имел чудовищный. А кто был лучшим специалистом Джяна по халтуре? Конечно, мой дядя Лаваш! Мне повезло, что я тогда уже был студентом и находился на Потенции. Дядя за крупную сумму денег взялся отремонтировать разбитый шморовоз. Поскольку в то время кузовных запчастей в продаже не существовало, дядя для ремонта употребил запчасти от джамобилей. Как ему это удалось сделать — я и сам не понимаю. Но шморовоз сиял как новенький! Дядя отлично заработал, и Хачапур укатил довольным. Но на следующий день шморовоз был в форме взятки передан планетному судье, которого звали Пай Дай. Хачапур собрался возвести очередной бордель, совмещенный с казино, прямо на центральном городском пляже, и покупку участка в запретном для строительства месте нужно было узаконить через суд. Судья на радостях напился водки, дал газу и помчался по трассе с бешеной скоростью. От тряски запчасти джамобилей, всунутые в отремонтированный аппарат, отвалились и шморовоз рассыпался. Судья с рулем в руках целую милю тархтел сиденьем по асфальту, пока седушка не стерлась. Горе-водителю повезло остановиться как раз тогда, когда у него загорелся зад. Судью потушили и отвезли в больницу. Хачапур, сволочь, тут же написал заявление в полицию, что мой дядя во время ремонта подложил в шморовоз гранату с целью покушения. Лаваш, будучи человеком мнительным, моментально заработал инфаркт, отчего и умер. Поскольку главного обвиняемого не стало, дело заглохло, но Хачапур пришлось заново давать взятку, только уже тагриками. Дядя перед смертью успел написать завещание и оставить мастерскую мне.

Я сначала хотел было продолжить дядино дело, но узнал, что тетка Чурчхела собралась подать на меня в суд жалобу с целью оттяпать часть наследства в свою пользу. Я не стал ждать и быстренько продал мастерскую тому же Хачапуру. Пусть попробует теперь с ним судиться! А себе купил шморовоз. Вот и все...

Он вздохнул и жадными глазами посмотрел на пустую банку из-под анчоусов.

— Зачем студенту такой аппарат? — спросил Джем.

— Эх, жаль мало удалось поездить! — вздохнул Кебаб. — Зато с каким форсом! Когда я впервые подкатил к Университету в шморовозе, у ректора от обалдения многодневный запор случился. От студенток отбоя не стало! Это вам не какой-то там дырявый джамобиль!

— Да уж, — улыбаясь, заметил Джем. — Вы, сочинцы, без понтов жить не можете. Будь ты полицейским — мечтал бы о золотом пистолете.

— А что? — задрал вверх брови Кебаб. — У начальника полиции Джняна такой есть. Начальника, кстати, зовут — Пахан Родимый и он мой друг.

— Слушай, а у вас на Сочи джамобили наверняка дешевле стоят? — спросил у Кебаба Батон.

— С какого перепуга у нас они дешевле? — удивился тот.

— Но они же у вас производятся?

— Ты что, сдурел? На Сочи кроме вареной кукурузы, шлюх и шашлыка ничего нет. Это же пляжно-карнавальная планета.

— Я сам родом с Дубаря, — почесал в затылке Батон. — У нас их точно не делают. Если б они собирались там, то поступали бы в продажу уже с размороженными двигателями, потому что на заводе-изготовителе в радиаторы заливают какую-то мочу вместо антифриза.

— Хм, — задумчиво сказал Джем. — На моей Потенции тоже нет таких заводов... Получается, что эти ведра с гайками производят на Слякоти?

— Вполне возможно, — согласился Кебаб. — Это как раз объясняет их вечно ржавый вид. На Слякоти такая влажность, что джамобили начинают гнить еще в сборочном цеху.

— Но ведь джабли и джанкеры производит та же фирма! — вспомнил Джем. — У них на каждом из бортов выбиты эмблемы. Ну, этот их перевернутый тазик с парусом поверх дна.

— И к чему ты клонишь? — заинтересованно спросил Кебаб.

— К тому, что производство джаблей — не варка кукурузы в тазике для грязного белья. Да плюс еще джамобили, джабусы, грузовые джафурь... А строительная и прочая техника? А железнодорожные вагоны и локомотивы? На них тоже такие эмблемы. Где все это делается? Такие заводы не спрячешь! Никакое частное лицо не сможет владеть подобной фирмой тайно.

— Ответа может быть только два, — сообщил Батон. — Либо все это производится государством, либо поступает извне.

— Да ладно! — не поверил Кебаб. — Это я насчет твоего «извне». Джамобили появились еще до Первой Шмордонской войны, впрочем, как и поезда. Но если учесть, что качество техники и модельный ряд с того времени совсем не изменились, напрашивается первый вывод.

— Вполне возможно, — согласился с этими доводами Джем. — Надо будет об этом Морса спросить.

В эту минуту закончился рекламный блок и на экране шморовизора опять появился ведущий новостей.

— Внимание, — тревожным голосом сказал он. — Прислушайте срочное сообщение! Несколько дней назад на планете Дубарь высадилась группа шмордонских шпионов. В этом недружелюбном акте подозревается предприниматель Крокозябл-старший, чьи торговые звездолеты бороздят просторы нашей системы. Премьер-министр Морс направил предупредительное письмо в нужную шмордонскую инстанцию. Ответа пока нет, как и на предыдущее заявление об избиении Крокозябла-младшего...

На экране возникли фотографии шестерых людей с мрачными лицами.

Диктор продолжил:

— Власти Джаппурии обращают внимание подданных королевы на эти преступные морды. Шпионы были задержаны полицией Дубаря и взяты под стражу. Но в полицейском Управлении города Колотуна, который находится на планете Дубаре, при странных обстоятельствах группа шпионов предприняла побег. Из источников, которые мы не будем разглашать, поступила информация, что эти негодяи совершили подкуп всех чиновников полицейского Управления Колотуна. Министр Полиции Квас лично занимается расследованием этого скандального дела. Власти просят проявить бдительность и соблюдать осторожность. Шпионы одеты в джаппурские наряды и имеют с собой музыкальные инструменты: три джармошки, две джалалайки и один контраджас. Внимание! Инструменты могут быть заминированы! При обнаружении членов этой преступной бандгруппы целиком или поодиночке просим сообщать властям. Только не в полицию, а в прокуратуру...

— А почему в полицию нельзя сообщать? — не понял Батон.

— Да потому что у этих мерзавцев, наверное, еще деньги остались, и они опять смогут отмазаться, — авторитетно пояснил Кебаб. — А в прокуратуре такие расценки, что ни у одного из шпионов бабосов не хватит. Если они, конечно, не родственники Крокозяблов.

— Надо же, наконец-то шмордонская разведка адаптировалась к тяжелой джаппурской действительности, — смеясь, сказал Джем. — Всего за двести лет... Ох, и побегают же теперь за ними! О, смотрите, это уже про нас.

На экране возник джанкер, взлетающий с черной поверхности Тринадцатой планеты. На борту грузовика золотистыми буквами светилась надпись «Юбилейный».

Диктор говорил:

— Вы видите звездный корабль, который везет юбилейную трехсотую тонну чистого самородного золота, добытую на Тринадцатой планете!

В шморовизоре тут же возникла заснеженная площадь какого-то маленького городка. На площади колыхалась толпа мужчин с недобрыми испитыми лицами. Они размахивали кулаками и что-то вдохновенно орали. Ведущий сообщил:

— Это добровольцы, желающие отправиться на разработку золотых месторождений...

— Ничего подобного, — заявил Батон. — Это лыжный курорт Бодунхотор. Там сейчас проходит посвящение фуфлыжников в лыжники. Кстати — довольно веселый праздник.

— Оно и видно, — кивнул головой Кебаб. — Интересно, вы там у себя на Дубаре хоть иногда бываете трезвыми?

— Нет, — серьезно ответил Батон. — Без этого дела замерзнешь сразу.

— Неужели кто-нибудь верит вранью про это чертово золото? — спросил Кебаб.

— Вся эта чушь по шморовизору показывается с одной целью, — сказал Джем. — Чтобы лорд Крокозябл видел и сообщал императору. Кстати, у него в посольстве установили какую-то круглую антенну. Морс мне говорил, что служащие посольства имеют возможность прослушивать все шморофонные разговоры.

— Ну, передаст он императору про золото. И что? — Кебаб встал, вытер рукавом со стола, выбросил пустую банку в мусорный контейнер и опять полез в шкаф с консервами.

Гремя там банками, он продолжил:

— Эти умники думают, что император просто захватит Тринадцатую планету и дальше не полезет? Идиоты! Ну, захватит он ее, увидит, что тут не золото, а куча дерьма. После этого Шмор еще быстрее поскачет в бой.

Кебаб вернулся к столу с довольным лицом.

— Зеленый горошек нашел!

— Когда ты уже нажрешься? — спросил у него Батон.

— Мне, как жителю жаркой планеты, для нормальной жизни необходимы витамины, поскольку я привык к ним с детства, — ответил Кебаб, орудуя консервным ножом.

Он запрокинул голову, одним махом выдул весь рассол и принялся поглощать горошек, засыпая его в рот прямо из банки.

Диктор в шморовизоре сообщил:

— На Слякоти обнаружена партия консервированного горошка, в каждой банке которого вместо горошка находились яички зеленых сусликов, обитающих в пустыне Сушняк на планете Сочи.

Глаза Кебаба вылезли из орбит, он подавился, закашлялся и, в два прыжка оказавшись у мусорного контейнера, принялся исторгать из себя недавно съеденные анчоусы. Джем с Батоном закатились хохотом, а диктор продолжил:

— Такие консервы являются деликатесом в Боскории. По всей видимости, компания «Крокозяблус» перепутала заказчика. Эта пища на любителя и вреда здоровью не наносит. Но сам факт использования банок для горошка предполагает участие Крокозябла-старшего в контрабандной деятельности, отмывании денег, уклонении от уплаты налогов и браконьерстве, связанном с убийством сусликов, занесенных в Красную Книгу редких животных.

Кебаб, разогнувшись, вытер рот рукавом и посмотрел влажными глазами в лицо диктора на экране.

— Я тебя, гада, убью! — тихо сказал он. — Вот только с каторги выйду и сразу убью! Вместе с твоими вонючими Крокозяблами, которых что-то стало слишком много вокруг.

Джем с Батоном захохотали еще громче. Батон сквозь смех сказал:

— Да, может, горошек, что ты съел, не из той партии!

— Пойди теперь проверь, — ответил Кебаб, покосившись на мусорный контейнер. — Чувствуется, что вкус не тот. А продукты мы получаем как раз со Слякоти!

Он икнул и снова нырнул головой в мусорку.

— Драть мои копыта! — крикнул Батон. — Это сколько же сусликов нужно грохнуть, чтобы наполнить одну банку?!

— А ящик?! — поддержал Джем.

Из мусорки раздался рык и Кебаб задергал ногами...

Лежа в своей койке, Джем слышал храп Батона и сонное причмокивание Кебаба, но сам уснуть не мог. Он ворочался с боку на бок, считал в уме верблюдов, баранов, даже шпионов, но все было без толку. Через час Джем в голову пришла спасительная мысль: надо выпить кружку браги и тогда заснешь — как младенец. Но не хотелось вставать и греметь канистрами, которые стояли в аппаратной возле электрической отопительной батареи. В памяти вдруг всплыли картины пятилетней давности...

Шмор Двенадцатый гневно тряс кулаками и кричал, что императоры не сдаются и потому акт о полной капитуляции он подписывать не собирается. Тогдашний командующий Звездным Флотом лорд Думбум уговаривал императора не горячиться. В этом ему помогал его заместитель лорд Надолб. Но император орал, что флагманский звездолет захвачен подлостью и потому поражение не должно засчитываться.

Думбум справедливо заметил, что присутствующие в капитанской рубке звездолета господа не занимались игрой в морской бой на бумаге, и потому переиграть кон не получится. Но императору было трудно согласиться с этими доводами. И даже направленные на него лучевые пистолеты никак не способствовали разрешению ситуации. Шмор кричал Джему:

— Стреляй, сволочь! Гибель императора поставит все на место! Вы на одном корабле не устоите против мощи всего флота! А когда меня не станет, этот корабль превратится в пепел и потом флот продолжит победоносное наступление!

Джем понимал, что император абсолютно прав. Что делать дальше, он не знал. Но в рубке кроме перечисленных джентльменов и Батона с Кебабом находился еще один участник представления. Это был маленький пузатый человечек пенсионного возраста с небритым лицом, на котором блестели два выпуклых лукавых глаза. Пока Шмор знакомил Джема со своими суицидальными наклонностями, человечек в углу рубки о чем-то шептался с Кебабом. Последний слушал пенсионера с явным пониманием, кивая головой и соглашаясь с какими-то приводимыми им аргументами.

Вдруг человечек, обращаясь к Джему, произнес:

— Вы позволите мне пообщаться с императором с глазу на глаз?

— Да, — разрешил Джем. — Только не выходя из этой рубки.

Пенсионер отвел Шмора в дальний угол и принялся что-то шептать ему в ухо. С каждой следующей минутой император все более успокаивался. По выражению его лица было видно, что предложения пенсионера не совсем устраивают царственную особу, но представляют собой какой-то приемлемый вариант выхода из возникшей ситуации.

Наконец император кивнул головой, и человечек громко сказал:

— Меня зовут Крокозябл-старший. От имени присутствующего здесь императора я предлагаю заключить мирный Договор, в котором будут учтены интересы двух сторон.

Джем, вздохнув с облегчением, ответил:

— Мы только этого и хотим.

Крокозябл откуда-то вынул пачку бумажных листов, уселся за капитанский пульт и в пять минут набросал текст Договора. Император даже глядеть на него не захотел, но поставил свою подпись первым, брезгливо скривив при этом губы. Джем, зачитав Договор вслух, удивленно спросил:

— Господин Крокозябл, это что? Договор о мире или торговое соглашение?

— Одно от другого неотделимо, — вкрадчиво сказал Крокозябл. — Поверьте моему богатому опыту.

— Правильно он говорит! — вмешался в разговор Кебаб. — А то живем, как гамадрилы. Дальше своего дерева ничего не видим! А кроме бананов имеется еще куча других вкусностей, только находятся они на соседних пальмах. Сколько можно?!

— Очень справедливое и умное замечание, — благосклонно кивнул головой Крокозябл.

Тогда Джему казалось, что самое главное — заключить мир и убрать гроыхающий шмордонский флот как можно дальше от мирных джаппурских планет. Поэтому он сказал:

— Хорошо. Но сначала с Договором должно ознакомиться правительство Джаппурии, а потом его подпишет королева.

Крокозябл осторожно взял Джема под руку, отвел в самый дальний угол рубки и зашептал ему в ухо:

— Отправьте Договор с самым доверенным своим человеком прямо к королеве. Поймите, в правительстве много людей, а все люди разные и хотят разного. И у каждого из них есть свое особое, самое правильное мнение. Потому подписание договора затянется на долгое время, за которое может случиться все, что угодно...

— А что может случиться? — поинтересовался Джем.

Крокозябл пожал плечами:

— Вы думаете, императорские гвардейцы сидят, сложа руки? В любой момент они могут попытаться провести диверсионную операцию с целью отбить звездолет обратно. Но это не главная опасность... Каждую секунду император может передумать и трахнуть голову об угол капитанского пульта. Девиз императорской фамилии: «Честь Шмордона превыше жизни». Договор о мире, конечно, не капитуляция, но все равно проигрыш в войне. Я постараюсь удержать Шмора от самоубийства, но не гарантирую, что смогу это делать долго. Поэтому время — ваш лучший союзник.

Батон с Договором отправился к королеве на самом быстроходном из шмордонских челноков. Кроме официального документа Батон передал Белле записку от Джема...

А сейчас Джем вдруг понял, что заключать мирные договоры и объявлять войны должны только специалисты. И еще ему подумалось, что Крокозябл-старший как раз и был таким специалистом, в отличие от него самого. Может, наказание, назначенное Дjemu с друзьями, как раз и было справедливым?

Джем чертыхнулся, слез с койки и прокрался в аппаратную. Схватив одну из полных канистр, он притащил ее в кухню, включил свет и достал свою любимую жестяную кружку. Наполнив ее воняющей сивухой жидкостью из канистры, Джем залпом опрокинул кружку в рот, проглотил и вытер пальцами выступившие в глазах слезы.

— Бухаем по ночам в одиночестве? — спросил Батон, стоя в дверях.

— Под одеялом, как чмошник-единоличник, — донесся голос Кебаба из-за плеча Батона.

Джем, рассмеявшись, водрузил канистру на стол и сделал рукой приглашающий жест. Уговаривать никого не пришлось.

Пока друзья разливали по кружкам брагу, Джем сходил в аппаратную и принес оттуда шморофон, который находился в сейфе с кодовым замком. Хранился этот прибор там потому, что по пьяной лавочке иной раз Кебаб норовил высказать Морсу все, что он о нем думает.

Увидев в руках у Джема шморофон, Батон спросил:

— Ты собрался Премьер-министра поднять с постели для посещения туалета?

— Черт его знает, где он сейчас находится, — ответил Джем. — Может, у него уже утро. А мне пришла в голову интересная идея.

Он нажал на кнопку вызова и приложил прибор к уху. Через минуту сонный скрипучий голос произнес в трубке:

— Алло.

— Это Джем, — сказал Джем.

— Хорошо, что не император Шмордона, — странно ответил Морс.

— Доброе утро.

— Какое, к черту, утро? Я нахожусь на Дубаре в поселке Простатитовке на «Фестивале подледной рыбалки». Здесь сейчас три часа ночи! А мне в пять на рыбалку вставать! Что вы хотели?

— У меня родилась идея. Мне нужен джабль, которым можно пожертвовать.

— У вас есть «Нежный бутон юности».

— Им я жертвовать не стану! И еще кое-что.

— Стоп! — перебил Джема Морс. — Это не шумофонный разговор. Завтра отправьте письмо с любым грузовым джанкером и сообщите, с каким. Отбой связи!

Джем посмотрел на отключившуюся трубку, потом на кружку и сказал:

— Батоша, не пора ли тебе перегнуть эту бурду в нормальный напиток? Сдается мне, что времени для этого хватит.

Батон утвердительно кивнул головой, а Джем, хорошенько хлебнув из кружки, принялся излагать друзьям пришедший в его голову план.

Перед тем как войти в свой большой кабинет, Шмор Тринадцатый слегка отодвинул портьеру и замер, разглядывая членов Государственного Совета, собравшихся по его приказу за длинным овальным столом. Присутствовало не более трех десятков. В этот день большинство из них были императору не нужны, но когда дело касалось такого важного события как война, порядок нарушать не хотелось.

Все генералы и чиновники картинно сидели за столом, глядя на наследника престола Шмора, которому суждено было стать Четырнадцатым. Ему уже исполнилось пятнадцать лет, и представлял он собой того, кого и должен был представлять в таком возрасте — прыщавого самоуверенного подростка, знающего все на свете и считающего взрослых дураками.

Шмор Тринадцатый был прекрасно осведомлен, что в народе сына его называют Шморенышем, но не придавал значения молве, полагая, что юношеская глупость со временем излечится. А каким способом — наукой или папиными подзатыльниками — не столь важно. Сам же он называл сына ласково — Шморчик.

Император уже виделся с наследником утром. Зайдя к нему в покои, он обнаружил, что сын занят кипучей деятельностью. Посреди спальни стояли четыре огромных чемодана, набитые неизвестно чем. Подросток бегал по комнате, хватал какие-то вещи, книги, безделушки и засовывал их в большой туристический рюкзак.

Император уселся в кресло и поинтересовался:

— Куда это ты собрался?

— На войну, — ответил наследник престола, продолжая запихивать в рюкзак толстый том.

— И эти все чемоданы ты собрался взять с собой? — удивился император. — Что ты туда положил?

— Самые необходимые в бою вещи, — книга никак не хотела лезть в рюкзак, и потому храбрый воин решил передохнуть.

Он положил том на пол, вытер рукавом пот со лба и, усевшись на один из чемоданов, решительно посмотрел на отца.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Например? — с любопытством спросил император.

— Большинство — книги по военной истории Шмордона. Я их не все еще прочитал. Но в перерывах между боями обязательно этим займусь. В книгах есть ответы на все вопросы, связанные с тактикой и стратегией. А еще я положил в чемоданы гвардейскую форму с аксельбантами, начищенные сапоги, котелки, кружки, ложки, ну и, конечно, консервы...

Император, удивленно задрал брови вверх, поинтересовался:

— Как же ты сможешь унести на себе все эти вещи? Да еще на поле боя!

— Отец, ну ты даешь! — негодуяще воскликнул юный воин. — Зачем же мне таскать эти вещи, если для этого у каждого порядочного полководца имеются денщики? Это — во-первых. Во-вторых: я не собираюсь скакать по полю боя лично. Можно руководить сражениями с борта звездолета.

— И кем же ты собрался руководить? — спросил отец, забавляясь глупой самоуверенностью своего отпрыска.

— Ты выделишь мне в подчинение одну из боевых эскадр, — с апломбом заявил Шморчик. — Я отправлюсь в свободный поиск, где и найду применение звездолетам, ибо у меня уже готов хорошо продуманный план.

— Ты поделишься со мной его сутью?

— Он секретный! — буркнул наследник и отвернул лицо в сторону.

— Ну ладно, — сказал Шмор, превратившись из отца в императора и вставая с кресла. — Раз план секретный, пусть секретом и останется. Но чемоданы можешь разобрать. Во-первых: война не парад. Во-вторых: ты останешься в столице.

— Не понял! — сказал подросток, вскакивая на ноги.

— Кто-то из нас должен остаться, чтобы управлять Шмордоном. Если я возглавлю флот, то этот кто-то — естественно, ты.

— Прикажи остаться Крокозяблу! Ты уже делал это!

— Крокозябл мне нужен в Джаппурии. Лучше него никто не сможет заключить договор, если потребуются. А на престоле должен сидеть не банкир, а ты. Во время войны с Боскорией я оставил Крокозябла вместо себя. И что получилось? Эти несколько месяцев он занимался тем, что гнобил своих конкурентов, пытаясь их разорить, а государственными делами никто не занимался. За это время он стал вдвое богаче, а имперская казна уменьшилась ровно на величину его прибыли. Больше я такого не потерплю. Поэтому ты останешься здесь. А поможет тебе в делах Государственный Совет и леди Крокозябл. Завтра она выйдет из карантина. Слушай ее. Она умная женщина.

Шмор Тринадцатый вышел из покоев сына, оставив своего наследника стоящим посреди комнаты с опущенными руками. Великий шмордонский полководец впал в состояние остолбенения и смотрел в спину уходящему отцу невидящими глазами...

Сейчас, глядя на сына, император понял, что тот уже успел прийти в себя после утреннего разговора. Шмореньш (явно подражая отцу) прохаживался по кабинету и, задрвав вверх руку с вытянутым указательным пальцем, говорил ломающимся петушиным голосом:

— Тактика — это вам не пинание мяча ногами! Ее годами изучать надо. Я уж не говорю о стратегии...

В кабинете находились генералы и адмиралы, прошедшие десятки сражений и захватившие множество миров во славу империи. Тактику и стратегию они знали лучше Шмореньша, но благообразно молчали, смотря на наследника стеклянными глазами.

— Потому не надо мыслить старперскими категориями, — продолжал великий стратег, — а нужно действовать уверенно и профессионально, предварительно взвесив все минусы и плюсы...

Лорд Надолб, глядя на Шмореньша, думал о судьбе своего бывшего начальника лорда Думбума, пострадавшего совершенно несправедливо. После поражения во Второй Джаппурской войне его выбрали козлом отпущения и отправили пилить елки. Хорошо, хоть, не зубами. Лорд Думбум был опытным флотоводцем и всегда взвешивал все плюсы и минусы. Где он сейчас? Довзвешивался...

— Поэтому план должен быть таким, — продолжал Шмореньш, размахивая уже двумя руками. — Каждой эскадре — по планете. И не имеет значения, обитаемые они или нет. Разбомбить все к бесу! А потом они сами прибегут сдаваться!

Граф Вискерс, прекрасно знавший привычки императора, как секретарь сидел за отдельным столом позади всех. Несмотря на догадку, что Шмор Тринадцатый подглядывает за собравшимися, он не выдержал и спросил у наследника престола:

— Ваше высочество, если всех разбомбить, то кто тогда сдаваться прибежит?

Шмореныш споткнулся и на секунду задумался. Но умная мысль посетила его сразу:

— Прибежит тот, на кого бомбы не попадут. А если даже никого не останется, значит

— победа будет полной. Представьте, не надо будет даже бумагу марать для подписания акта о капитуляции.

Вискерс тут же нырнул под стол, а у Шмора Тринадцатого зачесалась правая ладонь, и он понял, что это чисто рефлекторное явление, означающее простое желание выдать своему отпрыску мощный императорский подзатыльник. Сдержав себя от столь некультурного поступка, Шмор пробежал взглядом по лицам присутствовавших заседателей.

В конце стола на краешке стула сидел Крокозябл-старший, и это было хорошо, потому что он требовался императору именно сегодня. А вот Его Преподобие пропистор церкви Двенадцатиликого Бога был отнюдь не нужен. Но по рангу расположился в самом центре стола и клевал носом. Был он в преклонном возрасте, лыс, бородат — и звали его отцом Инквизитом. Лорд Надолб, барон Филер (почему-то сиявший в этот день подобно начищенному медному тазу) и начальник Генерального штаба маркиз Шухер также были полезными винтиками намечающегося процесса. А вот синий, похожий на сливу нос уснувшего сидя лорда Хлебазла уж точно не требовался императору.

Шмор Тринадцатый выскользнул из-за портьеры и направился к своему креслу во главе стола. Члены Государственного Совета встали по стойке «смирно», и даже Шмореныш вытянулся в струнку. Не приветствовали императора лишь Инквизит с Хлебазлом (потому что продолжали спать) и Вискерс, застрявший под своим столом. Но на графа по привычке никто не обратил внимания, а вот пропистор с лордом оказались под ударом.

Шмор, подойдя к своему креслу, негромко произнес:

— Присаживайтесь, господа.

Когда все уселись, он добавил:

— Следующую команду приказываю не выполнять.

Затем во всю силу своих легких император крикнул:

— Кто спит, встать!!!

Инквизит и Хлебазл вскочили, как ужаленные! Осмотревшись мутными глазами, они поняли, что стоят вдвоем, когда все остальное приличное общество сидит, и попытались упасть на стулья, но император им этого сделать не позволил.

— Стоять! — рявкнул он, и две фигуры застыли над столом подобно сусликам.

Вискерс во время предыдущего вопля Шмора тоже хотел вскочить, но ударился головой о столешницу и потому теперь потирал ушибленное темечко рукой, улыбаясь от радости, что беда его миновала.

Шмор спросил у пропистора:

— Почему спим на совещании, святой отец?

Инквизит чинно ответил:

— Всю ночь я усиленно молился спасителю нашему о победе шмордонского оружия. На ногах стоял я в храме и просил Господа покарать Джаппурию!

— Ну и как? — поинтересовался Шмор. — Вымолили победу?

— Да, ваше величество. Бог будет с нами!

— Это хорошо, когда кто-то занимается полезным делом, не щадя себя. Граф Вискерс, — обернулся император к секретарю, — немедленно уложите пропистора на во-о-он тот диван. Пусть приступит к немедленному отдыху.

Вискерс тут же подлетел к Инквизиту, подхватил его под руку и ненавязчиво, но жестко поволок к одному из диванов, стоявших у стены. Пропистор на ходу крикнул:

— Но я уже не хочу отдыхать!

— Не скромничайте, Ваше Преподобие, — сказал император. — Вискерс, обеспечьте ему легкий и приятный сон.

— Будет сделано, ваше величество! — долетел из угла кабинета задорный голос графа.

Пока там продолжалась возня, сопровождавшаяся почему-то шлепками и глухими звуками ударов, Шмор разглядывал лорда Хлебазла, понимая, что здесь — совсем тяжелый случай.

Лорд Хлебазл был полной противоположностью графу Вискерсу. То есть — в вопросе употребления горячительных напитков располагался с другой стороны линии фронта. Если Вискерс глотал по чуть-чуть и часто, — лорд хлебал размеренно, но стаканами. Вот и сейчас (если судить по его лицу) сразу было видно, что очередной стакан коньяка он употребил непосредственно перед входом в кабинет. Но самое интересное в этой ситуации заключалось в том, что император не знал, как следует с ним поступить.

Лорд Хлебазл был отцом погибшей пять лет назад императрицы и приходился наследнику престола родным дедом. Более того — он занимал пост Министра Имперской Безопасности и являлся оплотом Шмора Тринадцатого в вопросах сохранности престола.

Шмор тяжело вздохнул и обратился к Хлебазлу:

— Ну, ваша светлость, вы тоже всю ночь занимались государственными делами?

— Да, ваше величество, — ответил лорд, тяжело ворочая языком. — Мои контрразведчики поймали разгульдяйского шпиона.

— Не может быть! — с сомнением в голосе произнес император. — Ведь еще два года назад Разгульдяй стал имперской провинцией.

— Я не виноват в том, что он два года пробирался к нашей столице, — ответил Хлебазл. — Вот такой тормознутый шпион попался.

— И что он рассказал?

— Я лично допрашивал его всю ночь, — лорд зачем-то показал присутствующим свои мозолистые руки. — Молчит, сволочь!

— Ладно, садитесь, — разрешил император.

Хлебазл, усевшись, стрельнул глазами по лицам и остановил свой взгляд на Вискерсе, который тут же ему подмигнул. Лорд облизнулся. Шмор тем временем начал заседание:

— Итак, господа, я собрал вас здесь затем, чтобы решить очень важный вопрос. На одной из планет Джаппурии был жестоко избит наш посол лорд Крокозябл. Мало того — над ним надругались, вытерев об него ноги, что является оскорблением всего дворянства империи. В связи с этим я решил объявить Джаппурии войну.

— Правильно, отец! — вскочил сидевший справа Шмореныш. — Целиком и полностью одобряю!

Шмор, сунув зачесавшуюся опять руку за спину, обдал своего отпрыска холодным взглядом и строгим голосом заметил:

— Я не нуждаюсь ни в чьем одобрении!

— Ой, прости, я немного забылся, — сконфузился Шмореныш и сел на свое место.

Шмор оглядел заседателей и увидел, что лорд Хлебазл снова заснул, повесив свой нос на грудь. Решив не обращать на тестя внимания, император продолжил:

— Но зато я нуждаюсь в советах. Слушаю ваши мнения о порядке ведения боевых

действий, господ. Адмирал Надолб, начинайте. В процессе заседания прошу всех сидеть.

Лорд Надолб принялся докладывать:

— У нас полностью подготовлено двенадцать боевых эскадр. Двенадцатую Эскадру предлагаю оставить в секторе Боскори, ибо эта система стала нашей совсем недавно.

Император согласно кивнул головой.

— Одиннадцатую лучше расположить близ Разгульдя, так как эти контрабандисты до сих пор не успокоились.

Шмор опять кивнул.

— Десятую предлагаю отправить на границу наших владений в район созвездия Шмороглота. Республика Тарахтун продолжает вооружаться. Она пока не является нашим владением. Правда, опасности не представляет, так как с их темпами вооружения они смогут противостоять нам не раньше, чем через сто лет, и то — если мы им позволим это сделать. Но на время ведения войны считаю нужным усилить там границу.

Император, подумав немного, подтвердил свое согласие головой.

— Для охраны, собственно, Шмордона останется Девятая эскадра. Остальные восемь — включая Четвертую Гвардейскую — в вашем распоряжении, ваше величество.

— Отлично, — сказал император. — А теперь поговорим о характере ведения боевых действий. Что нам сообщит начальник Генерального штаба Звездного Флота?

Маркиз Шухер — толстый, как пивная бочка — достал кучу каких-то карт и принялся их на столе разворачивать.

— Словами, словами, — потребовал Шмор.

Шухер собрал карты, засунул их в свой портфель и начал бубнить:

— Предлагаю силами Четвертой Гвардейской эскадры нанести удар по Тринадцатой планете. Потом высадить десант, захватить ее и объявить своей территорией. Остальные эскадры будут находиться на охране императорского флагманского корабля. Таким образом мы не допустим повторения прошлой неудачи. После захвата Тринадцатой планеты можно закончить войну, потому что остальные планеты нам не нужны. Зачем Шмордону белые медведи и толпы пляжных шлюх? Операция по моему плану не приведет, практически, ни к каким потерям в нашей живой силе, потому что не будет высадки десанта на обитаемых планетах и тем самым исключится возможность сдачи в плен.

— Достаточно, — перебил Шухера император. — Кто еще хочет высказаться?

— Я! — крикнул Шмореныш.

— Молчать! — коротко приказал Шмор Тринадцатый. — Барон Филер, у вас есть что-нибудь?

— Да, ваше величество, — ответил барон, сияя улыбкой. — Последняя группа приступила к выполнению задачи!

— Долóжите позже, — сказал император и сделал Филеру знак молчать. — У кого-нибудь еще есть план ведения компании? Нет? Значит, предлагаю утвердить план маркиза Шухера.

Шмореныш, сидя на стуле, дергался как припадочный. Ему так хотелось высказать свое авторитетное мнение, что он сучил ногами, стучал пальцами рук по коленкам и еле сдерживал вой, готовый вырваться из горла. Но последние слова отца просто взорвали мозг молодого военного гения, и он, сбросив с себя всяческие психологические путы, вдруг вскочил и принялся кричать:

— Что вы делаете?! Этот трусливый план никуда не годится! Нужно перекрыть любое

сообщение между планетами Джаппурии и...

Шмор Тринадцатый, встав, выдал сыну подзатыльник такой мощности, что тот упал на пол и закатился под секретарский стол, выбив оттуда графа Вискерса, нырнувшего в очередной раз по своим обычным делам. Граф встал на ноги, встряхнулся и посмотрел на императора. Шмор сделал знак рукой и Вискерс, вытащив из-под стола юного полководца, отнес его куда-то за портьеру.

Лица присутствующих заседателей расцвели удовольствием от просмотра увиденного воспитательного процесса (за исключением лорда Хлебазла, продолжавшего во сне мочалить нос о свою же грудь), а Крокозябл-старший даже сделал жест, означающий хлопанье в ладоши.

Император, поправив узел галстука, произнес:

— Итак, планы маркиза Шухера и лорда Надолба принимаются к исполнению. О сроках начала операции сообщу позже. Прошу остаться в кабинете адмиралу Надолбу, бригадиру Филеру, господину Крокозяблу и графу Вискерсу. Остальные свободны.

Когда в кабинете остались лишь названные императором люди, он подошел к спящему Хлебазлу сзади, остановился и с интересом посмотрел лорду в затылок. У присутствующих сразу возникло ощущение, что император просто мечтает применить свой коронный подзатыльник в отношении нового объекта. У Шмора даже дернулась рука, но, видимо, он нашел в себе силы удержаться от столь ребяческого шага.

— Вискерс! — позвал император.

Граф тут же возник рядом.

— Возьмите эту дохлятину и лично отвезите на связной челнок «Быстрый». Он крутится на орбите. Передадите его капитану мой приказ: доставить лорда Хлебазла на флагманский бомбоносец «Империя», который сейчас находится возле Черной звезды вместе с остальными кораблями флота. Пусть там занимается борьбой с шпионами.

Вискерс тут же подхватил Хлебазла под мышки, сдернул его со стула и потащил из кабинета вон. Ноги лорда волочились по полу, но он так и не удосужился проснуться. Как только двери кабинета закрылись, Шмор обратился к Надолбу:

— Адмирал, как только закончится заседание, по своим каналам свяжетесь с капитаном «Быстрого» и передадите дополнение к моему приказу: графа Вискерса с борта не отпускать, а доставить туда же.

— Но ваше величество! — воскликнул Надолб. — Сразу два таких гм... специалиста на флагманском корабле? Я боюсь за боеготовность флота!

— Не бойтесь, — сказал император с улыбкой. — Я потом заберу секретаря к себе. Мой приказ является предупредительной мерой. Если Вискерса не загрузить в корабль заранее, он обязательно проспит плановое отправление, как и его предок. Гены это или хитрость — разбираться будет поздно, а он мне нужен.

— Простите, ваше величество, — вступил в разговор Филер. — Вы сказали, что потом заберете секретаря к себе. Разве вы не отправитесь на флагманском бомбоносце?

Император ответил:

— Нет, конечно. Разве я похож на дурака, дважды наступающего на одни и те же грабли?

Он жестом предложил всем занять места за столом. Когда Надолб, Филер и Крокозябл устроились на стульях, Шмор сел напротив них и сказал:

— Вся эта комедия с Государственным Советом вызвана простой необходимостью, связанной с обеспечением секретности. Языками любят трепать все: ваши военные, лорд Надолб; ваши торговцы, господин Крокозябл; и даже ваши шпионы, барон Филер. Теперь пусть болтают, сколько угодно. А мы поговорим серьезно. Итак, что вы хотели мне сообщить, барон?

— Впервые группа моих шпионов, подготовленных по новой креативной программе, сумела проникнуть в Джаппурию и утвердиться там!

— Правда? — недоверчиво спросил император. — Ну что же, хвалю. И что они сообщают?

— С ними пока нет связи, — сконфузился Филер. — Но лорд Крокозябл обещает ее установить в ближайшее время.

— Откуда вы тогда знаете, что группа утвердилась?

— От господина Крокозябла-старшего, — ответил Филер и покраснел ушами. — И от его сына тоже. Он прислал шифровку.

Император посмотрел на банкира и тот стал рассказывать:

— Мои торговые корабли не имеют права посадки ни на одну из планет Джаппурии, впрочем, и членам экипажей запрещено посещение их городов, курортов и предприятий. Мои корабли перегружают поставляемые товары в трюмы их джанкеров прямо на орбитах планет. Но при погрузке товаров и вообще, при любой купле-продаже, люди имеют обыкновение общаться. А, бывает, менеджерам иной раз удается выпить чашечку кофе в каюте торгового представителя Джаппурии. В этом случае они разговаривают, читают их газеты и даже смотрят новости по шморовизору. Отсюда информация. Группа шпионов барона Филера высадилась на планете Дубаре. Часть ее погибла при странных обстоятельствах. Вроде как они полезли обниматься к белым медведям и те их сожрали. Но это, скорее всего, газетное вранье, ибо ни один здравомыслящий человек не додумается до такого идиотизма!

Услышав эти слова, барон Филер вдруг почему-то резко побледнел, но никто этого не заметил.

— Остальную часть группы схватила полиция, — продолжал Крокозябл. — Но шпионы умудрились подкупить все полицейское Управление Дубаря и скрыться в неизвестном направлении. Я думаю, ваше величество, что действие этой группы — настоящий прорыв в шпионском деле и барону Филеру надо отдать должное.

Филер слегка приподнял над стулом зад и благодарно кивнул банкиру головой.

— А какая польза от этой группы? — осведомился император.

— Ну, о пользе говорить пока рано, — сказал Филер, — но как только они выйдут на связь...

— Мне что, войну из-за этого не начинать? — строго спросил Шмор. — А если они год на связь не выйдут? А если и их медведи съедят? А если их опять поймают?

— Не поймают, ваше величество, — заявил барон. — У них денег много.

— Ладно, — махнул рукой император. — Для того, чтобы не случилось неожиданностей, надо обезопасить себя со всех сторон. Лорд Надолб, что вы знаете о той части пространства, которая находится за системой Джаппурии?

— Там ничего нет, — ответил адмирал. — Точнее — ничего интересного. Мы находимся в самом конце рукава нашей галактики. За нами только Джаппурия. На ней галактика заканчивается и ближайшее звездное скопление расположено так далеко, что

даже наши современные крейсера будут туда лететь не один десяток лет.

Шмор взглянул на Крокозябла.

— Адмирал абсолютно прав, — подтвердил тот.

— Один из разгульдяйских контрабандистов, захваченных нашими таможенниками несколько лет назад, рассказывал о другом, — сказал Филер. — Он говорил, что за Джаппурией на довольно приличном расстоянии находится некая черная туманность. Черная она потому, что там скопились куски темной материи, выброшенной нашей галактикой из своего структурного тела. Свет не проходит через темную материю и нам не видно, что творится внутри этой помойки. Но на самом деле там есть несколько звезд с планетами, на которых обитают гуманоиды.

Во время речи барона Крокозябл как-то странно напрягся, и это не ускользнуло от взгляда императора.

— А почему об этом не знаю я? — спросил Шмор.

— Потому, ваше величество, что верить разгульдяйцам — себя не уважать, — ответил барон. — Я никогда не предоставляю непроверенную информацию. А проверить утверждение контрабандиста пока не получается.

— И вы не владеете этой информацией, господин Крокозябл?

— Я тоже слышал об этой туманности, — ответил банкир, — но считал рассказы о ней космическими байками.

— Ну, хорошо. Поставлю вопрос следующим образом: может ли представлять для нас опасность эта темная туманность во время ведения войны?

— Нет, — заявил Филер. — По словам контрабандиста — расстояние до нее очень большое и сообщения с ней не существует.

Император задумался.

В эту секунду Филер вдруг заметил, как шевельнулась портьера в углу кабинета. Барон пригляделся и увидел чье-то торчащее между двумя шторами ухо. Филер приподнялся над стулом, встретился глазами с императором и указал взглядом на портьеру. Шмор посмотрел в ту сторону, сделал успокаивающий жест и тихо встал с места. Из вазы с фруктами, стоявшей на столе, он взял в руку яблоко, тщательно прицелился и резко бросил его в портьеру. Яблоко с чмокающим звуком впечаталось точно в ухо и за портьерой раздался визгливый крик. Шмор в два прыжка оказался перед шторами, сунул руку в складку и спустя секунду вытащил на свет своего собственного сына. Тот прижимал руку к уху и кривился от боли.

Император, оглядев наследника с головы до ног, отвел штору в сторону и вышвырнул гениального стратега из кабинета. Где-то в глубине помещения послышались звуки кубарем падающего тела; видимо, там была лестница. Шмор Тринадцатый вдогонку крикнул:

— В следующий раз запуссу чугунной гирей вслед!

Император с довольным лицом вернулся к столу и Крокозябл сказал ему умильным голосом:

— На вас похож, ваше величество. Вспомните, как отец гонял вас по этой лестнице за то же самое.

— Да уж, — согласился Шмор и бодрым голосом продолжил, — завтра с одной из верфей господина Крокозябла сходит корабль нового типа и новой серии. Эта серия называется — шморолет. Тип — истребитель. Корабль данного класса меньше крейсера, но больше челнока. Скорость — не утонится никто. Первый шморолет назван «Клинок». Вот на

нем я и отправлюсь. Со мной будут: барон Филер, господин Крокозябл и Вискерс (позже). Лорд Надолб займет место на бомбоносце «Империя» и станет командовать флотом от моего имени до соединения шморолета с остальными кораблями. Ни у одной сволочи не должно возникнуть подозрения, что я нахожусь в другом корабле. Экипаж бомбоносца пусть считает, что я расположился в бронированной каюте и команду отсюда. Мой позывной — «Стиллет». Приказы будете получать от меня в зашифрованном виде по радиосвязи.

Лорд Надолб и барон Филер напряглись, пытаясь ничего не пропустить из речи императора, а Крокозябл рассматривал свои короткие пальцы с обгрызенными ногтями. Вдруг у Филера возникло ощущение, что портьера опять шевельнулась. Он всмотрелся внимательно, и на секунду ему показалось, что в складках материи блеснул чей-то любопытный глаз, но портьера застыла, и барон подумал, что его обмануло зрение.

— Итак, — тем временем говорил император, — кто мне может сказать правду о якобы золотой Тринадцатой планете?

— Правды никто не знает, — ответил Крокозябл. — Грузовые джанкеры караванами доставляют что-то на Слякоть. Они плавно входят в атмосферу и разгружаются там, где все время идет дождь. Полицейские джаблы днем и ночью висят над этим районом. Место постоянно затянуто тучами и мои корабли, пролетая над ним, ничего не видят на поверхности планеты. Но эхолоты показывают, что большая площадь Слякоти покрыта металлом (луч отражается). Средства массовой информации круглосуточно кричат о богатстве, свалившемся на головы джаппурцев, но те почему-то не стали лучше жить. Разработки на Тринадцатой планете ведут наши соотечественники — шпионы, пойманные властями Джаппурии и приговоренные к каторжным работам. Но связаться с ними не удастся, так как руководит там Джек Баламут, кстати — хоть и недалекий, но весьма способный молодой человек.

Крокозябл замолчал и опять уставился на свои пальцы.

— А каковы условия, при которых мы будем удовлетворены? — вдруг спросил он. — Ну, я хотел спросить: какую выгоду мы хотим получить от этой войны? В смысле, что считать победой?

— Победой будем считать то, что получим, — ответил Шмор. — Поскольку мы до сих пор о противнике знаем крайне мало, станем действовать по обстоятельствам. Четвертая Гвардейская эскадра должна заблокировать Тринадцатую планету. Остальные силы лорд Надолб распределит между четырьмя обитаемыми. Прервем все сообщения, предложим сдать и посмотрим, что они нам ответят. Десантные операции не производить без моего разрешения. Кстати, сколько людей находится на Тринадцатой планете?

— Неизвестно, — ответил Филер.

— Сегодня вы, Надолб, летите к Черной звезде и выводите флот к границе Джаппурии. Мы отправимся сразу к точке встречи с Четвертой Гвардейской эскадрой. Там устроим смотр боевым силам и сразу начнем действовать. Совещание закончено.

Шмор встал и все поднялись со стульев. Вдруг со стороны одной из стен раздался кашель. Заседатели повернули головы и на одном из диванов увидели сидящего пропистора Инквизита, который понял, что его заметили и потому произнес:

— Я же говорил, что не хочу отдыхать! А план у вашего величества хороший. Я сегодня же буду молить бога об успешном его воплощении и своим писторам прикажу делать то же самое.

Пропистор встал и важной походкой направился к выходу из кабинета.

Шмор, сжав от злости челюсти, процедил, обращаясь к Надолбу:

— Адмирал, вот вам на флагманский корабль еще один член экипажа. Будете под божественной защитой воевать. Свяжитесь с капитаном «Быстрого», пусть подождет, пока вы Его Преподобие на борт доставите.

Пропистор, услышав слова императора, резко ускорил шаги. Увидев это, Шмор крикнул:
— Взять его!

Пропистор побежал. За ним рванули Надолб с Крокозяблом, а затем и сам император. Филер же никуда бежать не стал. Он смотрел в дальний угол кабинета, где портьера опять начала предательски колыхаться. В коридоре тем временем охотники настигли жертву, и послышалась возня, которая стала сопровождаться воплями:

— Ваше Преподобие, извольте пройти со мной!

— Не хватай меня, солдафон! Мослы свои убери, барыга!

— Тащите его скорей! И чтоб не трепал языком по дороге!

— Прокляну! Бог проклянет! Не трогай бороду!

— Ах ты, божественная рожа! Лягается, сволочь...

— Ай, кусается! Ваше величество, выдайте ему свой фирменный подзатыльник!

Послышался звонкий звук затрешины.

— Ах, так?! Я вам устрою такую победу в войне, что век не забудете!

— Устраивай! Лишь бы языком не болтал...

Шум стал удаляться, а Филер тихо подошел к портьеру, протянул к ней руку и резким движением сдвинул штору в сторону. И отпрянул, невольно испугавшись выпученных от страха глаз Шмореньша. Моргнув, наследник престола жутким голосом прошептал:

— Филер, слушай сюда... Если сдашь меня, в случае поражения в войне мой папаша согласно семейной традиции покончит с собой, я тогда стану императором и сразу же закатаю тебя в бомбу памятника Шмору Великому. А если папаша победит, я все равно когда-нибудь приду к власти и обязательно тебя закатаю туда же! Живого или мертвого... Не сдавай меня, пожалуйста: — и он вдруг расплакался.

Филер, постояв немного перед ревушим наследником, задвинул портьеру на место, развернулся и пошел к выходу из кабинета.

ДЖАППУРИЯ. СОЧИ

Морс оставил в шморовозе все лишнее, включая свой портфель с шморофоном. Переодевшись прямо в салоне, он вышел на Центральный пляж Джяна одетый лишь в плавки, шорты и майку. Премьер-министр даже не стал обуваться в шлепанцы, решив, что после «Фестиваля подледной рыбалки» на Дубаре босым ногам пойдет на пользу горячий песок лучшего сочинского пляжа.

В багажнике шморовоза нашлось старое, но чистое полотенце, принадлежавшее водителю, и Морс, расстелив его почти у самой воды, сбросил с себя шорты с майкой, разбежался как следует, и плюхнулся в теплые воды Бархатного моря.

Наплававшись вволю, Премьер-министр вылез на берег и растянулся на полотенце, блаженно закрыв глаза. Время подходило к обеду, и потому пляж был полупустым, что еще больше радовало Морса. Кроме того — в плавках его никто не узнавал, и это являлось дополнительным фактором, от которого настроение продолжало улучшаться. А что? Разве Премьер-министр не человек? Он тоже имеет право на отдых.

Вообще-то он прилетел сюда для того, чтобы посмотреть на презентацию новой машины, которую начали производить заводы Джаппурии. Назвали аппарат джамовозом и прочили ему большое будущее, так как он считался конкурентом шмордонским машинам. Поговаривали, правда, что на самом деле джамовоз является копией шморовоза, но поскольку между двумя государствами не существовало договора об авторских правах, на претензии Крокозябла можно было наплевать.

До начала презентации было еще далеко, и Премьер-министр решил не спешить.

Лежа на пляже, Морс неторопливо думал о делах. План Джема был интересен, но односторонне. Премьер-министр не сомневался, что теперь Баламуту удастся убедить шмордонцев в том, что золото на Тринадцатой планете действительно есть. Но ко второй части плана Морс испытывал недоверие. Он, конечно, распорядился и сто гектаров трясины на Слякоти покрыли тонким слоем полиэтиленовой фольги. Но что дальше? Торговые корабли Крокозябла-старшего как нарочно крутились возле Слякоти, облетая ее по всякому, типа — это самый короткий курс. Наверняка их приборы засекли появление металлического пятна на поверхности планеты. Но, опять-таки, что дальше? Оставалось только ждать.

А если Шмор Тринадцатый бросит все силы своего флота на захват Тринадцатой планеты? Он ее, естественно, захватит. И успокоится на этом? Вряд ли...

Течение спокойных мыслей Премьер-министра вдруг нарушилось тенью, упавшей на его лицо. Морс открыл левый глаз и с неудовольствием увидел торчавшего над собой человека причудливой внешности. Он был гладко выбрит и одет в фиолетовые майку с шортами. Правая рука его сжимала длинный посох, а на поясе висела пристегнутая ремнем к животу большая жестяная банка с прорезью в крышке. Морс чуть повернул голову и перед носом его оказались ноги человека, обутое в громадные кирзовые сапоги того же фиолетового цвета. Эта обувь, странно смотревшаяся на пляже, была покрыта сетью маленьких дырочек (чтоб ноги сильно не потели).

Настроение Морса тут же испортилось. Перед ним стоял самый обычный свистон.

И судя по цвету его одежды, принадлежал он к церкви Дважды Грохнутого Бога. Религия, проповедуемая свистонами, разбилась на две конфессии. Разница между ними была только в названиях. Одна ветвь церкви молилась Дважды Грохнутому Богу, другая —

Единожды Воскресшему. Первые одевались в фиолетовые одежды, вторые — в зеленые. Теологией они пользовались одной, но это не мешало им считать своих оппонентов еретиками. Верховные свистоны этих церквей регулярно перебрасывались анафемами, и, бывало, даже били друг другу лица при встрече. Паства, обращенная в их веру, делилась приблизительно поровну и была самой многочисленной в Джаппурии.

Святой отец, увидев открытый глаз Морса, издал ритуальный свист и произнес гулким басом:

— Сын мой, пожертвуй сколько можешь Дважды Грохнутому Богу. А можешь ты много, так как отдых на Центральном пляже Джяна — удовольствие не из дешевых. Вот севернее по берегу — где находится город Кемпинджик — собирается всякая нищяя босота, которая экономит на еде, и потому привозит ее с собой. Они даже борщ в баллоны закатывают и тащат в чемоданах на курорт, чтоб в кафе не ходить. У них и морской воды не выпросишь... А еще дальше есть поселок Угореловка. Туда приезжают откровенные придурки: студенты, джайкеры-джациклисты, патлатые джокеры и прочие отморозки с оловянными глазами, играющие на электрических джалалайках чертову музыку под звуки чертовых барабанов. Там в виде жертвоприношения можно получить либо в морду, либо косяк, набитый дурью. Поэтому, сын мой, раз назвался богатеем — будь добр отдать малую толику своего состояния мне.

— Я не твой сын, — ответил Морс, открывая второй глаз. — И не прихожанин вашей церкви.

— Тем более пожертвуй, — сказал свистон. — Не то я с тобой займусь миссионерской деятельностью. Вот прицеплюсь с проповедью, забудешь, как тебя зовут.

Морс пожалел, что не взял с собой денег. Свистон двумя пальцами правой руки сделал круг на своей груди, символизирующий место, куда Черт воткнул вилы в Бога, и спросил:

— Ну, долго я ждать буду?

Морс, начиная злиться, сказал, принимая сидячее положение:

— Я Премьер-министр Морс. Кто разрешил вам в общественном месте заниматься сбором пожертвований? У вас мало храмов?

Свистон растянул губы в улыбке:

— Должность у вас хорошая и потому человек вы не бедный. Проще дать пару сотен тагриков и продолжить отдых, чем выяснять: кто, где и что должен делать. Ну, будете жертвовать, или прочитайте вам коротенькую часовую проповедь о соблазнах, которые Черт посылает в этот грешный мир?

— Сейчас я тебе пожертвую! — раздался вдруг позади свистона хриплый голос.

Произнесшего эту фразу человека Морсу видно не было, но судя по изменившемуся лицу свистона, тот с ним знаком был хорошо, потому что моментально сунул свой посох под мышку, издал испуганный свист и, тяжело топая сапогами, унесся по пляжу вдаль, ни разу не оглянувшись. В освободившемся курортном пространстве Премьер-министр увидел стоявшего в нескольких метрах от него мужчину откровенно журнальной внешности. Даже, можно сказать, обложечной.

Он был высок ростом, широк в плечах, узок в паху и еще пока не дожил до преклонного возраста. То есть был мужчиной в полном расцвете сил. Его правильное суровое лицо украшали гигантские ровные усы черного цвета, торчавшие строго параллельно сочинской планетной поверхности. Казалось, что усы, подобно ножам древней боевой колесницы, являются острыми и опасными бритвами, защищающими их хозяина от врагов, которых не

может не быть у такого брутального человека. На поясе его шорт висела открытая оперативная кобура, из которой торчала золотая рукоятка лучевого пистолета. Позади него стояли два крепких парня, вооруженные таким же оружием, но, естественно, не золотым. Морс понял, кем является усач.

— Пахан, — представился незнакомец. — Начальник полиции города Джяна. Заехали к нам отдохнуть, господин Премьер-министр?

Морс испытал чувство легкого неудовольствия. С одной стороны он был рад такой оперативности действий начальника полиции, свидетельствующей о его соответствии занимаемой должности, но с другой стороны — об отдыхе приходилось забыть.

— Пахан Родимый? — переспросил Морс.

— Да, — ухмыльнулся Пахан, навязчиво присаживаясь рядом с Премьер-министром прямо на песок. — Меня тут все любят. Для них я отец родной.

— Откуда вы узнали, что я здесь?

— О, я отслеживаю прибытие в Джян любого авторитета. Для этого в космопорту у меня есть специальные люди.

— Насколько я знаю, на полицейском сленге слово «авторитет» означает — «главный бандит». Вы не ошиблись, назвав так меня?

— Извините, если это слово обидело вас. Но у нас, у сочинцев, этим словом называют любого члена правительства, а жулики просто примазались, приспособив это понятие для своих подлых целей. Не будьте так щепетильны! Ведь, по мнению обывателей, любой министр — грабитель, имеющий отношение к сбору налогов. Разве он не авторитет?

Морс, встряхнув головой, сбросил с себя паутину сочинской логики, от которой чуть не стал узаконенным бандитом, и поинтересовался:

— Я помню, вас наградили золотым пистолетом за какое-то громкое дело?

— Да, — ответил Пахан Родимый. — Шесть лет назад я раскрыл, обезвредил и задержал банду Хачапур Волосатого. Этот жулик, занимаясь бордельно-игровым бизнесом, придумал хитрую схему ухода от налогов и вовлек в нее всех торгашей Джяна. Столица Сочи стала практически убыточным городом. Но я все это дело расследовал и засадил Хачапур в тюрьму.

— И сколько ему дали?

— Нисколько, — ухмыльнулся Пахан. — Его освободил судья за недоказанностью. Во-он, видите здание на пляже? Это самый любимый бордель Хачапур. Он, наверное, сейчас там. Хотите, я вас с ним познакомлю?

— Постойте! — вскричал Морс. — Выходит, вся ваша работа пошла насмарку? За что же вы получили золотой пистолет?!

— За профессионализм и выдающиеся успехи в деле борьбы с преступностью. Я Хачапур задержал? Задержал. Закрыл? Закрыл. Вот за это и получил. А то, что он не сидит — вопросы к следующей инстанции. Судья Пай Дай золотых пистолетов не получал. Почему? Потому что они ему не нужны. Ему и так хорошо.

— Черт знает что! — негодованию Морса не было предела. — Я надеюсь, город Джян перестал быть убыточным?

— Нет, конечно. Хачапур занимается тем же... Но что мы с вами о делах, да о делах? Вы ведь приехали отдохнуть от трудов праведных. Будьте моим гостем, и я вам устрою такой отдых — век не забудете! Кстати, Хачапур, конечно, та еще сволочь, но шлюхи у него — мух-х, пальчики оближешь! Не желаете?

— Вы меня подкупаете? — удивился Морс.

— О чем вы? — спросил обиженным голосом Пахан. — Я же здесь страж закона! А шлюхи на Сочи — просто местный колорит. Как розы на Потенции: сорви да нюхай...

Милую беседу Премьер-министра и начальника полиции неожиданно прервал визгливый крик, прозвучавший в нескольких шагах от них:

— Вареная кукуруза! Копченая джарабулька! Домашнее вино! Налетай!

Морс, вздрогнув от неожиданности, поднял взгляд и увидел перед собой неопрятную старуху с двумя пластиковыми сумками в руках. Бабка, поставив свою ношу на песок, заявила:

— Молодые люди! Покупайте кукурузу, пока горячая!

Пахан строго сказал:

— Ты что, дура старая, не видишь, кто пред тобой? Очки надень!

Бабка, приглядевшись, узнала, но ответила в прежнем тоне:

— А я не к тебе обращаюсь. Вон, господин сидит...

— Пошла вон с пляжа, — приказал Пахан. — Сегодня торговля отменяется!

— Еще чего?! — возмутилась бабка. — Меня зовут — Чурчхела, и я на этом пляже с рождения зашибаю! Я ежедневные сто тагриков сегодня уже уплатила патрульному Рвачу Таксе. Он сказал, чтоб я посылала всех к черту, а он потом сам разберется.

— Чурчхела, последний раз предупреждаю! — Пахан начал выходить из себя. — Сегодня торговля кукурузой отменяется. Пусть Рвач Такса вернет тебе сто тагриков.

— Я что, на дуру похожа? — не собиралась сдаваться бабка. — Если я заберу сто тагриков обратно, то потеряю еще девятьсот, которые могу заработать. Я в своем праве!

Пахан повысил голос, обращаясь к двум своим помощникам, стоявшим без дела в десяти метрах от него.

— Вышвырните ее вон, — приказал он. — Вместе с кукурузой.

Застоявшиеся ребята принялись действовать быстро и слаженно.

Один из них взял бабку под мышки и понес ее в сторону набережной. Второй (скривившись от тяжести) мигом подхватил огромные сумки с кукурузой и пошел следом. Первый, размахнувшись, вышвырнул бабку через парашют, а второй запустил вслед за ней сумки. Старуха, распластавшись на тротуарной плитке, крикнула:

— Я местная!

Здесь первая сумка ударила ее по голове, и она временно заткнулась. Затем пришла в себя и прокричала:

— Я это дело так не оставлю!

Прилетевшая вторая сумка опустилась на нее тяжким бременем и заставила замолчать надолго.

Морс, наблюдавший за этим действием, спросил:

— Ее там не убило?

— Я эту Чурчхелу с детства знаю, — ответил Пахан. — Ее ничто убить не сможет, хоть атомной бомбой взрывавай. Лет двадцать назад у нее племянник работал, Кебабом Носатым звали. Лучший друг мой! Я, правда, был немного старше его и зашибал, гм... работал в другом месте. Эх! Время, время... Кстати, господин Премьер-министр, он, говорят, на каторге сейчас? Может, как-то получится его досрочно выпустить? Знаете, Кебаб — лучший специалист по угнанным машинам. Я бы назначил его начальником экспертно-технического отдела. Вот бы он мне помог в деле борьбы с бандитизмом!

Морс, странно посмотрев на начальника полиции, сказал:

— Лучше назначить на эту должность только что выгнанную Чурчхелу. По меньшей мере — вреда не столько будет.

Пахан, поняв, что Морс находится не в лучшем расположении духа, вдруг предложил:

— Может, пойдём, окунемся? Вы как хотите, а я — вперед!

Он быстро скинул с себя шорты и майку, отдал свой золотой пистолет одному из помощников и, подойдя к кромке воды, развел руки в стороны. Обернувшись к Морсу, Пахан крикнул:

— Если хотите помереть от жары, никогда не делайте так, как я!

Разбежавшись, он ухнул в воду, проплыл немного в её толще и, вынырнув на поверхность, погреб руками в сторону открытого моря. Морс, не удержавшись, последовал его примеру.

Догнав начальника полиции, Премьер-министр, качаясь на волнах, заметил, что нырок никак не сказался на внешности Пахана. Усы торчали, как и прежде, хоть строительный уровень ставь, чтобы проверить их горизонтальность. Создавалось впечатление, что в щеках начальника полиции торчат гвозди, которые и придают усам нужное ровное положение.

Морс сказал:

— Скоро начнется война с Шмордоном. Какова у вас мобилизационная готовность?

— Как и в прошлую, вторую войну, — радостно ответил Пахан, отплевываясь водой.

— То есть? — не понял Морс.

— Никакой сочинец на войну идти не собирается. Ищут кучу отмазок, бегают по больницам, рожая справки, ломают ноги и тому подобное. Мы, сочинцы, народ мирный до безобразия.

— Кто же тогда воевать будет?

— Придурки с Дубаря. Им все нипочем!

— Наоборот! Они говорят, что приморожены с рождения! Мол, их замерзшие пальцы не отличают спусковые крючки от шомполов.

— Видели бы вы, как они тут у нас со шлюхами развлекаются! Если их примороженными органами нажимать курок, никакой пулемет не выдержит такого темпа стрельбы! Пусть не сочиняют... Кстати, есть еще Потенция. Там вечно какие-то демонстрации и забастовки устраивают. То им королеву надо самодержавную, то дороги у них плохие. Вот пусть и воюют за Джаппурию. Ах, да! Я забыл вашу любимую Слякоть. Где есть настоящие бойцы?! Дожди способствуют выработке ненависти ко всем прочим обитателям вселенной. Я даже уверен, что в желании кого-нибудь убить уроженец Слякоти будет первым, причем со всеми признаками садизма.

— Вы хотите сказать, что в деле защиты Родины на сочинцев рассчитывать не следует? — спросил Морс.

— Ну, нет! — не согласился Пахан. — Каждый сочинец отдаст свою жизнь за Родину. Начиная с Чурчхелы и заканчивая фиолетовым свистоном. Но только если враг подойдет непосредственно к его носу.

— А если враг общий? — спросил Морс. — А если он не выбирает планету, а надвигается на все сразу?

— Значит, нас спасет Дважды Грохнутый Бог. Или Единожды Воскресший. Короче — нечего париться, насилуя мозги. Все само собой решится. Таков удел Джаппурии. Кстати, пора убираться с пляжа. Время послеобеденное, сейчас народ поперет!

Пахан быстро поплыл к берегу и Морс последовал за ним.

На пляже они вытерлись морсовым полотенцем, переоделись по-очереди в обычной будке, где в процессе отодвинули ногами с дощатого настила кучу всякого разного хлама. Уходя с пляжа, Пахан сказал:

— Мы можем жить только так, как жили многие столетия. И никакими Шмордонами этот обычай не испоганишь.

Морс кивнул головой, вроде бы соглашаясь, но ответил желчно:

— Жизнь бывает короткой.

— Значит, мы все умрем, — ответил Пахан Родимый. — Ну и черт с нами!

Они поднялись на набережную, красиво украшенную низкими гранитными колоннами (труд нескольких поколений шмордонских шпионов) и здесь путь им преградили двое свистонов.

Один из них был знаком Морсу по фиолетовой одежде. Второй же походил на первого как брат родной, но одет был во все зеленое. Главным отличием последнего от своего соперника являлось присутствие зеленых кедров на его ногах. Вооружен он был так же, как и фиолетовый свистон, то есть — длинным посохом.

Оба свистона ходили кругами друг против друга вокруг поставленных на тротуар банок с пожертвованиями и лица их ничего хорошего не сулили. Посохи в руках священников крутились, как барабанные палочки.

Морс, увидев эту напряженную картину, остановился и сказал Пахану:

— Они же сейчас подерутся! Прекратите это безобразие!

— Не стоит, — спокойным голосом ответил Пахан. — Сейчас вы увидите потрясающее представление.

— Это что, карнавальная постановка? — с недоверием спросил Морс.

— Нет, дубаситься они будут по-настоящему, — сказал Пахан. — Но это — дополнительное развлечение для туристов. А что, на Слякоти разве свистоны не бьют друг друга?

— На Слякоти никто никого не бьет, — ответил Морс. — Свистоны ходят вместе и вполне мирно сосуществуют, невзирая на цвета в одежде.

— Сочувствую, — кивнул головой Пахан. — Вы там от скуки скоро помрете. Ваши могилки зальет вечный осенний дождь, и трупы ваши будут булькать беззубыми ртами, пока не сгниют совсем, не имея утешения.

Свистоны тем временем перешли к действиям. Посохи взметнулись в воздух и над набережной раздалась трескотня деревянных стуков. Оба священника прекрасно владели своим оружием, и потому бой был похож на танец. Посохи крутились, свистоны сражались, а вокруг них собиралась толпа, в которой стали раздаваться реплики:

— Зеленый двигается быстрее! Потому что в кедах!

— Зато фиолетовый опытнее. Посмотри, как от ударов уворачивается!

— Ставлю на зеленого триста тагриков!

— А я на фиолетового пятьсот!

— А про тридцать процентов с прибыли не забыли? Я налоговый инспектор! Как ваши имена?

— Бей рыло инспектору! Урра!!!

— Зачем эти свистоны постоянно дерутся? — спросил у Пахана Морс. — Почему так трудно поделить одного бога?

— Они не бога делят, — ответил Пахан, наблюдая за поединком. — Они делят паству. Прихожане — прибыль. Чем их больше, тем больше пожертвований. Такова жизнь.

Свистоны продолжали драться посохами, не уступая друг другу.

Пахан, тревожно глядя на них, вдруг спросил у Морса:

— А знаете, из какого дерева сделаны их посохи? Из дундука. Каждый целое состояние стоит.

Морс о дундуке знал все. Не потому, что часто бывал на Потенции, а в связи с тем, что занимал должность Премьер-министра. Роши этого кустарника охранялись полицией Джаппурии почище ее золотого запаса. Дундук рос лишь в одном месте Потенции, на острове Крайнем, который находился в океане Соблазнов. Вырастало его всегда ровное количество. Как ни старались селекционеры и генетики, все равно не удавалось увеличить его производительность, равно как и высадку на других континентах и планетах. Потому ежегодная партия созревших стволов распределялась только с разрешения парламента. В основном, для производства деревянных монет. Но некоторые депутаты лоббировали интересы церкви, и какое-то количество столь ценного дундука уходило каждый год Верховным свистонам двух враждебных конфессий.

— Потому посохи и не ломаются от таких мощных ударов, — продолжал рассказывать Пахан. — Того, который в фиолетовом, зовут Эндюльгеном. Он постоянно шляется по центральному пляжу. А второй — новенький какой-то. Раньше был тут один зеленый, так отец Эндюльген с ним больше пьянствовал, чем дрался. А заседали они каждый день в кафе «Адский рай», вон, видите, третье справа...

Пахан, посмотрев еще немного на бой, вдруг потерял к нему интерес и сообщил.

— Не, этот зеленый — не соперник. Сейчас отец Эндюльген ему вставит.

И он оказался прав. Кеды зеленого свистона, мелькавшие в воздухе не реже палок, не причиняли вреда отцу Эндюльгену. Зато его фиолетовый сапог, всего один раз вонзившись в пах зеленому священнику, сделал свое дело. Противник, согнувшись в дугу, попытался покинуть поле боя, но Эндюльген, зайдя с тыла, помог сделать это быстро, ускорив движение соперника пинком того же самого сапога. Оппонент, побежденный в честном поединке, унесся в полет по набережной и поставил точку в драке, уткнувшись головой в одну из колонн гранитной набережной.

— Вот вам и мораль, — прокомментировал бой Пахан. — Опыт всегда побеждает ретивость. Кстати, а не зайти ли нам в кафе? Что-то в горле пересохло.

Морсу тоже хотелось пить, а времени до презентации оставалось много, и потому он решил принять приглашение.

— Черт, я не взял с собой денег! — вдруг вспомнил он.

Начальник полиции ласково взял Морса под руку и повел к ближайшему кафе, приговаривая на ходу:

— Не забивайте свою голову такими пустяками. Хозяин этого кафе существенно не доплачивает государству налогов. А если говорить откровенно — вообще не платит. По документам оно еще не достроено. Поэтому хозяину за счастье будет не дать нам умереть от жажды.

Они сели за один из столиков на открытой террасе. Официант — загорелый кудрявый тип с откровенно разбойничьей рожей — был уже тут как тут. Пахан заказал себе сто пятьдесят граммов коньяка, а Морс два бокала пива. На вопрос, почему пиво, Премьер-министр рассказал:

— Я только что прилетел с Дубаря. А там пиво не пьют. Говорят, что от него: «Ни в голове, ни в заднице». Зато хлещут водку и ром беспрерывно. За два дня рыбалки мне пришлось выпить столько, что чуть не отвалилась печень, и весь третий день я лежал под капельницей, очищая организм. Поэтому сейчас пиво для меня — божья роса.

Официант принес коньяк, пиво и тарелку соленого печенья.

Морс посмотрел на Пахана и поинтересовался:

— А почему вы пьете на службе?

— Потому что я не на службе, — ответил тот и засадил в глотку всю порцию сразу.

Отдышавшись, он взял с тарелки печенье, хрустнул им и заявил:

— У меня выходной.

— С какой радости, если сегодня четверг? — не сдался Морс.

Пахан дохрустел крекером и пояснил:

— Вчера весь день и большую часть ночи я проводил учения с личным составом полиции. Мы отрабатывали штурм здания, в котором по легенде засели шмордонские шпионы. В виде здания мы использовали один из борделей Хачапуря (он сейчас убытки подсчитывает). Ну, а поскольку я начальник, то выходные могу назначать в любой день. В том числе и себе.

Морс, попивая пиво, разглядывал Пахана и думал о том, что перед ним сидит самый настоящий бандит, только закамуфлированный под начальника полиции. И апрельский Хапс по сравнению с Паханом — карманный воришка против разбойника-рецидивиста. А судья Пай Дай, скорее всего, одна из карт колоды, полностью контролируемой Паханом.

— А кто у вас прокурором? — спросил Морс.

— А-а-а, — махнул рукой Пахан. — Я даже не знаю, как его зовут. Еще сто граммов!

— Как это так? — не поверил Морс.

— Очень просто, — доверительно сказал начальник полиции. — К нам три года назад назначили одного, тоже не помню, как его звали. Честный такой был! Строгий... Я его в борделе взял. Он с несовершеннолетними развлекался. Воистину свистоны говорят: в чистом омуте черт водится! Я давно заметил — чем честнее человек, тем больше у него на душе всякой мерзости. Она спрятана глубоко, но всегда прорвется наружу. Выходит, что честность — психическая болезнь... Прокурор каким-то образом отмазался от обвинения (это опять к судье) и закрыл все бордели с казино за уклонение от налогов. И оказался в дураках. Где, спрашивается, любят проводить время депутаты парламента? Там где рулетка и шлюхи. А вы думаете, что Генеральный прокурор — исключение? Не угадали. Вот последний и отправил своего подчиненного в пустыню Сушняк (есть тут такая) с браконьерами бороться.

Пахан взял с подноса официанта рюмку, опрокинул ее себе в рот, геройски шевельнул усами и продолжил:

— Второй был совсем нечестный. Вызвал меня к себе, обвинил в коррупции и заявил, что всех попересаждает, если я ему не буду отстегивать ежемесячно. Ну, я и отстегнул. Один раз, но много. И тут же повязал. Судья Пай Дай влепил ему десять лет за ту самую коррупцию, про которую он мне говорил. Оказалось, что прокурор до меня вызывал к себе судью с тем же требованием... Ну а последний (который сейчас) — как приехал, так больше мы его не видели. Говорят, что он мужик принципиальный и к коррупции никакого отношения не имеет, поэтому таскается по борделям и казино круглосуточно.

Морс, приступая ко второй кружке, думал о том, что если взять всех нечистых на руку чиновников и послать их к Джему Баламуту на Тринадцатую планету, то они ее пророют

насквозь всего за несколько дней. Вручную! А кого назначить на их места? Чурчелу? Или, может быть, шмордонских шпионов?..

Взгляд Морса уперся в живописную группу музыкантов, исполнявших незатейливую народную песенку на площадке перед кафе. Трое играли на джармошках, двое на джалалайках и один — на здоровенном контраджасе. Последний успевал еще и дирижировать. Одеты они были странновато: в одинаковые белые футболки с нарисованными на груди осьминогами, черные шорты и самые натуральные валенки. Премьер-министра что-то кольнуло под лопатку, и он спросил у Пахана, который как раз заказывал официанту третью порцию коньяка:

— Это что за джаркестр?

— Обычный джансамбль, — ответил тот. — Они неделю назад прибыли с Дубаря. Валенки — их антураж. Называются: «Секстет Сексота». «Секста» на древнедубарском диалекте — шестерка. А Сексот — имя дирижера, который на контраджасе шпарит.

Пахан тяпнул третью стопку, принесенную официантом, и захрустел крекером. Джансамбль тем временем взял перерыв. Музыканты зашли в кафе и, усевшись за одним из столиков, попросили пива. Морс, подозрительно разглядывая их, спросил у Пахана:

— Слышали о группе шмордонских шпионов, сбежавших из полицейского Управления Дубаря?

— Да, — ответил начальник полиции. — У нас ориентировка имеется. Там сказано, что они дали взятку.

— Правильно, — подтвердил Морс.

— В жизни не поверю! — воскликнул Пахан. — Скорее всего, там или проспали, или сами их выпустили, а на взятку сослались, пытаясь прикрыть свое головотяпство. Нашли, так сказать, самый мелочный и обычный проступок, чтоб не сильно влетело.

— А вот эти шестеро музыкантов? Не они, случайно?

Пахан, хмыкнув, посмотрел на Морса, как на идиота.

— У меня? Здесь? Шпионы?! Ха-ха-ха! — закатился он смехом. — Мне бы за месяц до их появления сообщили. У меня везде свои люди.

Он повернулся к музыкантам и рявкнул:

— Эй, дирижер! Ко мне!

Контраджасист вылетел пулей из-за стола, подбежал к Пахану и застыл перед ним в строевой стойке. Начальник полиции, оглядев крепкую фигуру дирижера, спросил:

— Как зовут?

— Сексот, — ответил дирижер.

— Лицензию на концертную деятельность купили?

— Конечно, — сказал Сексот. — Ежедневно покупаем у патрульного полицейского.

Морс, поперхнувшись пивом, весело рассмеялся впервые за этот день. Он знал, что лицензии выдает не полиция, а мэрия. Пахан об этом был осведомлен не хуже. Сведя брови к переносице, он осведомился:

— Как звать патрульного?

— Рвач Такса.

— Почему лицензия?

— Пятьсот тагриков в сутки. Мы, правда, ни разу этой лицензии не видели, но патрульный сказал, что он тут хозяин...

Морс хохотнул противным смехом. Пахан мрачно сказал дирижеру:

— Иди, отдыхай.

Морс, веселясь от души, заявил:

— Вот кто у вас здесь главный коррупционер!

Пахан сказал мрачно:

— Я этого Рвача сегодня же переведу в дорожную полицию. Пусть аварии разгребает!

Морс, вспомнив апрельского полицейского с невероятно вместительным планшетом, сообщил:

— Этим переводом вы его только поощрите.

— Вы думаете? — задумчиво спросил Пахан. — Я создам специальный отряд быстрого реагирования на случай войны. И этого Рвача включу туда первым.

— И Чурчхелу туда включите! — весело посоветовал Морс, понимая, что уже пьян.

Пахан ничего ответить не успел, так как на террасе появились оба свистона, подравшиеся недавно на набережной. У зеленого на лбу краснел свежий рог, полученный от взаимодействия его головы с гранитной колонной. Священники уселись за столик по соседству с Морсом, вскрыли свои банки для жертвований, дружно порылись в них и Эндюльген взревел во всю глотку:

— Эй, официант, пол-литра водки нам для начала!

Пахан, разведя руками, сказал:

— Пора уходить. Эти святые отцы не дадут нам общаться.

Морс кивнул головой, допил остатки пива и, пошатываясь, выбрался из-за стола.

Они подошли к шморовозу, находившемуся в тени большого раскидистого дерева. Водитель Морса, закрывшись внутри дорогой машины, сопротивлялся работникам службы эвакуации, пытавшимся забрать шморовоз на штрафную стоянку за то, что он стоял под запрещающим парковку знаком.

— Вот видите, к чему приводят несанкционированные визиты? — обратился к Морсу начальник полиции.

— Вижу, — ответил Премьер-министр, глядя на ногу своего водителя, торчавшую из окна левой передней двери. Шморовоз поднимал кран эвакуатора. Из окна машины раздался крик:

— Я водитель Премьер-министра Джаппурии!

Эвакуаторщик, дергая рычаги привода, отвечал себе под нос:

— Ага, а я — дедушка шмордонского императора! Много вас тут таких блатных на курорте!

Из шморовоза доносилось:

— Я тебя уволю! Ты не имеешь права поднимать машину с пассажиром!

— Ага, уволишь ты меня, как же, — отвечал водитель эвакуатора, продолжая дергать рычагами. — Сначала побегаешь в поисках стоянки, а потом заплатишь штраф...

Морс, посмотрев внимательно на Пахана, спросил, показывая рукой на поднимаемый эвакуатором шморовоз:

— Что это такое?

Пахан, сделав успокаивающий жест, крикнул:

— Ну-ка, оставь машину в покое!

Эвакуаторщик, увидев начальника полиции, тут же опустил шморовоз вниз и, извинившись (естественно, не перед водителем), укатил по своим делам. Водитель, вылетев

из салона, подбежал к Морсу и принялся орать, прискуливая:

— Господин Морс! Этот негодяй с эвакуатора плевать хотел на вас! Он утверждал, что вы — ярко выраженный пассивный гомосексуалист! И еще много чего подобного!

Морс, похлопав своего водителя по плечу, успокаивающе произнес:

— Ну-ну, я хвалю вас за храбрость! Вы — молодец.

— А еще он говорил, что все эвакуаторы в городе являются собственностью начальника полиции Джяна!

— Ну-ка, заткнись! — прикрикнул на него Пахан. — Шморовоз не забрали? Радуйся! Иди в машину. — Он повернул голову к Морсу, и добавил: — какой только лжи о себе не услышишь! Как говорится: сплетня — дань популярности...

В шморовозе Морс почувствовал себя лучше. Опынение перестало быть убийственным, а превратилось в чувство легкой алкогольной эйфории. Премьер-министру пришла в голову мысль, что, скорее всего, по распоряжению Пахана в пиво ему подлили что-то веселенькое, типа водки. Но он решил не придавать этому значения, так как чувствовал себя прекрасно. В связи с этим Морс даже не стал переодеваться из пляжной одежды в костюм и прибыл к началу презентации, наплевав на все полагающиеся в таких случаях нормы приличия. Единственное, что он сделал, так это обул ноги в шлепанцы, тем самым слегка удалившись от образа пляжного босоногого быдла.

Первая часть мероприятия предназначалась для журналистов, и потому простой народ стоял пока за ограждениями. Шморовоз Морса прибыл на Кукурузную площадь Джяна, его пропустили внутрь периметра, и он припарковался на специально отведенной стоянке.

Посреди площади стояли в ряд пять новеньких, сверкавших свежей краской джамовозов. Рядом с ними находился большой рекламный плакат, на котором имелась надпись:

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОНСТРУКТОРСКИЙ ГЕНИЙ ДЖАППУРИИ!

Толпа журналистов окружила группу официальных лиц, организовавших презентацию. Кроме министров транспорта, экономики и (почему-то) спорта и социальной политики, присутствовал также министр промышленности. Точнее — присутствовала. И даже возглавляла мероприятие. Звали ее — Дотация Постоянная. Она занимала этот пост так долго, что помнила даже бабушку нынешней королевы, и хотя ей было более шестидесяти лет, Дотация продолжала оставаться активной и шустрой женщиной.

Джамовозы выглядели респектабельно и сильно от шморовозов не отличались. По крайней мере — внешне. Лишь кое-где углы кузова были другими, да конфигурация фар удивляла крайней вычурностью.

Морс, пробравшись между журналистов, занял место рядом с Дотацией и весело улыбнулся камерам. Министр промышленности, потянув носом воздух, тихо спросила у него:

— Что за гадость вы пили, господин Премьер-министр?

— Не знаю, — так же тихо ответил Морс. — Пахан Родимый сказал, что это было пиво.

— М-м-м, — промычала Дотация мечтательно. — Какой мужчина!

Морс, с удивлением взглянув на нее, сказал:

— Обычный усатый бандит!

— Фи! — презрительно сдвинула брови Дотация. — Ничего вы не понимаете!

Морс обратил внимание на министра спорта и комфорта Застоя Твердого, который что-то рассказывал журналистам, и поинтересовался у Дотации:

— А этому что тут надо?

— Он здесь попутно. В следующем году планируется провести чемпионат Джаппурии по кривоногингу именно в Джяне. Вот он и выступает с этой новостью.

Кривоногинг был самым популярным видом спорта в королевстве. Он собирал стадионы болельщиков на каждой из планет (даже на Дубаре и Слякоти). Суть игры заключалась в следующем: на поле выходили две команды численностью в одиннадцать человек. В каждой из них было по вратарю и по десяти полевым игрокам. Игроки гоняли ногами мяч, пытаясь забить гол в ворота, защищаемые вратарями. Кто больше забил — тот и выиграл. Но в целом игра шла не на выигрыш, а на поражение и происходила среди какой-либо группы команд.

Первая команда, набравшая наибольшее количество очков, считалась наименее кривоногой и потому пользовалась у джаппурцев огромным уважением до следующего года. Другие команды старались как можно быстрее вылететь из чемпионата с хорошими очками, потому что по мере уменьшения количества команд, худая слава оставшихся начинала увеличиваться. Наконец — в финале встречались две самые плохие команды и проигравшая становилась чемпионом Джаппурии. Каждый игрок этой команды получал на год титул «Кривоног». Этот титул в виде татуировки выкалывался на лбах всех членов проигравшего клуба (вратарям — «Криворук»), и они не имели права сводить позорные надписи до начала следующего чемпионата. А тренерам за неправильное руководство командой делалась татуировка «Ротозад». Так они и ходили целый год, а все, кто им встречался, помирали от смеха и свистели им вслед. Хоть татуировки и сводились к началу следующего чемпионата, игроков, носивших их, помнили, как правило, всю жизнь и продолжали издеваться над ними. Самое интересное — если в финале команды играли вничью, то позорный титул получали игроки обоих клубов...

— Ну, показывайте мне ваше чудо техники, — потребовал Морс.

— Пойдемте, — с готовностью ответила Дотация.

Они подошли к ближайшему джамовозу. За ними увязалась небольшая группа журналистов. Дотация открыла заднюю правую дверь и предложила:

— Присядьте, господин Морс, и насладитесь комфортом.

Премьер-министр уселся на заднее сиденье и принялся оглядываться. Да, с обычным джамобилем сравнивать салон не приходилось. Но и со шморовозом тоже. Обивка выглядела дешевой, и кое-где явственно обозначивались слишком заметные щели.

— Отделка плохая, — сообщил он Дотации, стоявшей у двери.

Та слегка нагнулась и сказала:

— Зато джамовоз на сорок процентов дешевле шморовоза. Люди уже записываются в очередь. А все эти мелочи, о которых вы говорите, мы доработаем с годами.

— А почему нет магнитолы?

— Это делает джамовоз дороже. Если кому-то понадобится музыка в салоне, пусть возит с собой джармониста. Вон — багажник большой, туда можно попасть из салона, если спинку заднего сиденья раздвинуть.

Морс на панели перед собой увидел ряд каких-то разноцветных кнопок. Он нажал одну из них, и у водителя опустилось стекло. Он нажал вторую, и стекло опустилось в правой передней двери.

— А как мне опустить стекло у себя? — поинтересовался он.

— Надо попросить водителя или пассажира спереди, — ответила Дотация.

— То есть — я открываю у них, а они у меня?

— Да.

— А зачем?

— Если сказать честно, то уровень шмордонских инженеров очень высок. Наши специалисты пока не до конца разобрались в электросхемах. Но чтобы не задерживать прогресс, сделали так, как сделали. Потом, когда окончательно разберутся, переделают. В принципе — ничего ужасного в этом нет. Захотел открыть стекло — попроси попутчика.

— Ага, — придурковато улыбнулся Морс и потянул палец к красной кнопке.

— Этот тумблер приводит в действие подушку безопасности.

Морс отдернул руку и спросил:

— Как это приводит? Она что, не автоматически выстреливает?

— Нет. До этого наши специалисты еще не дошли. Ее нажимает сам пассажир, когда возникает опасность.

— А как он узнает об опасности?

— Вы задаете детские вопросы! — голос Дотации наполнился негодованием. — Если машина собирается врезаться в столб, например, или падает в море, пробив ограждение, тогда и надо нажимать.

— Ага, — кивнул головой Морс и почему-то рассмеялся.

— А сейчас вы услышите звук мощного мотора. Я дала распоряжение завести двигатель, который способен разгонять джамовоз до огромной скорости. Если придется ехать в таком режиме, то на крышу устанавливается дополнительный топливный бак, который хранится в объемистом багажнике сзади. Большая скорость любит большое количество топлива. Когда в замок зажигания вставляется ключ, механический голос предупреждает пассажиров...

В эту секунду усевшийся в кресло водителя молодой специалист повернул ключ зажигания, и в салоне прозвучала записанная реплика:

— Внимание! Пристегните ремни! Езда — опасное занятие!

— Ага, опасность, — понятливо кивнул головой Морс и ткнул пальцем в красную кнопку.

Огромный пузырь подушки безопасности, мгновенно выстрелив из панели с кнопками, врезался в лицо Премьер-министру! От такого удара спинки заднего сиденья неожиданно раздвинулись и Морс, вылетев в багажник, впечатался затылком в запасной топливный бак, отчего тот издал торжественный гул. В глазах у Морса померкло, а в ушах вдруг прозвучал голос Пахана Родимого, который сказал всего одно слово: «ХАЧАПУР!» Премьер-министр удивился и потерял сознание.

ДЖАППУРИЯ. ТРИНАДЦАТАЯ ПЛАНЕТА

Батон улетел на одну из точек выработки, а Джем только собирался. На станции должен был остаться Кебаб, поскольку сегодня была его очередь дежурить.

Джем вышел из жилого блока и занялся обычной рутинной работой. На большую механическую тележку он принялся грузить необходимые для развозки коробки. Под куполом он свободно перемещался без скафандра, а вот в шлюзе нужно было обязательно переодеться. Атмосфера на планете, конечно, была, но к нормальному функционированию организма она не имела никакого отношения.

Джем пересчитал емкости с водой, стоявшие в одном из сараев и пришел к неутешительному выводу: мыться можно будет только тогда, когда придет следующий джанкер. Поэтому он урезал водяную норму и загрузил в самоходную тележку исключительно питьевые канистры.

В сарае сладко пахло сивухой и Джем, посмотрев на торчавший в углу самогонный аппарат, сконструированный Батоном для производства крепких напитков, подумал, что с нетерпением ждет окончательного результата его бульканья. Постояв немного над баком, опутанным сложной системой трубок, Джем вышел из сарая и занялся привычной деятельностью.

Он заполнил оставшееся в тележке место консервами, предназначенными для восьми шахтерских точек, настроил ее автопилот и, отправив тележку в шлюз, зашел в жилой блок, решив напоследок послушать новости. Кебаб уже включил обычный канал, и знакомый по прежним сообщениям голос диктора зазвучал в кухне.

Джем налил себе кружку горячего кофе, уселся на табуретку и стал слушать. Кебаб, подметавший пол веником, отставил его в сторону и тоже принял участие в просмотре шморовизора, экран которого вдруг показал площадь со стоявшими на ней в один ряд диковинными машинами.

— Опять Джян показывают! — обрадованно сообщил Кебаб. — Это Кукурузная площадь. Вот только машины странные какие-то. Вроде как шморовозы, но что-то в них не так...

Диктор рассказывал:

— Вы видите новое джаппурское чудо техники. Оно получило название — джамовоз. Официальные лица устроили презентацию в столице Сочи городе Джяне. Мероприятие посетил Премьер-министр Джаппурии Морс. Новые машины не имеют аналогов во вселенной и превосходят пресловутые шморовозы по всем параметрам, ключевым из которых является низкая цена. Премьер-министр Морс, испытав систему безопасности одного из джамовозов, восхитился ей в полной мере...

На экране возникла картинка, где из багажника новой машины журналисты извлекали Морса, к шортам которого прицепился запасной топливный бак. Лицо Премьер-министра выражало неизвестно что и было бессмысленно довольным, а пустой бак гулко бухал по асфальту, сопровождая каждое его движение.

— Посмотри на его рожу! — воскликнул Кебаб. — Сразу видно, что перед презентацией он хлебал коньяк в одном из заведений Хачапуре! Вот отдыхают все, кому не лень. А мы тут пашем, как ишаки!

— Пахарь нашелся! — с иронией сказал Джем. — Пойди, напиши заявление на

получение кефира за вредность.

— И напишу! — решительно воскликнул Кебаб. Потом, смутившись, спросил: — а кому писать-то?

— Шмордонскому императору, — ответил Джем, округлив глаза.

Кебаб, внимательно посмотрев на него, вдруг закатился смехом. Джем поддержал своего товарища, и хохот загремел в маленькой кухне станции. Они смеялись, не обращая внимания на механический голос автоматического информатора, звучащий из аппаратной комнаты. Но тревожный зуммер вернул их к жизни.

Неживой голос проквакал:

— По пеленгу станции заходит на посадку джабль. Он требует подтверждения.

Посещение было незапланированным, поэтому в аппаратную ворвались оба обитателя купола. На экране радара маячила пульсирующая синим огнем точка, а голос механического администратора орал и орал:

— Джабль на приводе! Джабль на приводе!

Джем, нажав нужную кнопку, спросил в приемное устройство:

— Кого там черт принес?

Механический голос ответил:

— Джабль первого класса. Название — «Дыра в сортире».

— Видать, важная птица, — хохотнул Кебаб. — Королева знает, как называть джабли.

Джем молча нажал клавишу подтверждения и администратор сообщил:

— Посадка проходит успешно.

— Встречать пойдем? — спросил Кебаб.

— Если нашли дорогу в космосе, найдут и вход в кухню, — ответил Джем.

Они вернулись к столу. Джем продолжил пить кофе, а Кебаб принялся протирать тряпкой банки с консервами, взятыми в одном из шкафов. Уловив удивленный взгляд Джема, он пояснил:

— Это я от нетерпения. А что, нельзя?

Джем пожал плечами и ничего не ответил. Голос диктора в шморовизоре тем временем рассказывал:

— Пылесосы «Крокозяблус» засосут любую гадость! И ничуть не подавятся!

В этот момент дверь жилого блока станции открылась и в тамбур кто-то ввалился. Кебаб, перестав протирать банки, уставился на проем кухонной двери, а Джем, поставив свою кружку на стол, выключил шморовизор. В тамбуре кто-то громко чихнул и в дверях возник толстый человек, одетый в полицейскую форму. Под его носом чернели маленькие квадратные усики, а глаза, как будто в поисках цели, метались по комнате, разбрасывая яростные молнии. В руках он держал небольшую деревянную коробку. Толстяк произнес:

— Не понял! Почему меня не встречают?!

— А кто ты такой, чтобы тебя встречать? — спокойно поинтересовался Джем.

Лицо прибывшего чиновника выразило неудовольствие. Более того — оно стало грозным. Полицейский рявкнул:

— Встать!

Джем с Кебабом переглянулись и остались сидеть. Толстяк, с натугой поставив коробку на стол, выхватил из кобуры лучевой пистолет.

— Встать, я сказал! — крикнул он снова.

— У нас такие же есть, — невозмутимо ответил Джем. — Если мы перестреляем дру

друга, то коробка, которую ты доставил, не попадет к адресату.

Грозный толстяк призадумался, но пистолет не убрал.

— И еще, — вмешался Кебаб. — Культурные люди, попав в незнакомую компанию, имеют обыкновение представляться.

— Я начальник полиции города Апреля, — тут же ответил толстяк. — Джабль мне предоставил сам министр полиции Квас. А меня зовут — Хапс.

— А прозывают — Опт, — кивнул головой Джем. — Ну, мы представляться не будем, ты и так знаешь, к кому попал.

— Конечно! — зловеще воскликнул Кебаб. — Ведь именно он хотел повесить на меня ограбление трех табачных ларьков города Апреля. И это при том, что я никогда в жизни не курил!

Хапс, опустив глаза на свое оружие, понял, что присутствующие на станции люди не боятся ни его самого, ни пистолета, зажатого в руке. Но, будучи высокопоставленным чиновником, он совсем не забыл о постулатах хамства и чванства, без которых никак нельзя жить на свете, и потому заявил:

— Премьер-министр Морс назначил меня комендантом Тринадцатой планеты. Вот его письменное распоряжение.

Он переложил пистолет в левую руку, правой залез в один из карманов кителя и выудил оттуда сложенный вчетверо лист бумаги. Помахав им в воздухе, Хапс крикнул:

— Встать перед комендантом, я сказал!

Джем опять переглянулся с Кебабом, и никто из них приказ не выполнил. Лицо Хапса покраснело от злости, и он запыхтел как чайник, который забыли выключить. Джем поднялся на ноги, обогнул стол и, не обращая никакого внимания на Хапса, размахивавшего пистолетом, взял доставленный ящик в руки.

— Не смей трогать ящик! — взревел Хапс. — Он секретный! Даже мне запрещено его вскрывать!

— Тут на крышке написано, — сказал Джем, склонившись над столом. — «Вскрыть Дjemu Баламуту лично». Джем Баламут — это я.

— Предъяви паспорт! — потребовал Хапс, но как-то неуверенно.

— Какой, в задницу, паспорт! — взвился со своего места Кебаб. — Мы же каторжники! Наши паспорта хранятся у вас! В ваших вонючих управлениях!

Хапс, не зная, что делать в таких случаях, пыхтел и перекладывал пистолет из руки в руку. Джем тем временем ножом вскрыл верхнюю фанерную крышку ящика. Кебаб заметил:

— Вы бы, господин полицейский, пистолетик убрали, о то он имеет обыкновение иногда стрелять в кого ни попадя. И даже, представьте себе, убивает...

— Подумаешь, продырявит пару каторжников, — презрительно процедил Хапс. — В Джаппурии таких как вы — навалом! Было бы кого жалеть.

Джем снял крышку, запустил внутрь ящика руку и достал оттуда какой-то узкий длинный пенал. Ознакомившись с маркировочной надписью, он осторожно положил пенал на стол и сказал:

— О, это подарок Батону.

Порывшись еще немного в посылке, Джем вытащил лист бумаги.

— А вот и инструкция, — добавил он.

Пробежав написанное в листке глазами, Джем нехорошо осклабился, подмигнул Кебабу и громко пояснил:

— В инструкции нет ничего секретного. Поэтому читаю ее вслух: «Джем, новый план, придуманный вами — полный бред. Но хуже от него не станет. Поэтому посылаю все, что вы просили, хотя совершенно не понимаю, какое место в плане отведено спиртометру. Джабль «Дыра в сортире» в вашем распоряжении. Полицейский комиссар Хапс, доставивший посылку, — мерзавец, вор и гадостное чучело. Приказ о назначении его на должность коменданта планеты, подписанный мной, юридической силы не имеет, поскольку такой должности нет в регламенте, и она должна утверждаться парламентом. Потому пусть засунет его себе в любое место, а сам поступит к вам в подчинение. И еще. Личная просьба: обеспечьте Хапсу службу, полную опасностей и трудностей. Ему срочно надо повысить квалификацию. Морс».

Джем посмотрел на резко побледневшего Хапса, потом на Кебаба и спросил, ни к кому не обращаясь:

— И что мне с ним делать?

Кебаб не стал раздумывать. Он пулей вылетел из-за стола, молниеносным движением выхватил из руки полицейского пистолет и тут же дал тому кулаком в ухо. Чиновник мешком грохнулся на пол, причем голова его оказалась в тамбуре, а ноги остались на кухне. Кебаб схватился за ботинки Хапса, втянул его тело обратно и гаркнул:

— Встать!

Чиновник тут же вскочил на ноги и замер в строевой стойке, вытянув руки по швам. На его лице явственно читалось удивление, граничащее с полным обалдением. Джем, налюбовавшись случившейся картиной, вернулся к столу и снова запустил руки вглубь ящика. На свет появилась небольшая картонная коробка. Джем, морщась от тяжести, снял с нее верхнюю крышку, перевернул вверх дном и послышался звук удара, от которого хрустнула пластиковая панель стола. Джем убрал коробку в сторону, и присутствующие увидели небольшой угловатый камень грязно-желтого цвета.

— Самородок? — полным восхищения голосом спросил Кебаб.

— Угу, — ответил Джем. — Килограммов десять весит...

Кебаб, забыв обо всем на свете, подбежал к столу, швырнул отобранный у Хапса пистолет в шкаф к консервам и схватился руками за слиток. С нагугой оторвав золото от стола, он подержал его немного на весу, осторожно положил обратно и, блестя глазами, спросил:

— Когда будем начинать?

— Я сегодня определюсь с местом, — ответил Джем, укладывая слиток в коробку. — Есть у меня на примете парочка придурков, способных повернуть это дельце правдоподобно... Подготовим все и будем ждать начала войны.

Он поднял коробку, отнес ее в аппаратную и запер в сейф вместе с шморофоном. Вернувшись на кухню, Джем обнаружил застывшего в ступоре Хапса и Кебаба, щелкавшего пальцами перед носом полицейского.

— Не обгадился случаем, а? — спрашивал он.

Хапс молчал, хлопал глазами и никак не желал приходить в себя.

— Вот что с ним теперь делать? — спросил Джем у Кебаба. — Мне ехать пора...

Кебаб обернулся, сделал рукой успокаивающий жест и произнес с ехидством:

— Не извольте беспокоиться, господин старший каторжник! Я найду применение новому сотруднику нашего тюремного заведения!

Джем, усмехнувшись, вышел под купол и в шлюзовой камере переделся в легкий

скафандр, после чего отправился на площадку, где его ждали один из планетных ботов и самоходная тележка, готовая к заезду в трюм...

В каждой из семи точек, посещенных Джемом, бывшие шпионы выразили явное неудовольствие. Скучный и однообразный рацион, состоявший из консервов, и раньше не вызывал у них восхищения. Но весть об ограничении водного снабжения окончательно испортила им настроение. Они плевались под ноги, бурчали что-то обидное и бросали нехорошие взгляды на бот и пистолет, болтавшийся у Джема на боку.

Прилетев на восьмую точку, Джем, выгрузив продовольствие, решил побеседовать с двумя рассекреченными шпионами, обслуживавшими разработку в этой части планеты. Звали их: Дивер и Сант, и обитали они в небольшом автономном модуле вагонного типа, отапливаемом баллонным газом, который, кстати, уже подходил к концу и потому бывшие шпионы сильно нервничали. Попались же они по идиотской случайности и винили в своем провале всех, кого угодно, но только не себя.

Задание у них было несложным. Шпионам требовалось взорвать какое-либо из государственных учреждений на Слякоти, проследить за работой аварийных служб (с целью раскрытия их потенциала) и прибыть с отчетом в Усосанный Лес к Крокозяблу-младшему. Для этого их оснастили всем необходимым и высадили на спасательном боте с грузового корабля Крокозябла-старшего в нескольких километрах от Заквакинска.

Взрывчатка находилась в одном из стандартных чемоданов, произведенных известной джаппурской фирмой, пользовавшейся всеобщей популярностью. А сами шпионы изображали парочку туристов гомосексуальной ориентации, прибывших на Слякоть для получения вдохновения от осенних прогулок по пригородным лесам.

Поскольку высадка осуществилась ночью, туристам пришлось ловить попутку на одной из проселочных дорог. Им попалась грязная джафура, водитель которой был совсем не прочь заработать сотню тагриков. Вот только ночью по проселочным дорогам на Слякоти порядочные водители не ездят, потому что в это время суток честным людям полагается спать.

Водитель забросил чемоданы попутчиков в кузов джафуры, а их самих разместил в кабине. Язык они знали хорошо и потому никаких подозрений не вызвали. Доставив туристов в первую же попавшуюся гостиницу, водитель залез в кузов и вежливо выбросил их чемоданы на тротуар перед входом, отчего Дивер с Сантом шлепнулись ничком от греха подальше на асфальт. Но выгрузка багажа прошла благополучно и джафура укатила, воняя несгоревшим маслом.

На следующий день полиция задержала эту машину, и поскольку сто тагриков, заработанных водителем на подвозе шпионов, не погасили аппетита патрульных, в кузове были обнаружены десять чемоданов, набитых хорошо упакованным джакоином (наркотическим порошком, употребляемым в нюхательном виде). Точнее — девять чемоданов с наркотиком, а десятый — с тротилом.

Водитель клялся и божился, что взрывчатка не его. Насчет джакоина он не возражал, так как перевозка этой гадости была самым обычным делом. Полиция быстро прибыла по указанному водителем адресу, и администратор отеля рассказал, что двое новых жильцов отправились утром на прогулку, причем один из них нес в руках чемодан.

Как раз в это время в Доме Правительства Джаппурии прогремел взрыв. Но никто не пострадал. Детонатор в виде обычной шашки с часовым механизмом (ранее находившийся в другом чемодане) Сант засунул в бомбу непосредственно перед посещением здания

правительства, не обратив внимания на внутреннее содержание пластиковых пакетов.

В здание они проникли легко, так как полицейский, сидевший на КПП, спокойно спал. Спросив у уборщицы, где находится зал заседаний, они нагло зашли в это помещение и поставили чемодан на пол слева от входа. Морс, как раз проводивший совещание с министрами, спросил у них:

— Кто вы такие и что здесь делаете?

— Мы электрики, — ответил Дивер. — Завхоз приказал поменять здесь лампочки.

— Поменяете после заседания, — распорядился Морс. — Черт знает что!

Шпионы покинули кабинет, оставив чемодан в зале заседаний, и спокойно вышли на улицу. Таким образом шашка, сработав в положенное время, подняла в воздух тучу джакоина. Министры, нюхнув, достаточно плодотворно провели заседание и даже составили проект закона со странным названием: «О порядке регулирования движения в воздухе во избежание столкновения голубых крокодилов с розовыми слонами». Самое интересное, что даже Морс поставил свою подпись под этой ахинеей.

Шпионов задержали прямо возле здания, где они наблюдали за поднявшейся суматохой, записывая все на шморокамеры. Суд вlepил этим дуракам по десять лет каждому и три их них они уже отсидели. Кстати, парламент не утвердил законопроект, поданный на рассмотрение, а Морс получил строгий выговор с формулировкой: «За безответственное отношение к здоровому климату Дома Правительства».

Полицейский же, спавший на КПП, ничего вразумительного пояснить не мог, так как после взрыва проснулся и, вбежав в здание, воспылал любовным чувством к уборщице, которую ранее не замечал в упор. Он, желая рассказать о своих чувствах, попытался к ней приблизиться, но она принялась от него убегать с воплями:

— Спасите! Гигантский комар!

Уборщицу с полицейским задержали на крыше скачущими через вентиляционные трубы. Их отправили в психбольницу, где врачи достаточно быстро привели в чувство этих прыгунов, после чего уборщицу вернули на работу, а полицейского откомандировали в Усосанный Лес для охраны шмордонского посольства, где комары хоть и не гигантские, но все равно никому не дадут спать. Ни днем — ни ночью...

Зайдя в вагончик, Джем обнаружил Дивера — рослого мордатого каторжника — сидящим на одной из двух коек. Тот, недобро сверкнув глазами, нехотя оторвал свой зад от грязного матраса и тут же опустил его на прежнее место. Джем, усевшись на краешек стола, спросил:

— А где Сант?

Дивер ответил сквозь зубы:

— На третьем разрезе джанкер сел. Ему до полной загрузки не хватило пяти тонн. Сант догрузит и приедет.

— Просьбы какие-нибудь имеются? — поинтересовался Джем.

— Тушенка надоела, — мрачно ответил Дивер и сплюнул на пол.

— На подходе джанкер с продуктами, — соврал Джем.

Губы шпиона сложились в недоверчивую улыбку.

— Сообщили, что на борту есть сгущенка и персиковый компот, — опять соврал Джем.

Глаза Дивера загорелись интересом.

— Это хорошо, — облизнулся он. — А то раньше хоть зеленый горошек давали...

Джем решил перевести разговор в другую плоскость. Он кашлянул и спросил

приятельским голосом:

— Слушай, Дивер, а что там у вас пять лет назад с женой нынешнего императора случилось?

Лицо бывшего шпиона окаменело, и глаза забегали по стенам.

— Там еще немного шоколадных конфет будет, — совсем заврался Джем.

Дивер, посветлев лицом, махнул рукой и принялся торжественно рассказывать:

— Ее Императорское Высочество звали Язвой. Нет, не прозвище. Имя такое родовое. У Хлебазлов старших дочек в семье всегда так называли... Ее Императорское Высочество была не в ладах с императором Шмором Двенадцатым. Узнав, что свекр собирается в отношении себя применить в действие семейный суицидальный обычай, Язва захотела присутствовать при этом героическом событии...

— Послушай, Дивер, — перебил шпиона Джем. — Не надо официальных версий. Расскажи обычным языком. Ну неужели три года, проведенные в обществе нормальных людей, не вышибли у тебя из мозгов имперскую дурь?!

— Где нормальные люди? — удивился шпион и завертел головой по сторонам. — Это каторжники нормальные люди? Или, может быть, вы? Мы все — хоть шпионы, а вы трое — натуральные жулики!

— Ну хорош, хорош, — рассмеялся Джем.

Дивер тоже хохотнул, подобрел лицом и продолжил просто:

— Короче, то ли свекр разок пристроился к своей невестке и больше не захотел, то ли захотел, но она уже не дала, а может, она его охмурить пыталась, — кто знает? Но все дело именно в неудовлетворенных желаниях этой прелюбодейной парочки. Шмор Двенадцатый к тому времени уже лет десять был вдов, так как его жена, увлекавшаяся подводной рыбалкой, один раз просто не всплыла с пойманной ею рыбой. Говорили, что это случилось при странных обстоятельствах, но таковых обстоятельств всегда полно при дворе, и на это внимания обычно никто не обращает (кроме барона Филера). Как бы то ни было, но, возвращаясь к прежнему докладу, скажу, что между Язвой и императором пробежала черная кошка. Причем не простая, а одноглазая, с откушенными ушами и хвостом, и вдобавок больная холерой. Поговаривали даже, что Шмореньш (нынешний наследник престола) рожден не от Шмора Тринадцатого, а от своего деда Шмора Двенадцатого. У императоров в жизни всегда все не просто... Кстати, Крокозябл-старший после воцарения Шмора Тринадцатого предлагал сделать генетическую экспертизу, чтобы установить, кто действительно является отцом Шмореньша (это факт, потому что Сант лично подслушал разговор между ними, когда исполнял роль садовника во дворце императора по приказу барона Филера). Но император ответил Крокозяблу так: «А если окажется, что отцом мальчика были вы или, скажем, пропистор Инквизит? Каковой тогда станет жизнь бедного ребенка? Ничего знать не хочу!». Во мужик, а?! Видишь, даже Шмор Тринадцатый знал, что за шгучка его женушка!

Дивер помолчал немного, вспоминая прошлые события, потом усмехнулся недобро и добавил:

— В наших шпионских кругах ходила байка, что барон Филер (та еще рыба) заставил придворного парикмахера принести ему пучки остриженных волос императора и наследника. Барон все-таки провел экспертизу. После этого не нашли ни парикмахера, ни экспертов-медиков. Говорят, Филер удушил их газом и скормил крысам. Теперь только барон знает, кто есть кто. Ходит и молчит, понимаешь?..

Дивер многозначительно прищурил один глаз и поднял вверх указательный палец.

Джему подумалось, что неплохо было бы выпить браги с бывшим шпионом, да еще под шоколадные конфеты. Вряд ли такие специалисты как Хапс разговаривали с имперскими служаками по поводу того, о чем сейчас рассказывал Дивер. Ведь что было известно о Шмордоне? Ну, император. Ну, бароны, лорды, маркизы какие-то... А как все это соотносится? Из древней истории Джаппурии Джем знал, что в том месте, где существует дворянство — без интриг никогда не обойтись. Но сейчас он понимал, что времени для более детального разговора у него нет, равно как и времени для алкогольной посиделки. Поэтому он просто сделал удивленное лицо, показывая, что крайне заинтригован рассказом Дивера.

Насладившись таинственностью своего жеста, шпион принялся говорить дальше:

— Короче, Шмор Двенадцатый лично написал сценарий предстоящей церемонии, отрепетировал ее, и после этого пригласил весь Государственный Совет на полигон, где в поле выкатили здоровенную гаубицу. Понятное дело, что этот вид самоубийства он придумал сам. По сценарию получалось так: все чиновники отходят на безопасное расстояние, гаубицу заряжает лично император посредством специального аппарата (там снаряд весит около тонны), после чего Шмор вставляет голову в дуло, а артиллерийский офицер подает ему в руку веревочку от спускового механизма. Затем офицер быстро делает ноги, а император, досчитав до ста, дергает за веревочку и становится памятником на Центральной площади Шморы. Но вышло все иначе. Вместо артиллериста император увидел приближающуюся к гаубице Язву. Догадавшись, что невестка решила занять место офицера, Шмор Двенадцатый вместо подкалиберной болванки, которая просто оторвала бы ему голову, зарядил в гаубицу полновесный фугасный снаряд. Потом он недолго побеседовал с Язвой, вставил голову в дуло, и та подала ему в руку веревочку. Убегать она не стала, а император не захотел считать до сотни. Офицер-артиллерист потом на допросе у лорда Хлебазла показал, что Язва, угрожая ему расправой, сама потребовала поменяться с ним местами. Что во всем этом было: любовь или ненависть? Не знает никто до сих пор. Если ненависть — то впечатляет! А если любовь — тем более...

Дивер затих, глядя в пол. Джем, сочувственно кашлянув, поинтересовался:

— И что было дальше?

Шпион, встрепелувшись, ответил:

— А дальше грохнуло так, что весь Государственный Совет ветром сдуло. В буквальном смысле. Гаубицу разорвало к бесу! Я лично это видел, потому что по указанию барона Филера находился возле него самого, а он сидел в предварительно вырытом окопе. Правда, сильно никто не пострадал. Так — ушибы, ссадины, вывихнутые руки и ноги... Куски Шмора Двенадцатого и Язвы долго искали по всему полю, а потом еще дольше систематизировали, чтоб не перепутать. Впоследствии появилась баллада, сочиненная по этому поводу. Хочешь, спою?

Дивер с готовностью открыл пасть и вдохнул в себя воздух.

— Не надо! — твердо сказал Джем. — И вы говорите, что мы, джаппурцы, дикари? И Шмор Тринадцатый спокойно смотрел на смерть своих отца и жены?

— Нет, — ответил Дивер, вздохнув. — Он сам не приехал. И Шмореньша не пустил.. Если вспомнить историю, то это далеко не единичный случай. Императорская фамилия всегда отличалась крайней изобретательностью. Самовольно грохнули себя Шморы Пятый и Восьмой. Причем никто из них войн не проигрывал. Возможно даже, что нынешний

император занимает трон незаконно. А самым главным специалистом в исторических вопросах является, как ни странно, все тот же барон Филер. Хобби у него такое.

Джем, вставая, сказал:

— Ладно. Смотри, на четвертом разрезе работайте внимательно. Есть геологические данные, что там...

— Лежит прилетевший кусок гаубицы Шмора Двенадцатого! — перебил шпион и заржал.

Джем, подождав, пока Дивер успокоится, продолжил:

— Я скоро сам побываю там, покажу, как надо работать.

— Милости просим, — сказал Дивер, усмехнувшись. — Только про конфеты не забудь.

Джем надел на голову шлем скафандра и вышел из вагончика.

Под куполом все было спокойно. Свалив с тележки пустую тару от воды в большой транспортный контейнер, Джем пошел к жилому блоку. Проходя мимо сарая с самогонным аппаратом, он все-таки не удержался и заглянул внутрь. Там стоял Батон, который как раз производил замеры на крепость.

Достав из литровой стеклянной банки спиртометр, Батон радостно сообщил:

— Восемьдесят четыре градуса!

— Будешь разбавлять? — поинтересовался Джем.

— Зачем? — удивился Батон. — Я его оставлю как неприкосновенный запас. Вдруг в пылу будущих сражений мы получим раны, и надо будет их срочно обработать!

Губы Джема растянулись в скептической улыбке.

— А вот вторую порцию, которая выходит слабее, можно будет пить уже сегодня, — продолжал Батон. — Ну а третья — вообще компот. Предлагаю премировать ею шпионов за доблестный труд!

— Откуда ты стеклянных банок набрал?

— Они от персикового компота, который разок завезли нам, помнишь? Наверное, по ошибке.

— Как там Хапс себя чувствует? — вспомнил вдруг Джем. — Он еще жив?

— Куда он денется, — ответил Батон, плотно закручивая крышку на банке. — Они с Кебабом уже лучшие друзья. Жулик с жуликом всегда общий язык найдут.

На кухне Джем застал идиллическую картину.

Неделями копившаяся грязная посуда сверкала белизной, сложенная в мойке горкой; свежeweымытый пол блестел, мусорный бак был пустым, и ничто нигде не валялось, прибранное умелыми руками. Хапс в клеенчатом переднике на пузе сидел за столом и, ловко работая ложкой, уплетал горошек прямо из банки. Кебаб, расположившись напротив, ласково смотрел на полицейского и пил чай, пытаясь подавить произвольные рвотные позывы. Хапс, жуя, успевал еще и говорить:

— А то, что хотели пару лишних дел на тебя повесить — не обижайся! Так всегда делается. Тебе ведь все равно светил расстрел, замененный на пожизненное заключение. Какая разница, за одно дело всю жизнь сидеть или за парочку? Оппт еще никогда и никому не мешал... Кстати, никогда такого вкусного горошка не ел!

— Кушай, кушай, — кивал головой Кебаб. — У нас еще пару банок есть.

— Ты зачем над человеком издеваешься? — вмешался Джем, присаживаясь к столу. — Я понимаю, что он мерзавец, но не до такой же степени!

— А что такое? — поинтересовался Хапс, допивая рассол из банки.

— Ты ешь не горошек, а яички зеленых сусликов из пустыни Сушняк, — ответил Джем. — Это боскорский деликатес.

— Надо же! — воскликнул Хапс и ковырнул в зубах ложкой. — То-то я думаю — на горошек не похоже. Вкуснятина какая!

Кебаб поперхнулся чаем, а Джем расхохотался.

Зашел Батон. В руках он держал две литровые банки. Поставив одну из них на стол, Батон показал на нее пальцем и сообщил:

— Эта порция — шестьдесят два градуса. Сейчас попробуем.

Вторую банку он торжественно поднял на уровень своего носа и заявил:

— А вот эта — почти чистый спирт. Кто в нее полезет без спроса — застрелю на фиг, драть мои копыта!

Батон скрылся в аппаратной и принялся прятать спирт среди приборных блоков.

— Надо же, как хорошо каторжники живут! — удивился Хапс. — Пьют самогон и заедают его сусликами. Надо будет по этому поводу подать докладную записку министру Квасу...

— Я тебе подам! — строго рявкнул Кебаб и показал Хапсу кулак.

— Хорош ругаться, — примирительно сказал Джем. — Неизвестно еще, останемся ли мы в живых. Давайте лучше ужинать.

— Давайте, — согласился Хапс и опять взял в руку ложку.

— Ты же целую банку калорийной суслиатины сожрал! — Кебаб недоуменно смотрел на полицейского. — Неужели не наелся?

— Это был десерт, — ответил тот, облизываясь.

— Джем, звони Морсу! — вскричал Кебаб. — Пусть срочно высылают дополнительный джанкер с продовольствием! С этим обжорой мы с голоду сдохнем!

— Каждый живет в соответствии с потребностями своего организма, — заметил Хапс. — Я не виноват, что у меня богатырская комплекция.

— У тебя комплекция не богатырская, а свинская! — сказал появившийся в кухне Батон. — Когда ты сожрешь все запасы, мы закусим тобой.

— Хватит лаяться! — прикрикнул Джем. — Уж такого барахла как консервы на всех хватит.

— И то верно, — чересчур легко согласился Кебаб.

Он слазил в шкаф и, выставив на стол четыре больших банки, произнес с издевкой:

— Выбирайте: перловка с телятиной, перловка с говядиной, перловка с говяжьей печенью. Ассортимент — как в лучшем ресторане Джняна!

Джем молча встал из-за стола, зашел в аппаратную, открыл сейф и достал оттуда шморфон. Нажав кнопку вызова, он набрал полные легкие воздуха и приготовился к беседе.

— Да, — ответил Морс.

Джем принялся орать в трубку:

— Морс! Я не понимаю вашего отношения к спасению Джаппурии! Вы сами — изменник Родины! Что вы себе позволяете?!!

— Тихо-тихо-тихо, — оторопело ответил Премьер министр. — Это вы насчет Хапса, которого я прислал?

— Да! — продолжил орать Джем. — Мы его уже почти сожрали! Осталась одна ляжка! Ее Кебаб доедает! Где продовольствие, Морс?! Где персиковый компот и шоколадные

конфеты?! Где наконец вода?! Сколько можно слать сюда перловку с говядиной?! В следующий раз для разговора со мной нанимайте переводчика с бычьего языка, потому что я буду в трубку только мычать!

Джем вытер со лба пот и понял, что у него отлегло от сердца.

— Успокойтесь, Джем, — испуганно сказал Морс. — Я прямо сейчас займусь этим вопросом. Завтра вы получите все необходимое. Кстати, советую разгрузить джанкер быстро. Обстановка накаляется с каждым часом. Следите за новостями и держите шморифон под рукой.

Джем дал отбой и вернулся в кухню. Усевшись, он швырнул шморифон на стол и сообщил:

— Завтра будем есть конфеты.

— Ура! — воскликнул Кебаб. — Наливай, Батоша!

Через час всем было уже весело, и разговор шел о нелегкой полицейской работе. Хапс, заплетаясь языком, рассказывал:

— Оптом всегда дешевле, а потому — выгоднее. Я постоянно придерживался этого принципа. Пример. Хозяину любого ресторанчика приходится ежемесячно платить целому отряду праздно шатающихся бездельников. К ним относятся: участковый инспектор, патрульный полицейский, налоговый служащий, пожарник, представитель мэрии, санитарный контролер и много кто еще. Таким образом он тратит раз в месяц тысяч десять тагриков, да еще кормит черт знает кого бесплатно. Но если он будет платить девять только мне одному, то останется в явном плюсе. А со всей этой сворой взяточников я сам разберусь. Кстати, если хозяин ресторанчика приведет ко мне своего соседа (тоже торгаша), я ему еще пятьсот тагриков скину. Сплошная выгода! Или вот. Когда я еще не был начальником полиции города Апреля, каждый полицейский был сам по себе и тратил много тагриков на решения вопросов со всякими судьями, прокурорами и высшими полицейскими чинами, организовывавшими неожиданные проверки. Теперь все платят только мне. Ежемесячно и по-божески. А на чиновников я управу быстро найду, потому что много чего про них знаю. Вот вам и опт!

— Да уж, — согласился с ним Батон. — Жаль, что Родина одна. А то ее тоже можно было бы оптом продать. Выгодней ведь...

— Что вы и сделали! — воскликнул Хапс. — Первый раз за измену Родине вам впаляли пожизненное заключение, а во второй оставили приговор в силе. Значит, за то же самое. Способные молодые ребята!

Кебаб, рванувшись через стол, хотел захватить Хапсу кулаком в ухо, но Джем его перехватил и усадил на место. Батон добавил в кружки самогона, все выпили и помирились. Джем включил шморифон и нашел новостной канал. Всем знакомый диктор сообщил:

— Лорд Крокозябл решил вытравить комаров из посольства. Для этого он эвакуировал своих сотрудников на орбиту Слякоти, куда подошел шмордонский грузовой звездолет. Сам посол, распылив какой-то газ, отбыл туда же. В результате произведенной Крокозяблом дезинфекции половина Усосанного Леса засохла, что никак не сказалось на комарах, полчища которых по-прежнему шныряют там в поисках пропитания. Министр природы Джаппурии господин Пикник Загульный сделал официальное заявление, суть которого сводится к требованию возместить ущерб, нанесенный заповеднику преступными действиями посла Крокозябла. Нота протеста передана властям Шмордона, но ответ пока не поступил. Грузовой корабль с персоналом посольства и самим лордом крутится вокруг

Слякоти. Журналисты нашего канала, побывавшие в Усосанном Лесу, обнаружили на калитке посольства висячий замок. Проникнуть дальше им не удалось ввиду присутствия комаров, лишенных прежней продовольственной базы...

— Все, война началась, — констатировал Джем.

— Почему? — спросил Кебаб.

— Потому что посол Крокозябл смылся, — ответил Джем.

Зазвонил шморофон. Первым к трубке дотянулся Хапс.

— Не возражаете? — спросил он у всех, прикладывая шморофон к уху.

Выпито было порядочно и потому душа Джема наслаждалась покоем. Он махнул рукой и Хапс сказал в трубку:

— Алло!

В наступившей на кухне тишине был прекрасно слышен голос Морса, который спросил:

— Джем, это вы?

— Нет, — ответил Хапс пьяным голосом.

— А кто? — поинтересовался Морс.

— А ты кто? — переспросил Хапс.

— Я Премьер-министр Джаппурии.

— Президент республики Тарахтун слушает!

Морс почему-то отключился. Вся компания дружно заржала.

Налили еще самогона, выпили. Опять раздался звонок. Хапс схватил трубку и приложил ее к уху.

— Алло! — сказал он.

— Хапс, мерзавец! — послышались вопли Морса. — Жаль, что вас в самом деле не сожрали! Немедленно передайте трубку Джемму!

Хапс, пожав плечами, молча выполнил приказ.

— Джем, это вы? — спросил Морс.

— Я, — ответил Джем.

— Слушайте внимательно. Джанкер с продовольствием уже в пути. Как прибудет, советую разгрузить его быстро. Капитан тарахтунского торгового корабля, который прибыл сегодня, рассказал, что Звездный Флот Шмордона в походном порядке двинулся от Черной звезды в нашу сторону. Посол Крокозябл сбежал. Я занимаюсь эвакуацией королевы и парламента в безопасное место. Грузовые джанкеры за породой больше к вам не прилетят. Приступайте к выполнению своего плана. Я буду на связи до тех пор, пока шмордонцы не догадаются ее перекрыть. Так, что еще?.. Да! Не вздумайте в этот раз примерять на себя дипломатический фрак! Если возникнет нужда в переговорах, свяжитесь со мной. И следите за новостями. Все. Как поняли?

— Нормально, — ответил Джем. — Считайте, что план уже выполнен.

— Я надеюсь на это. Кстати, передайте Хапсу, что он редкостный негодяй. Я думал, что поездка на Тринадцатую планету вправит ему мозги. Я ошибся. Ничего, у меня для него новое задание найдется. Пусть лучше не попадается мне на глаза!

Морс отключился. Разговор слышали все.

— Что-то он на тебя взъелся конкретно, — заметил Батон Хапсу.

— Я его обозвал нудной гнидой! — гордо сказал Хапс и ударил себя кулаком в грудь.

— Молодец! — уважительно воскликнул Кебаб.

— Вы еще не представляете, какой! — вскричал Хапс. — Отправляясь сюда, я

предполагал, что попаду в самую натуральную дыру. Поэтому взял с собой несколько ящиков коньяка, чтоб коротать время скучными вечерами. Оказалось, что везде есть приличные ребята! Самогон, конечно, штука хорошая, но коньяк все равно вкуснее. Надо его из джабля принести сюда, а то еще разбомбят ненароком...

— Урра! — заорал Кебаб.

Они с Хапсом тут же унеслись в шлюз, прихватив с собой механическую тележку. Джем, поклацав кнопками пульта от шморовизора, попал на какую-то музыкальную программу. На экране был виден огромный концертный зал, где вручали премии музыкантам. Ведущий церемонии говорил:

— А теперь за лучшую песню года, побившую все рекорды хит-парадов, вручается главная премия джансамблю «Секстет Сексота»! Их бесподобная композиция «Гей, джа, моя Потенция» произвела фурор в шоу-бизнесе!

На сцену вышел крепкий детина в смокинге и валенках, неся в руках контраджас. Он подошел к микрофону и стал кланяться, махая грифом инструмента направо и налево. Ведущий обратился к музыканту:

— Господин Сексот, расскажите, как вы смогли сочинить такую прекрасную песню?

Угрюмое лицо детины вдруг преобразилось, измененное детской застенчивой улыбкой, и он сказал:

— Она пришла мне в голову, когда я готовился в специальном учебном центре, то есть — в специальном музыкальном центре творческого развития. Я долго носил ее в сердце, а потом она вырвалась на волю.

Сексот помолчал несколько секунд и вдруг крикнул:

— Я рад, что она вам понравилась! Да здравствует Джаппурия!

Зал грохнул аплодисментами...

Джанкер с удовольствием разгрузили быстро. В этот раз чего только не было в коробках! Кебаб, жуя яблоко, расставлял банки с компотом в шкафу, а Батон развешивал в аппаратной связки колбас. Хапс, раскладывая конфеты в одинаковые кульки, бурчал себе под нос так, чтобы было слышно и остальным:

— Конфеты им... Вы еще самогона дайте. Этим шпионским мордам и так хорошо живется!

— Не ной, — отвечал ему Джем. — Хватит всем. Они такие же люди как мы. Оболваненные только...

По радиосвязи стали поступать сообщения о том, что грузовики перестали забирать породу. Джем, побеседовав с каждой точкой, наврал всем, будто джанкерный флот отправился проводить запланированный ремонт, и потребовал продолжать работы. Затем, собрав всех товарищей за столом, сказал:

— Ну, я думаю, пора проводить операцию.

Батон кивнул головой на Хапса.

— А куда теперь от него денешься? — заметил Джем. — Мы все тут крепко засели. Шмордонцы займут своими звездолетами орбиту и не дадут подняться с планеты ни одному джаблю. Надо, кстати, смотреть за шпионами. Не такие они дураки, чтобы не догадаться о войне, тем более, что радиосвязь работает и отключить ее не получится. С орбиты легко связаться с любой точкой. Может случиться самый обычный бунт. Сейчас необходимо развести как можно больше продуктов и забрать у них все радиостанции. Пусть сидят в

тишине. Посещать точки отныне будем только парами. Один занимается разгрузкой, второй держит каторжников под прицелом. Кебаб отправится с Хапсом, а я с Батоном. Купол закрыть магнитным ключом.

Джем сходил к сейфу и принес коробку с самородком.

— Мы с Батоном сейчас отправимся сразу на точку, где работают Дивер с Сантом. Вот им-то как раз и расскажем о начале войны. Но сначала побываем на четвертом разрезе. Привезем в вагончик самородок, типа нашли его в грунте. Положим его на стол перед шпионами, а сами, изобразив чувство эйфории от находки, отправимся на джакторе обратно в разрез. Бот не закроем. По логике вещей шпионы должны схватить слиток, запрыгнуть в бот и прибыть к куполу. Джабль «Нежный бутон юности» запечатан давно. А «Дыру в сортире» запирать не надо. Кстати, топливо в ней есть?

— Навалом, — сказал Хапс.

— Пусть стартуют и доставят слиток своему императору как доказательство важности Тринадцатой планеты. Таким образом, основной удар мы возьмем на себя...

— Погоди-погоди! — воскликнул, побледнев, Хапс. — Вообще-то я думал, что меня отправили в тихое местечко. А оказывается, я попал туда, куда будет нацелена вся мощь шмордонского флота?! Я на такую работу не нанимался! Где-нибудь взятку нахапать — это пожалуйста, это я умею... А воевать с чокнутыми императорами — ни за что!

Кебаб, сидевший рядом с ним, тут же дал Хапсу кулаком в ухо и тот загремел с лавки на пол. Кряхтя, он медленно поднялся, почесал пострадавшую часть тела и снова уселся на свое место.

— Помогло? — участливо спросил у него Кебаб.

— Да, — кивнул головой Хапс, глядя перед собой задумчиво. — Паника — штука произвольная. Ведь изначально было понятно, что с этой планеты уже никуда не денешься, а организм все равно требует свое. Инстинкт самосохранения...

— Ничего, это пройдет, — сказал Джем. — Мы — люди привычные. А ты впервые в такой безвыходной ситуации оказался. Мы не осуждаем, но если вдруг тебя опять посетят подобные чувства, немедленно скажи об этом любому из нас. Мы в беде не оставим: — и Джем показал Хапсу кулак.

— Нет-нет! — вскричал Хапс. — Я уже и так чувствую себя героем! Посмертно...

— Вот и хорошо. — Джем поднялся из-за стола. — Вперед, ребята! Грузите как можно больше, чтобы хоть неделю не ездить. Кебаб, заберите нас с восьмой точки. И держите шпионов на мушке!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Все пошло совсем не так, как рассчитал Джем. На восьмой точке никого не было. Выйдя из бота, Джем с Батоном бегло осмотрели площадку перед вагончиком. Здесь стояли джакторы, экскаджаторы и валялись пустые газовые баллоны. Взяв с собой коробку с самородком, друзья зашли в вагончик.

Стоя в тамбуре, Джем через стекло герметичной двери заглянул в жилое помещение и никого там не обнаружил. Обернувшись к Батону, находившемуся в дверях, он хотел подать знак, чтобы тот вернулся к боту и приступил к разгрузке, но сделать этого не успел. Перед дверью вагончика мелькнула какая-то тень и Батон вдруг рухнул на Джема, увлекая того на пол. Где-то рядом взревел мощный мотор, дверь тут же захлопнулась и с другой стороны что-то гулко в нее ударило.

Друзья вскочили на ноги и, не обращая внимания на самородок, выкатившийся из

упавшей коробки, попытались открыть дверь, но не смогли. С той стороны ее держала непонятная тяжесть. Батон выхватил лучевой пистолет и направил его в дверь. Джем, дернув Батона за руку, показал головой на жилое помещение. Батон сунул пистолет в кобуру и последовал за Джемом.

В комнатке с койками они сняли шлемы и Джем сказал:

— Не надо стрелять. Там везде баллоны валяются. Неизвестно, чем подперли дверь. Еще взлетим к черту!

Они подошли к иллюминатору и, посмотрев в него, удивились до крайности.

Джаппурия и звезды давали мало света, но видимость была сносной. Огромный ковш карьерного экскаватора подпирает входную дверь, и потому открыть ее даже лучом пистолета не представлялось возможным. Рядом с ботом мелькали две фигуры, одетые в скафандры. Они зачем-то выбрасывали из грузового отделения все, что там было. И причем выбрасывали — не церемонясь.

— Зачем они это делают? — поинтересовался Батон. — Ну, собрались бежать — бегите. Какой смысл терять время?

— Им почему-то нужно пустое место, — ответил Джем. — А для каких целей требуются пустые места? Для того, чтобы их чем-то заполнить.

Действительно, спустя несколько минут один из шпионов подъехал к боту на джакторе, вылез из кабины, забрался в кузов и стал швырять оттуда какие-то небольшие мешки. Второй принялся их таскать в бот. Мешки были очень тяжелыми, если судить по разъезжавшимся от натуги ногам носильщика.

— Меня сильно тревожат эти мешки, — напряженно сказал Джем. — Я, кажется, догадываюсь, что в них.

— Что? — поинтересовался Батон.

— Потом, — нервно ответил Джем.

Наконец шпионы закончили загрузку бота. Напоследок, перед тем, как залезть внутрь, они картинно построились перед кабиной в одну шеренгу лицом к вагончику, синхронно показали неприличные жесты, запрыгнули в бот и, взлетев, взяли курс на купол центральной станции. Бот, загруженный под завязку, еле оторвался от поверхности планеты.

— И что теперь делать с золотым самородком? — спросил Батон.

— Зубы себе модные вставим, — процедил Джем. — Глядишь, еще и на золотой пистолет для Кебаба хватит...

Переносные радиостанции, естественно, остались в боте, поэтому пришлось ждать три часа, пока Кебаб с Хапсом не закончили развозку по своим точкам и не прилетели к ним. Они завели экскаватор, убрали его от дверей и освободили двух незадачливых пленников. Узнав о том, каким образом Батон с Джемом оказались в заточении, Кебаб с Хапсом долго смеялись.

Джем, забрав у последнего переносную радиостанцию (тот по своей полицейской привычке постоянно таскал ее в кармане скафандра), настроил нужный канал и принялся вызывать беглецов:

— Дивер, Сант, ответьте Джемму! — сказал он в микрофон.

— На связи, — тут же отозвалась рация голосом Дивера.

— И как это все понимать? — спросил Джем.

— Так как есть, — голос Дивера искрился радостью. — Вы олухи, а мы уже в челноке. Двигатели продуты, через пять минут стартуем. И не надо за нами гнаться. Вы забыли

запереть тот челнок, который поновее. На старой лоханке, оставшейся на площадке, вы никогда нас не поймаете. Ха-ха-ха!

Шпион рассмеялся.

— А что это вы загрузили в бот? — поинтересовался Джем.

— Кучу дерьмового грунта с этой гиблой планеты, — сообщил Дивер лживым голосом. — С пустыми руками неохота возвращаться домой. Пусть наши ученые исследуют, может, чего полезного найдут в породе.

— А мы вам конфет привезли.

— Ой, мы сейчас немедленно вернемся! — воскликнул Дивер, ерничая. — Засуньте их себе в задницы! Мы тут радио успели послушать. Скоро опять встретимся! Только теперь вы будете породу рыть! А мы вам, так уж и быть, конфет привезем. Сосательных! Ха-ха-ха!

Он отключился, и вслед за этим на горизонте возникла яркая огненная точка. Она, постепенно уменьшаясь, вскоре исчезла где-то среди звезд.

Выйдя из бота в карьере, называемом «Четвертым разрезом», все четверо просто потеряли дар речи. В стороне от основного места выработки была прорыта стометровая канава глубиной не более человеческого роста. Даже глазами простого человека, не имеющего никакого понятия о геологии, было видно, что кучи вынутого из канавы грунта сильно отличаются от обычной породы, предназначенной для загрузки в джанкеры. Грунт блестел мириадами маленьких светлячков!

Кебаб моментально влез в кабину стоявшего неподалеку экскаджатора, завелся и двинул машину зачем-то в объезд канавы. Проехав метров двести, он развернул экскаджатор перпендикулярно линии прежней выработки и, опустив вниз ковш, принялся рыть грунт, постепенно удаляясь в сторону видневшейся на горизонте линии небольших холмов. Джем с Хапсом спрыгнули в канаву, А Батон, наученный горьким опытом, остался на охране бота.

Спустя час ситуация полностью прояснилась. Вся четверка уселась в бот, сняла шлемы и Батон, подняв аппарат с поверхности, повел его к куполу.

— Надо же! — воскликнул Кебаб. — Это не просто жила. Это целое поле! Глубина залегания неизвестна. Я прорыл яму метров на семь. Чем глубже, тем меньше примесей!

— Да, — согласился с ним Хапс. — На дне канавы я даже нашел несколько небольших самородков.

Он достал из кармана три маленьких желтых камешка и передал их Джему. Тот, внимательно осмотрев самородки, выругался и констатировал:

— Получается, что мы сами себя надули!

— Почему? — спросил Хапс.

— Целью плана было загадить мозги шмордонцам и убедить их в том, что Тринадцатая планета представляет собой огромную ценность. Если бы план сработал, можно было бы впарить ее императору в обмен на мир для Джаппурии.

— Так все сработало! — воскликнул Хапс. — Шпионы нагребли золотого песка, угнали джабль и скоро обрадуют своего императора.

— В том-то и дело! — вскричал Кебаб. — Только теперь ценность планеты очевидна даже мне и отдавать ее вонючим шмарам — жаба задавит!

— А-а-а, — протянул Хапс, сообразив, что битва до последней капли крови приблизилась к нему на расстояние вытянутой руки.

— Что, паника опять постучалась в твое сердце? — подозрительно ласковым голосом спросил Батон.

— Нет-нет! — торопливо ответил Хапс. — Я уже попрощался с жизнью и потому ничего больше не боюсь. Но умирать на сухую категорически не согласен!

— Мы люди цивилизованные и перед смертью никого не мучаем, — сказал Кебаб. — Кстати, хочу заметить, что коньяк очень хорошо закусывается сочными дольками персика из компота!

После обильного ужина Кебаб достал пакетик фундука и принялся колоть орехи самородком, присланным ранее Морсом, а Джем взял шморфон и нажал кнопку вызова.

— Да! — ответил Премьер-министр. — Говорите быстрее. Я занимаюсь эвакуацией парламента и потому мне некогда.

— Перестань стучать! — крикнул Джем в трубку, глядя на Кебаба. — Ни черта не слышно.

— Не понял, — сказал Морс.

— Ха! Это я не вам, — хохотнул Джем. — Короче, отложите все дела и слушайте меня внимательно. Открытым текстом говорить не буду, но вы меня поймете... А если не поймете, значит — вы осел! Тогда буду общаться прямо, так как джанкеры перестали прилетать сюда и письмо с одним из них уже не отправишь...

— Что вы несете, Джем?! — строго спросил Морс. — Вы пьяны? Но я не посылал вам спиртных напитков!

— Мы и сами с усами! — проорал Хапс с другого конца стола, теребя пальцами свои крохотные усики.

— Кто там кричит? — с негодованием спросил Премьер-министр. — Хапс? Передайте ему, что после войны я назначу его инспектором по розыску угнанных джамобилей. Будет сутками безрезультатно бегать как савраска в поисках давно разобранного джамохлама!

— Он себя уже похоронил заочно, — смеясь, ответил Джем. — Так что место розысника отдайте министру Квасу Ядреному. Тпру! Хватит! Слушайте сюда: план сработал. Шпионы на пути к славе. Но! Оказалось: то, что мы хотели выдать за действительность — соответствует ей взаправду!

— Вы бредите!

— Нет. Вчера вскрыли пласт поверхности в новом месте. Чистый золотой песок, плюс самородки. Площадь огромна. Глубина залегания не установлена. Чем глубже роешь, тем песок чище...

— Ш-ш-ш! — зашипел Морс. — Нас могут подслушать.

— Плевать! — воскликнул Джем. — До меня только что дошло — шептать бесполезно. Шпионы смогли захватить с собой несколько мешков породы. Шмордонцам будет известна правда.

Премьер-министр помолчал немного, а потом произнес желчно:

— Джем, обмен планеты на мир отменяется.

— И что прикажете теперь делать? — спросил Джем весело.

Голос Морса закрипел какими-то неживыми нотками. Казалось, говорит не Премьер-министр, а кто-то другой, незнакомый и страшный. Слова медленно выскакивали из трубки и в полной кухонной тишине падали тяжкими каплями на сердца Джема и его товарищей:

— Планету не стоит менять, а равно продавать. Королева и ее дочь находятся в месте, где никто не сможет их найти. Если Шмордон победит, я не оставлю их в живых. С потерей Тринадцатой планеты их ждет такая же участь. Делайте, что хотите, но помните о моих словах. Я всегда выполняю свои обещания...

Шморфон отключился. Джем с застывшей на губах улыбкой невидящими глазами посмотрел в трубку и медленно положил ее на стол. В кухне повисла гробовая тишина.

ШМОРДОН. ВОЙНА

Император восхищенно смотрел в иллюминатор на огромный флот Шмордона, застывший в четком строю. Боевые звездолеты, оцетинившись жерлами сотен ракетных установок, были подобны чудовищам, воскресшим из глубин древних веков. Истребитель «Клинок», проходя перед строем, салютовал красным импульсным сигналом каждому кораблю, и они отвечали ему тем же.

— Потрясающая мощь! — довольно воскликнул Шмор Тринадцатый.

— Да, ваше величество, — с готовностью откликнулся Филер, стоявший за плечом императора.

Неожиданно хорошему настроению Шмора пришел конец. На левом фланге строя он увидел шесть ржавых крейсеров, покрытых какими-то неопрятными потеками. В отличие от остальных кораблей флота, их болтало из стороны в сторону и носило вперед-назад.

— Что это за лоханки? — спросил император, содрогнувшись от отвращения.

— Четвертая Гвардейская эскадра, — доложил барон.

— Они же сейчас рассыпятся! — возмутился Шмор.

— Никак нет, ваше величество, — успокаивающим голосом ответил Филер. — Эскадрой командует опытный контр-адмирал Кернер. Под его руководством экипажи крейсеров круглосуточно занимаются ремонтом: пилят, сверлят, сваривают швы... Большого эффекта это не дает, но зато не позволяет кораблям развалиться. Вообще-то их собирались списать. Два хотели разрезать на металлолом, а четыре продать Крокозяблу-старшему, пожелавшему сделать из них межзвездные отели. Но в связи с предвоенным временем начальник Генерального штаба маркиз Шухер приказал оставить их в строю.

Император, подумав немного, произнес:

— У Шмордона не бывает других времен, кроме как военного и предвоенного. Немедленно передайте мой приказ адмиралу Надолбу. Я требую назначить вице-адмирала Шухера командующим Четвертой эскадрой. Далее: контр-адмиралу Кернеру присвоить звание вице-адмирала и определить на прежнее место Шухера, которому, соответственно, нацепить погоны контр-адмирала... Пусть Кернер сверлит, пилит, варит швы, чтоб Генеральный штаб не развалился.

— Ваше императорское величество! — вскричал Филер. — Но для руководства Генеральным штабом недостаточно одного умения пилить и сверлить!

— Достаточно, — твердо сказал Шмор. — Во-первых, все равно от этого органа никакой пользы нет, раз мне вместо него приходится думать своей головой. Может, с приходом Кернера все изменится к лучшему. А во-вторых, барон, ваше дело сейчас не советы раздавать, а выполнять мои распоряжения.

Филер промолчал, потому что знал главную заповедь царедворца, которая гласила: император всегда прав. Тем более, что в этот период своей службы он исполнял обязанности графа Вискерса и, согласно требованиям «Устава военного времени», был адъютантом Верховного Главнокомандующего, коим являлся император.

— И передайте еще один приказ, — продолжил Шмор, переходя к другому иллюминатору. — Начать боевые действия немедленно. По утвержденному ранее плану. Естественно, не Генерального штаба...

— Будет исполнено! — сказал барон и удалился.

Император вспомнил о последних днях, проведенных в полете и настроение его стало просто омерзительным. Он смотрел в иллюминатор на звезду Джаппурию, казавшуюся такой маленькой с расстояния границы системы, и не мог отделаться от ощущения, что все идет как-то не так. Шмору вдруг стало тревожно на сердце и он, отойдя от иллюминатора, уселся в кресло...

Истребитель «Клинок» оказался действительно первоклассным кораблем. Он был быстр и проворен в отличие от любого неповоротливого крейсера, а оружия на борту имел почти столько же. В суете погрузки Шмор не смог проконтролировать перемещение своего багажа, доставленного в императорские апартаменты истребителя, да и не думал об этом деле, так как обычно Вискерс успевал везде. Все необходимые вещи были собраны графом давно и лишь ждали своего часа.

Сразу после прибытия на борт Шмор вместе с Филером занялись осмотром корабля. Потому в свои апартаменты, состоявшие из нескольких кают, император попал лишь через три часа, прошедших после старта. К этому времени истребитель покрыл достаточно большое расстояние и находился уже на пути к границе звездной системы Джаппурии.

Зайдя в свой корабельный кабинет, Шмор решил распаковать единственный походный чемодан, который содержал все необходимое для ведения войны: бритвенные принадлежности, несколько комплектов нижнего белья, кое-что из одежды и плюс десяток книг к этому. Остальное ему не требовалось, потому что он и так состоял на полном имперском обеспечении. Каково же было его удивление, когда возле стола для заседаний он обнаружил на полу не один чемодан, а целую кучу!

Как человек взвешенный, Шмор, не имея обыкновения сначала орать, а потом разбираться, решил сделать наоборот. Раскидав кучу, он в самом низу ее нашел свой любимый чемоданчик и, отставив его в сторону, принялся рассматривать остальные вещи. Долго этого делать не пришлось, потому что все рюкзаки и чемоданы он уже видел ранее. Где? В комнате своего сына.

Сначала императору в голову закралась мысль о том, что неопытный в секретарских делах Филер смог прихватить все эти вещи по ошибке. Ничего страшного в этом не было, и Шмор собирался было позвать барона, чтобы тот распорядился отправить вещи сына на склад, но неожиданно откуда-то послышалось шуршание.

Император, тихо переступая через рюкзаки, принялся искать место, издающее необычные звуки, и взгляд его уперся в несуразно большой чемодан. Этот чемодан был каким-то странным. Его покрывала сеть маленьких дырочек, просверленных, по всей видимости, обычной электрической дрелью. Но самое интересное — шорох исходил именно изнутри чемодана. Причем звук этот, меняясь, постепенно перерос в хруст, сопряженный с чавканьем.

Шмор, принявшись, уловил запах картофельных чипсов с беконом. Чемодан, казалось, жил своей собственной жизнью — вкусной и сытной. Вдруг чавканье прекратилось и что-то булькнуло. И здесь у императора не осталось никаких сомнений. Ведь если крысы могут жрать чипсы сколько угодно, то чавкать они не умеют. А булькать газировкой, хлебая ее из горлышка бутылки, — тем более!

Император топнул ногой, и бульканье тут же прекратилось. Недобро улыбнувшись, Шмор громко крикнул:

— Барон! Выбросьте этот баул с крысами в открытый космос!

Из чемодана немедленно долетел глухой вопль:

— Не надо!

Шмор, подойдя к говорящему чемодану, отстегнул замки, перебросил его верхнюю крышку в сторону и увидел прищуренные, но все равно полные ужаса глаза сына.

Величина чемодана позволила Шмореньшу лежать, вытянувшись в полный рост, но пустого места вокруг наследника престола все равно не оставалось, так как любая щель между его телом и стенками была заполнена упаковками чипсов и пластиковыми бутылками с шмороколой.

В первую секунду император растерялся, потому что никак не мог ожидать такого поворота событий. Ему вдруг захотелось тут же залепить сыну оплеуху, так сказать — не выходя из чемодана. Но он нашел в себе силы просто спросить:

— Что это значит?

Глаза Шмореньша уже привыкли к свету и потому широко распахнулись навстречу отцовской сдержанности. Он, моргая и излучая волну страха перед неизбежным наказанием, старался выглядеть истинным воином и потому напыщенно заявил:

— Никто и ничто не удержит меня от великих дел!

— Понятное дело, — кивнул головой отец, успокаиваясь и подсчитывая глазами количество пустых бутылок в чемодане. — И где же в твоём боевом корабле санузел?

Наследник, сунув руку куда-то под себя, вытащил одну из порожних бутылок и сказал:

— Вот здесь.

— И ты в темноте ни разу не перепутал емкости? — поинтересовался Шмор.

— Я же не идиот! — воскликнул Шмореньш. — Запах разный.

Император поймал себя на том, что в голове у него во время разговора с сыном билась всего одна мысль: «Надо немедленно вернуть его домой!». И сын, видимо, догадался об этом, потому что вдруг произнес:

— Отец, даже не думай о возвращении! Возвращаться — плохая примета...

Шмору вдруг подумалось, что в поступке его сына есть огромная доля храбрости, пусть и безрассудной. Ведь он знал, что все равно когда-нибудь придется вылезать из чемодана. Пусть с сообщниками или без — не попасться на глаза в небольшом звездолете невозможно... Но тут же пришла вторая мысль, которая затмила собой все на свете, и она гласила: «Какая сволочь ему помогла?!» Жизненно опытный император даже думать не стал о том, что сын сам смог организовать проникновение на борт звездолета. Вместо этого он просто спросил заинтересованно:

— Слушай, а как же по-большому в чемодане ходить?

— Пока не хочется, — серьезно ответил наследник. — Но если что — у меня нож есть для разрезания крышки.

Шмор, понимающе кивнув головой, сказал:

— Ну что же, пришла пора размяться, сынок. Ну-ка, ну-ка!

С этими словами император, наклонившись, взялся пальцами за одно из оттопыренных ушей сына, потянул его на себя и извлек из чемодана своего наследника.

Через несколько минут Шмор уже все знал. Сын его, сидя на диване, сморкался в платок, выданный ему отцом, и тер красные заплаканные глаза. Император, прохаживаясь по кабинету, негромко говорил:

— Шморчик! Я понимаю твою юношескую порывистость, потому что сам когда-то таким был. Но любая храбрость должна опираться на разум. Ибо храбрость без разума —

дурость. То, что ты сделал, не геройство, а самая натуральная глупость, граничащая с идиотизмом! Если б у меня еще были сыновья, я бы сам тебя с собой взял. Но ты один! В истории нашей династии никогда не происходило того, чтобы император с наследником отправлялись на войну вместе (да еще в одном звездолете). А если наш истребитель будет взорван вражеской ракетой? А вдруг нас обоих захватят в плен? Что будет с Шмордоном?

— Ничего с ним не будет, — тихо ответил Шмореныш, потирая ухо.

— Да, я с тобой согласен, — сказал Шмор. — Он останется цел. Только к власти придет другая династия... Даже сейчас, пока мы здесь вдвоем, что мешает какому-нибудь барону захватить в метрополии эту самую власть?

— Наш Звездный Флот мешает, — ответил Шмореныш. — Пусть только попробуют! Вернемся и расколошматим всех и вся!

— Соображаешь, — произнес император, усмехнувшись довольно. — Но зачем приходиться к этому? Наследник, занимающий престол, пока император воюет — лучший гарант внутреннего мира в империи...

А вот с бароном Филером состоялся совсем другой разговор.

Пока Шмореныш откисал в ванной, Шмор у себя в кабинете разбирался с начальником разведки, влезшим совсем не туда, куда следовало. Сидя на диване, император разглядывал пылающие уши Филера, замершего перед ним в строевой стойке, и говорил следующее:

— Вы, барон, не хуже меня, а даже лучше знаете законы разведки. Они чрезвычайно жестоки, потому что обоснованны. Вербанув кого-нибудь, разведка не выпустит его из своих цепких рук до тех пор, пока он будет приносить пользу. А когда агента выжмут до конца, его либо убьют (потому что слишком много знает), либо сдадут с потрохами. Последнее касается в первую очередь тех, кто предает свою Родину за деньги, ибо таких презирают даже сами разведчики... Но подростки еще жестче, потому что их мир черно-белый. Наследник надавил на вас один раз и у него получилось. Вы, не выдав его мне, тем самым совершили два ужасных поступка: подсели к моему сыну на крючок (что достаточно странно, учитывая вашу квалификацию) и предали меня. Да-да! Не надо возражений! Вы приносили присягу мне, а не моей семье. И служить должны только мне! А дальше — как судьба распорядится. Во славе ли, с гонениями ли от следующего императора — но с честью!.. Вот скажите, что теперь делать?

— Ваше величество, — торопливо сказал Филер. — По прибытии в точку встречи с флотом я возьму самый быстроходный челнок, доставлю вашего сына в Шмору и мы останемся там...

— Вы нужны мне здесь, — покачал головой император.

— Тогда отправим его с каким-нибудь надежным офицером.

— Возможно, — задумчиво сказал Шмор.

Спустя минуту он поинтересовался:

— Чем он вас испугал? Личной камерой в бомбе Шмора Великого?

— Так точно.

— Хм, богатое воображение, — усмехнулся Шмор. — Значит, так: пока мы не соединимся с флотом, займетесь наследником, раз именно вы виноваты в его присутствии на борту. Чтобы он не слонялся без дела, научите его обращаться со скафандрами, управлять спасательным ботом, покажете ему боевые рубки ракетных батарей.

— Слушаюсь! — отрапортовал повеселевший Филер. — Разрешите исполнять?!

— Исполняйте, — разрешил император. — И еще... Если из-за вашего преда... ну,

назовем проступок разгильдяйством... Если из-за вашего разгильдяйства будет проиграна эта война, место в стальной бомбе будет обеспечено вам на все сто процентов. Только теперь уже мной!

Император, подумав о стальной бомбе Шмора Великого, усмехнулся и попытался вспомнить выражение лица Филера в тот момент, когда он сообщил ему, что угроза, придуманная сыном, никуда не исчезла. Шмор напрягся и удивленно задрал брови вверх. Выражение лица барона в памяти отсутствовало! Император попытался вспомнить само лицо Филера и через некоторое короткое время понял, что это опять-таки не удастся... «А какой он вообще из себя?» — вдруг возникла мысль.

Не худой и не толстый, не высокий и не низкий, не носатый и не безносый, не ушастый и не безухий... Этих «не» набиралось столько, что, собрав их в одну большую кучу, касательно внешности барона можно было прийти лишь к одному выводу. Этот вывод вытекал из вопроса: «Каков из себя Филер?» И звучал он так: «Никакой». Причем это заключение соответствовало и характеру начальника разведки: не вспыльчивый и не спокойный, не веселый и не грустный — и так далее, и в том же бесконечном духе.

Эта безликость насторожила императора, и он вдруг пожалел, что рядом с ним сейчас нет надежного графа Вискерса, или хотя бы того же забулдыги Хлебазла, у которого наверняка имелось досье на барона. Откуда Филер выплыл, император не помнил, но знал, что барон был начальником разведки уже в прошлую войну и Шмор Двенадцатый его сильно ценил...

Шмор встал, подошел к иллюминатору и увидел, как Звездный Флот разделился. Основная масса кораблей пошла за императорским истребителем, а шесть громоздких, устаревших крейсеров Четвертой Гвардейской эскадры отвернули влево и скоро потерялись среди сверкавших вдалеке звезд.

Император корил себя за то, что все-таки решил оставить наследника с собой. Но отправлять его одного, пусть даже в сопровождении надежного офицера, ему не захотелось. Что-то удержало его от такого шага. А что именно?

Шмор, проанализировав свои предчувствия, вдруг понял, что его насторожило именно предложение Филера. Как оценивается надежность по мнению барона? Офицер должен быть предан в первую очередь кому: императору или начальнику разведки? Ведь в разведке свои законы. А каков из себя Филер? Не старый и не молодой... Ну, и так далее.

Император, недобро улыбнувшись, решил в процессе военных действий пообщаться с Хлебазлом и узнать у того о бароне как можно больше.

На следующий день (по корабельному времени) во всех коридорах истребителя разнесся звук сирены. Это был сигнал о появлении противника. Шмор оказался в капитанской рубке одним из первых.

— Что случилось? — спросил он у вахтенного офицера.

— Челнок противника, — ответил офицер. — По классификации — джабль первого класса. Идет по прямой навигационной линии: Тринадцатая планета Джаппурии — Шмордон. Вышел на связь, просит стыковки.

Капитанская рубка тем временем наполнялась народом. Император, оглядевшись, тут же выгнал из нее всех лишних (включая своего сына), оставив лишь капитана истребителя и барона Филера. Капитан занял место за пультом управления, а радист включил

опознаватель. Капитан пояснил:

— Сейчас джабль назовется сам. У него это действие в автоматическом режиме запрограммировано.

Механический голос тут же сообщил:

— Полицейский джабль первого класса «Дыра в сортире» просит стыковки.

Император, издав нервный смешок, заметил:

— Надо же! Первый корабль, попавшийся моему отцу, носил название «Нежный бутон юности». А этот — «Дыра в сортире»! Неужели королева Джаппурии так сильно огрубела за последнее время?

— Надо смотреть по обстоятельствам, ваше величество, — подал голос Филер. — «Нежный бутон юности» нанес поражение прошлому императору.

— А «Дыра в сортире» может принести хорошие вести, — прозвучал вдруг голос.

Шмор, обернувшись, увидел Крокозябла-старшего, сумевшего втиснуться между блоками оборудования в то время, когда император выгонял из рубки всех лишних.

— Очень даже неплохое название, — продолжил банкир, выходя из угла. — Это к деньгам...

— Конечно, — желчно ответил император. — Вам, Крокозябл, любое поражение Шмордона выливается в деньги!

— Не скажите, ваше величество. Я ведь плачу налоги! А любая прибыль в казну — чистая победа для Шмордона. Чем лучше купечеству — тем лучше государству.

— Как знать, — сказал император.

В звуковое пространство рубки вдруг ворвался грубый живой голос:

— Алло! Неизвестный шмордонский корабль! Говорит джабль! Код двадцать восемь ноль пять! Код двадцать восемь ноль пять! Прошу стыковки!

Филер, вздрогнув, вдруг мягко, но настойчиво отодвинул Шмора плечом от радиста, взял в руку микрофон и сказал в него:

— Двадцать восемь ноль пять, я ноль один — ноль один. Стыковку разрешаю.

— Понял, ноль первый! — донесся радостный голос из динамиков. — Приступаю к стыковке!

Филер положил микрофон и взглянул на императора. Тот, застыв, недоуменно смотрел на барона.

— Извините, ваше величество, — сказал Филер. — Под таким кодом значится один из моих агентов, засланных в Джаппурию более трех лет назад. Информации о нем не было, но за него я могу поручиться.

— Хорошо, — кивнул головой Шмор. — Только перед открытием шлюза обеспечьте весь экипаж противогазами.

— Будет исполнено! — сказал барон.

— Ноль один — ноль один? — спросил вдруг Шмор, прищурившись.

— Это просто позывной, — ответил Филер и улыбнулся.

Через час в кабинет императора постучался Крокозябл.

— Это правда, ваше величество, — сказал он, радостно потирая руки. — Тринадцатая планета действительно является золотой. Шпионы, отработывавшие там каторгу (целых три года), сумели сбежать. Они захватили с собой около пятиста килограммов золотого песка. Проба низковата, но зато почти без примесей. Барон Филер — выдающаяся личность!

— А барон здесь при чем? — поинтересовался сидевший в кресле Шмор.

— Ну как же? Ведь именно он подготовил таких классных агентов!

— Именно из-за их классности они три года вкалывали на каторге?

— А итог каков? — Крокозябл рассмеялся.

— И что, вся планета золотая? — с недоверием спросил Шмор.

— Шпионы говорят — участками. Но все равно! Предлагаю быстро заключить мир и оттяпать планету в пользу Шмордона. Я прямо сейчас готов взять ее в аренду! Налоги обязуюсь платить исправно...

— Погодите, — поморщился император. — Мы еще войну как следует не начали, а у вас сердце болит о заключении мира. Где эти шпионы?

— Их допрашивает Филер. Он уже заканчивает. Сейчас сюда приведет.

— Хорошо. Ответьте мне, куда делся ваш сын? Он уже давно должен был ликвидировать посольство и встретиться с нами.

— Лорд Крокозябл влип в неприятности, — печально вздохнул Крокозябл-старший. — Я послал за ними грузовой корабль. Он эвакуировал на него весь штат, а сам под видом дезинфекции леса решил замести следы, чтобы отбытие посольства на орбиту выглядело естественным. Капитан корабля послал радиogramму печального содержания. Оказалось, что мой сын забыл использовать одну из газовых шашек, и она осталась у него в кармане пиджака. Когда он поднялся в корабль, его угораздило споткнуться, и шашка сработала. Что это был за газ — я не знаю (не худо было бы спросить у Филера, это его шашки), но капитан сообщил — редкостная гадость. Все люди вместе с капитаном и лордом Крокозяблом на спасательных ботах эвакуировались обратно на Слякоть, а корабль так до сих пор и болтается вокруг планеты. Больше пока ничего не известно. Надо будет установить место высадки и организовать десант для спасения посла со своими людьми и экипажа корабля.

— Бес знает что! — выругался император. — Все идет не так... Кстати, где мой секретарь Вискерс? Почему он не прибыл на борт истребителя?

— Хм, — кашлянул Крокозябл. — Видите ли, ваше величество, у них там, на флагманском бомбоносце, сложилась дружная компания. К Вискерсу с Хлебазлом присоединились маркиз Шухер и пропистор Инквизит. Лорд Надолб даже был вынужден закрыть офицерский бар, так как эта компания вылакала в нем все спиртное. Когда вы назначили Шухера командующим Четвертой Гвардейской эскадрой, троица отправилась провожать его к новому месту службы. На крейсере «Победитель», куда они прибыли, обнаружился бар, полный алкоголя (Кернер — рачительный хозяин). Шухер дал приказ немедленно отделиться от основных сил флота и направил эскадру к Тринадцатой планете. А сам пригласил своих друзей в бар. Радист «Победителя» доложил, что вся четверка проводит в баре военный совет, который длится уже сутки.

Шмор, разозлившись, заявил:

— Как только корабли флота займут места согласно дислокации, я сам отправлюсь к Тринадцатой планете и разберусь с этими пропойцами!

В дверь кабинета постучались, она отворилась и в щель всунулась голова барона Филера:

— Разрешите войти? — спросила голова.

— Да, — сказал император.

Он встал с кресла и занял место посреди кабинета. Крокозябл почтительно застыл позади него. В кабинет вошли два бородатых шпиона, сбежавшие ранее с Тринадцатой планеты, и барон Филер, лицо которого сияло от счастья не хуже хрустальной люстры.

Дивер и Сант, одетые в грязную робу, также имели наградной вид. Они, выставив нижние челюсти вперед, застыли перед императором в строевой стойке.

Шмор, оглядев их с головы до ног, сморщил нос и поинтересовался:

— Господа, чем от вас так воняет?

— Каторгой! — рявкнул Дивер и глаза его сверкнули геройством.

— Понятно, — кивнул головой император, отходя назад на три шага. — Рассказывайте.

Шпионы, перебивая друг друга, поведали обо всем, что творится на Тринадцатой планете.

— А сейчас их там четверо, — заканчивая рассказ, сказал Дивер. — И оружие у них — лучевые пистолеты. Остальные карьеры обслуживаются нашими братьями. Они уже давно готовы к мятежу, потому что кормежка — дерьмо!

Шмор подошел к своему столу, выдвинул верхний ящик и достал из него небольшой деревянный пенал, инкрустированный жемчугом. Открыв этот пенал, император взял оттуда две золотые медали и, подойдя к шпионам, приколот награды каждому из них прямо на робу.

— Поздравляю! — торжественным голосом произнес Шмор. — Отныне вы являетесь кавалерами медали имени «Шмора Великого», что возводит каждого из вас в личное дворянство и автоматически обеспечивает пенсией в размере одного серебряного бабоса ежемесячно.

— Ура! Да здравствует император! — хором крикнули оба шпиона.

— Господа кавалеры! — продолжил Шмор. — Я понимаю, что вы устали и хотите отдохнуть. Вам положен отпуск! Тем более — за три года. Но сейчас Шмордон находится в состоянии войны и отпуска отменены. Поэтому прошу вас немного потерпеть. Поступите в распоряжение бригадира Филера, а после победы над Джаппурией получите все, что заслужили. Можете идти.

— Простите, ваше величество, — подал голос Сант. — Есть еще кое-что...

— Да? — удивился такой наглости император. — Что вы хотели?

— Мы доставили пятьсот килограммов золотого песка. Согласно законам Шмордона нам полагается двадцать пять процентов вознаграждения.

— Ах, вот оно что, — император сделал рукой разрешающий жест и добавил, — ну, если полагается...

— Минуточку! — вскричал вдруг возникший справа от Шмора Крокозябл. — Какие двадцать пять процентов? Это за находку клада полагается! Причем на территории Шмордона. А Тринадцатая планета нам пока не принадлежит. Значит — уже не клад. А если и клад — то не наш (опять-таки, пока). Далее — мы ведем войну. Шпионы — государевы люди. Получается, что доставленное ими золото является самым натуральным трофеем! А трофеи полностью принадлежат Шмордону, так как мародерство запрещено!

— А-а-а... — Сказали шпионы хором.

— Знаете, господин Крокозябл, вы как всегда правы! — воскликнул император.

— М-м-м... — Промычали Дивер и Сант.

— Барон, какие звания носили эти доблестные офицеры? — обратился Шмор к Филеру.

— Дивер был капитаном, а Сант обер-лейтенантом, — доложил барон.

— Издайте приказ, я подпишу, — сказал император. — Санту присвоить звание майора, а Диверу подполковника.

— Слушаюсь! — отрапортовал Филер.

— Поздравляю, господа кавалеры! — рявкнул Шмор шпионам.

— У-у-у... — Ответили они хором.

— Я вас больше не задерживаю.

Филер тут же схватил обоих шпионов за руки и выволок их в коридор. Оттуда донесся вопль Дивера:

— Пятьсот килограммов! Кому?!

Раздался громкий звук затрешины, дверь в кабинет хлопнула и наступила тишина.

Император, посмотрев на потирающего руки Крокозябла, заметил:

— А вы всегда вовремя.

— На то я и банкир, — улыбнулся Крокозябл.

— Не подскажите, что можно купить за один серебряный бабос? — задумчиво спросил Шмор.

— Двадцать семь кружек дрянного пива, — тут же произвел калькуляцию Крокозябл.

— Видите, ежемесячно даже по кружке в день не выходит, — сочувственно сказал император.

— Как раз хорошо для печени, — сообщил банкир. — Хоть три дня отдохнет от такой гадости. А на каторге они и этого не имели...

Операция по блокаде четырех обитаемых планет прошла быстро и успешно. Боевые звездолеты заняли места на орбитах и перекрыли сообщение между ними. Истребитель «Клинок» завис между планетами Сочи и Потенцией, и с его борта император руководил боевыми действиями. Флагманский бомбоносец «Империя» под командованием лорда Надолба находился на орбите Слякоти.

Была передана радиограмма, в которой говорилось о несоблюдении властями Джаппурии условий прежде заключенного «Договора о мире»; об избиении посла Крокозябла и о посрамлении гордости и чести Шмордона. В этом же тексте объявлялась война, и предлагалось немедленно капитулировать.

Ответ пришел достаточно быстро и звучал так:

«Вам опять нейдет? Ответ дадим после того, как отыщется Премьер-министр Морс. Министр полиции Квас».

— Они что, идиоты? — удивился Шмор после прочтения ответа, невольно повторив слова Шмора Великого.

— Нет, ваше величество, — ответил Филер. — Это обычная безалаберная джаппурская действительность.

Спустя десять часов пришла официальная радиограмма:

«Ваши действия являются нарушением «Договора о мире» и говорят о невозможности дальнейшего цивилизованного общения. Мы принимаем вызов и будем сражаться до последней капли крови. Но если у вас есть конструктивные предложения, то мы готовы поделиться с вами Четырнадцатой планетой, которую вы хотели захватить в прошлую войну. Королева Белла».

Шмор, прочитав радиограмму, поинтересовался:

— Это что? Вызов или торговое соглашение?

— И то и другое, — ответил барон.

Император задумчиво спросил:

— А какова она из себя?

Барон, сразу понявший, о ком идет речь, ответил:

— Говорят, недурна собой. Ей двадцать пять лет. У нее есть маленькая дочь. Вроде как от Джема Баламута...

— И она его любит?

— Да. Лорд Крокозябл с ней встречался. Он может осветить этот вопрос полнее.

— Кстати, вы нашли его?

— Лорд Надолб передал сообщение, что из места, называемого «Жабья Радость», идет сигнал радиомаячка. Он просит разрешения на высадку десанта.

Крокозябл-старший, вздохнув, добавил:

— Это место находится как раз там, где приборы моих кораблей фиксировали большое количество металла...

— Но шпионы говорили, что джанкеры вывозили пустую породу, — сказал Шмор.

— Вы думаете, что они, сидя в своем карьере, много видели? — усмехнулся Крокозябл. — А что грузили на других точках выработки? Ваше величество, прошу вас приказать высадить там десант.

— Необходимо сначала узнать, что происходит на планетах, блокированных нами.

— Это можно сделать легко.

Император бросил на Крокозябла недоверчивый взгляд.

— Да-да, ваше величество, — сказал Крокозябл, прижимая ладони к груди. — Сейчас я все организую...

Спустя двадцать минут в кабинете Шмора уже стоял шморовизор и Крокозябл, клацая кнопками пульта, искал новостной канал. Император, сидя на диване, ждал. Наконец банкир нашел нужную программу и, спросив позволения, уселся в кресло.

Шмор, как человек образованный, знал несколько языков, в том числе и джаппурский. Более того, сразу после Второй Джаппурской войны он приказал выучить язык противника всем офицерам флота. Ну а Крокозябл в силу своей профессии вообще был полиглотом и потому переводчик им не требовался.

На экране возникла большая площадь какого-то жаркого города. Ее заполняла толпа людей, одетых по-пляжному. В центре возвышалась деревянная трибуна, на которой стоял человек в фиолетовой одежде, державший в руке длинный посох. Голос диктора сообщил:

— В столице Сочи городе Дзяне прошел антивоенный митинг, на котором выступил свистон Дважды Грохнутого Бога отец Эндюльген. Предлагаем послушать его речь.

Человек в фиолетовом обозначился крупным планом. Он открыл рот и принялся кричать в толпу:

— Покупается и продается все на свете! Кроме души и Родины! Продать их можно влегкую! А вот купить нельзя! Почему? Потому что только Родина и душа выдаются даром! Кем? Богом! Так стоит ли продавать дар? Правильно — не стоит! А если кто-нибудь решит продать Родину, то я его так посохом отделаю, что череп станет похожим на шмордонский снаряд! Да здравствует Джаппурия! Мы победим! Ур-ра!

Толпа заревела, взметнув вверх лес рук. Но когда рев угас, кто-то крикнул:

— Ты сказал, что нельзя купить только душу и Родину, так как они выдаются даром. А как же родители? Ты про них забыл? Они ведь тоже даром достаются!

Эндюльген, попытавшись взглядом отыскать в толпе крикуна, сделать этого не смог и потому обратился ко всем сразу:

— Запомните! Родители — также дар божий. Но их можно продать! А потом можно

купить! Когда они находятся в рабстве, захваченные пиратами, либо в крепостном владении лордов Шмордона. Если тебя сделают дворянином в Шмордоне, то ты сможешь купить своих собственных родителей! Или выкупить их из пиратского рабства... А вот Родину и душу купить нельзя ни в каком уголке вселенной...

Диктор перешел к другой теме. Экран показал какое-то болото, заливаемое дождем, и ведущий новостей стал рассказывать:

— Посол Шмордона лорд Крокозябл пытался покинуть Джаппурию на торговом корабле своего отца, но это ему не удалось. Полиция обнаружила на орбите пустой грузовик. Оказалось, что внутренние помещения звездолета заполнены неизвестным газом, непригодным для дыхания. Видимо, Крокозябл решил вытравить комаров и там. Спасательные боты с экипажем корабля и служащими посольства были обнаружены в центре Жабьей Радости. Они благополучно утонули, засосанные болотом. Крокозябл со своими соотечественниками на одном из островков построил из тростника и грязи редут и на предложение сдаться отвечает стрельбой. Осада шмордонской дерьмокрепости продолжается уже третий день. Согласно данным фотоснимков сверху, произведенных из полицейского бота, вчера осажденными врагами в центре редута была слеплена из того же материала будка сортира. Это говорит о том, что шмордонцы пьют воду из болота и их уже посетила дизентерия. Ну, а комары их и не оставляли. Так что скоро полиция одержит первую победу над шмордонским гарнизоном, поголовно засевшим в нужнике...

— Надо срочно спасать ваших подданных! — вскричал Крокозябл-старший, вскакивая на ноги.

— Успокойтесь, — твердо потребовал император. — Сначала ответьте мне на следующий вопрос: кому принадлежат коммуникационные спутники, передающие сигналы телевидения и связи, и болтающиеся на орбитах всех четырех планет?

— Моей компании «Крокобуй», — ответил банкир, умерив пыл и присаживаясь опять в кресло. — Они сданы в аренду джаппурцам.

— Почему они до сих пор не выключены?

— Если я их отключу, то не будет связи. А раз не будет связи, значит — я понесу убытки. Кто будет платить за неработающие шморофоны и шморовидение? — удивлению Крокозябла не было предела.

Император, не выдержав, вскочил с дивана и закричал на банкира:

— Какая может быть коммерция, если идет война?! Если в течение суток не будет перекрыта связь, я прикажу взорвать спутники ракетами!

Раздался стук, и в дверь всунулась голова Филера, которая доложила:

— Ваше величество, задержан разгульдйский торговый звездолет.

— Зайдите, — буркнул Шмор, успокаиваясь.

Барон зашел в кабинет, и император поинтересовался:

— А разве разгульдйцы не мои подданные?

— Раньше они были вольными торговцами, — пояснил Крокозябл. — Точнее — самыми натуральными контрабандистами и пиратами. Когда мы захватили Разгульдй, вся эта вольница прыснула в разные стороны, и сейчас занимается прежними делами. Не на территории Шмордона, правда, но нам от этого не легче. Шныряют везде как стервятники.

— Задержанный корабль перевозит джамобили, — сообщил Филер.

— А-а-а, — махнул рукой Крокозябл. — Ваше величество, надо содрать с них пошлину и пусть катятся куда угодно. Чем больше по галактике распространится этого хлама, тем

лучше станут раскупать мои шморозовы. Качество — лучшая реклама!

— Но звездолет прибыл с другой стороны, — сказал Филер.

— С какой другой стороны? — удивился Шмор.

— Из области, закрытой темной материей, — доложил барон.

Крокозябл тут же вскочил на ноги и заявил:

— Ваше величество, разрешите мне помочь Филеру в этом деле и вместе с ним осмотреть разгульдяйский звездолет!

— Конечно, — кивнул головой Шмор. — Ваш опыт может пригодиться. А вот владельца корабля после осмотра доставьте ко мне. Я сам хочу его допросить...

Через час в кабинет императора вошли Крокозябл с Филером. Последний крепко держал за руку невысокого горбоносого человека со смуглым лицом. Голову пленника покрывала копна кучерявых седеющих волос, а в его правом ухе красовалась большая серьга, сделанная из какого-то серого металла. Увидев сидевшего за столом императора, человек, моргнув хитрыми, навывкате, глазами, согнулся в низком поклоне.

— Ваше величество, это капитан разгульдяйского корабля, — доложил Филер, отпустив руку задержанного.

Человек разогнулся и из-за его спины выскочил Крокозябл-старший. Император, взглянув на него, вздрогнул от неожиданности. Нос банкира был полностью залеплен пластырем, а губы напоминали олады, приклепанные молотком. Пиджак и рубашка на его груди темнели засохшими разводами, которые обычно оставляет кровь, текущая из разбитых ноздрей.

Крокозябл, будучи вне себя от гнева, трясся как челнок перед стартом, и было заметно, что он еле сдерживается, чтобы ненароком не вцепиться в глотку разгульдяйскому капитану.

— Что с вами случилось? — поинтересовался Шмор у банкира.

Крокозябла немедленно прорвало, и он принялся орать, размахивая руками:

— Ваше величество! Представьте себе, эти негодные джаппурцы скопировали одну из моделей моих шморозов, назвали ее дерьмо... тьфу!.. джамовозом и теперь торгуют — как хотят! Это нарушение порядка лицензирования и авторского права!

— Ничего подобного, — сверкнув глазами, нагло влез разгульдяец. — Между Шмордоном и Джаппурией нет договора о соблюдении авторских прав. Потому здесь можно копировать что угодно, хоть вашего Двенадцатиликого Бога.

— Кто вы? — обратился император к разгульдяйцу.

— Я — Алмаз Жемчужный, — почтительно ответил тот. — Мне принадлежит мирный торговый корабль, бесосновательно задержанный вашими военными.

— Как это бесосновательно?! — воскликнул Крокозябл. — Шмордон находится в состоянии войны с Джаппурией.

— А я при чем? — поинтересовался Алмаз. — Я вольный торговец.

— Разгульдяй уже два года является провинцией Шмордона, — вставил Филер.

— Вот-вот, — усмехнулся разгульдяец. — Тогда на каком основании военные Шмордона задерживают своего соотечественника, занимающегося мирной торговой деятельностью?

— На том основании, что вы, как подданный императора, находитесь в юридическом поле Шмордона, — сказал Крокозябл, потирая руки. — А раз так, то получается, что вы торгуете контрафактными товарами!

— Как бы не так, — не согласился Алмаз. — Про соотечественников я сказал к слову,

не подумав. Извините меня, ваше величество... На самом деле я еще пять лет назад покинул Родину и стал гражданином олигархической республики Кукареллы. У вас, кстати, мой кукарелльский паспорт имеется: — разгульдяец взглянул на Филера.

— И где находится эта Кукарелла? — спросил Шмор.

— В нашем рукаве галактики, — сообщил Филер. — От нас достаточно далеко, за Тарахтуном... Ваше величество, то, что он назвал паспортом, является, скорее, измочаленной в бане метрикой, уставленной печатями. Я насчитал сто двадцать восемь расплывшихся оттисков. Не документ, а тряпка какая-то для подтирания...

— Без подробностей, — перебил барона император.

— Ничего подобного! — опять нагло встрял Алмаз. — Это кукарелльский паспорт. Мы не воюем с Шмордоном. Потому прошу меня отпустить, взяв пошину. Небольшую... Я законы знаю, не шавелла какой-нибудь!

— Кто такой шавелла? — поинтересовался император.

— Да так, ваше величество, расхожее выражение, — ответил Алмаз. — С кукарелльского разговорного языка переводится как «товарищ». А с элитно-литературного — «быдлошпанный нищеврод».

— А что у вас с носом и губами случилось? — Шмор перевел взгляд на Крокозябла.

— Да этого шавеллу вообще нельзя подпускать к технике, — ответил Алмаз вместо замешкавшегося банкира. — Он уселся за руль джамовоза и ткнул пальцем красную кнопку, которую нужно нажимать лишь в экстренных случаях. Вот его подушкой безопасности и припечатало!

— В каком смысле ты назвал меня шавеллой?! — рывкнул Крокозябл.

— Догадайся сам! — огрызнулся разгульдяец.

Император не смог сдержать улыбки, что еще больше разозлило Крокозябла.

— Это не техника! — взревел банкир. — Это джаппурские консервные банки!

— Машины как машины, — пожал плечами разгульдяец.

— Ваше величество, — сказал Филер. — Хочу обратить внимание на тот факт, что звездолет, задержанный нами, двигался со стороны области темной материи и собирался совершить посадку на Сочи.

Император, перестав улыбаться, перевел свой взгляд на Алмаза.

— Ничего необычного в этом нет, — тут же ответил разгульдяец, встряхнув головой, отчего серьга в его ухе качнулась и сверкнула странным цветом. — По слухам, там есть несколько обитаемых миров. Я решил туда проникнуть. Загрузился джамобилиями, и вперед! Мы — народ предприимчивый!

— Кто, разгульдяйцы или кукарелльцы? — с издевкой спросил Крокозябл.

— Какая разница? — удивился вопросу Алмаз. — Предприимчивость — конек наших народов!

— Я уже это понял, — сказал Шмор.

— На момент задержания в баках его корабля остались лишь жалкие остатки горючего, — доложил Филер.

— Что ж тут странного? — удивился Алмаз. — Я заправил полные баки перед полетом, и решил идти до тех пор, пока не израсходуется половина запаса. Когда я понял, что дальше рисковать не стоит, просто развернулся и отправился обратно. Попытка оказалась неудачной. Ну, ничего. Продам джамобили здесь. Я их брал оптом...

— Получается, вы даром спалили уйму горючего? — спросил Шмор.

— Да, — ответил Алмаз, пожимая плечами. — Торговля — штука рискованная. То в дамки, то в сортир...

— Пусть заплатит пошлину, предусмотренную шмордонскими законами, и везет свой хлам подальше отсюда, — распорядился Шмор. — Здесь торговать не надо.

Лицо разгульдяйца от этого решения расплылось, как весенняя лужа. Но в разговор вдруг вмешался Филер, и Алмаз почему-то тут же превратился в пугало с головой, напоминавшей сморщенную кучерявую тыкву с приклеенной к ней кривой морковкой.

— Ваше величество, — сказал Филер. — Разрешите перед тем, как отпустить, я задам ему несколько вопросов?

— Хорошо, — дал согласие император. — Но только без членовредительства. Неизвестно, что это за олигархическая республика, какой у нее боевой потенциал, и как она относится к своим гражданам...

— Я тоже поприсутствую! — вызвался Крокозябл.

— Нет, останьтесь, — твердо сказал император. — У меня к вам есть несколько вопросов.

Крокозябл, вздохнув раздраженно, перечить императору не стал.

Филер, взяв Алмаза за руку, потащил его к выходу из кабинета.

— Спасибо вам, ваше величество, — сказал разгульдяец, выходя в коридор. — Вы — самый добрый император на свете!

Спустя секунду, находясь в дверях, он, храбрясь, добавил, но уже Филеру:

— Да тихо ты! Сказали же тебе — без членовредительства...

Из коридора донеслось:

— Иди, давай, шавелла-кукарелла! Сейчас ты мне все расскажешь, задница кучерявая!

Дверь захлопнулась, и Крокозябл остался со Шмором наедине.

— Господин Крокозябл, — обратился к банкиру император. — Скажите, кто такой Филер?

— Начальник разведки, — ответил банкир, пожимая плечами.

— А что вы о нем еще знаете? Род, семейные отношения, может, в бизнесе где проявился?

— Ну-у-у, — Крокозябл глубоко задумался. — Я много про кого знаю. Но о Филере — ничего. По крайней мере — личного. Даже о семье. И в бизнесе тоже...

Подумав еще немного, банкир продолжил:

— Обращался я к нему постоянно. У него везде шпионы. И потому информация — его конек. Он как мама родная. Всегда выручит. Ну, а так... Ей-богу, не задумывался.

— Ладно, — сказал Шмор. — Вы свободны.

Крокозябл быстро покинул кабинет Шмора, надеясь успеть поприсутствовать на допросе разгульдяйца, но, к его великому сожалению, опоздал. Филер попался ему навстречу.

— Барон, а где эта пиратская морда? — спросил Крокозябл.

— Я его отпустил согласно указанию императора, — ответил Филер.

— Но вы же хотели задать ему несколько вопросов?

— Я и задал. По пути к шлюзу. Он ответил.

— А что он ответил, и что вы спросили? — задыхаясь от любопытства, поинтересовался Крокозябл.

— Да так, — Филер был невозмутим. — Цены на джамобили падают, а на шморовозы

растут.

— Это хорошо, конечно, — сказал Крокозябл, пристально глядя в глаза барону. — А еще? Ведь мы оба наслышаны о мирах за темной материей...

— А еще, милый Крокозябл, занимайтесь своими торговыми делами. Если нужна помощь — обращайтесь. Мы с вами всегда ладили... Но не суйте нос в мою кухню.

Губы Филера вежливо улыбнулись, а глаза, оставшись холодными, пожелали банкиру всего хорошего. Крокозябл, вздрогнув, сказал:

— Я бы вас попросил, барон, посодействовать в деле спасения моего сына...

— Ах, да, — ледяные глаза Филера наполнились напускным сочувствием. — Я сделаю для этого все, что в моих силах.

— Спасибо, — поблагодарил банкир.

Филер благосклонно кивнул головой и ушел по каким-то своим делам. Крокозябл, постояв немного, отправился к себе в каюту.

ДЖАПШУРИЯ. ВОЙНА

Белла смотрела на каньон сверху, и дух ее захватывало от необычайной красоты открывавшейся взгляду картины. Смотровая башенка выдвигалась вверх по мере надобности и наблюдатель, находившийся в ней, оказывался над разломом в выгодном положении. Королева глядела на ледяной мир и восхищалась его вычурностью.

Газовая планета-гигант, нависшая над одним из своих спутников, дарила каньону голубую подсветку и от этого застывшие водопады и колонны представлялись фасадом некоего заколдованного сказочного царства, вход в которое, казалось, был где-то рядом, но его никак не получалось найти, потому что это мог сделать только человек, посвященный в ледяную магию холодной любви.

Белла, подумав, пришла к выводу, что она этим человеком не является, так как любовь ее горяча, и потому никакие ледяные водопады не смогут эту любовь ни залить, ни засыпать льдом. Она, сжав губы, посмотрела на маленький диск Джапшурии и пришла к выводу, что Морс ее дурит. От этой мысли душа ее наполнилась негодованием, и она решила поговорить с Премьер-министром в жестком ключе.

Бросив последний взгляд на ледяной каньон, Белла спустилась в лифте из смотровой башни и пошла по коридору в сторону конференц-зала, надеясь обнаружить Морса именно там.

Еще двести лет назад (сразу после Первой Шмордонской войны) на одном из спутников Шестой планеты была построена замаскированная база. Спутник этот назывался Холодильником и представлял собой огромную ледяную глыбу, вращающуюся вокруг газового гиганта. Таких кусков льда и камня на орбите Шестой планеты было несколько тысяч, и найти среди них Холодильник мог только тот, кто о нем знал. Но информация о базе держалась в строгом секрете и передавалась Премьер-министрами по смене.

В прошлую — Вторую Шмордонскую войну — базу даже не успели расконсервировать, потому что война закончилась столь же быстро, как и началась. Но сейчас Морс позаботился об укрытии заранее.

По его приказу базу привели в порядок, и он тут же вывез туда королеву с ее дочерью, после чего занялся эвакуацией органов власти со Слякоти. Но, к его великому сожалению, последняя операция провалилась полностью.

Эвакуировать ему удалось всего несколько человек. Список был небольшим. Он включал в себя судью Верховного суда Казуса Сомнительного, депутата парламента Электората Нищего, Генерального прокурора Ареста Непременного и министра труда и отдыха Шланга Гофрированного.

Уже в последнюю минуту перед отправлением со Слякоти Морсу попался министр иностранных дел Стандарт Резиновый, чему Премьер-министр несказанно обрадовался. Тот, как оказалось, прилетев отдохнуть на Сочи, забыл дома водолазный костюм. Вернувшись на Слякоть за костюмом, Стандарт попал в лапы Морса и теперь клял свою жадность на чем свет стоит, справедливо полагая, что новое водолазное снаряжение, купленное в Джяне за бешеные деньги, лучше, чем прозябание на Холодильнике...

Провал в мобилизационной деятельности Морса был вызван обычными причинами, основная из которых называлась так: отсутствие на рабочем месте. Но Премьер-министр, будучи человеком активным, решил не сдаваться. И потому эвакуировал весь

обслуживающий персонал модного ресторана «Суслик табака», заодно прихватив с собой городское отделение полиции Заквакинска вместе с его начальником, имя которого звучало достаточно непривычно даже для джаппурского слуха. А звали начальника полиции так: Отж́им Чтоплохолеж́им.

Теперь вся эта компания населяла секретную базу и маялась откровенным бездельем. Правда, это не касалось министра иностранных дел, озадаченного Морсом составлением вариантов мирного договора с Шмордоном, и начальника полиции Заквакинска, который шнырял по коридорам базы в поисках объектов для отжима, не находя их, и потому нервничая...

Королева, тихо зайдя в конференц-зал, остановилась в дверях и замерла, глядя на Морса, который беседовал с министром иностранных дел. Стандарт Резиновый говорил:

— У меня составлено уже восемь проектов мирного договора. В первом мы отдаем им Четырнадцатую планету, во втором Четырнадцатую с Тринадцатой...

— Стоп! — отвечал Премьер-министр строго. — Тринадцатую планету исключить из всех проектов!

— Но это невозможно! — не соглашался Стандарт. — Придется все переписывать. Да и кому, спрашивается, нужны все остальные неживые планеты без Тринадцатой, вокруг которой мы раздули неизвестно что?

— Я сказал! — твердо говорил Морс. — И Шестую планету исключить тоже!

— Да это вообще невообразимо! — возмущался Стандарт. — Что же им тогда предложить? Усосанный Лес? Они же не дураки! И опять-таки, все придется переписывать...

— Перепишете, — сказал Морс и, подняв взгляд, увидел в дверях королеву.

— Все! — сказал Премьер-министр. — Вы свободны.

Стандарт встал и пошел к выходу, что-то недовольно бурча про себя. Увидев королеву, он поклонился и выскользнул в коридор, из которого тут же донеслось бормотание:

— Жадность — самый страшный порок. Почему я не купил костюм на пляже? Эх, ну и сволочь этот Морс! Бедная королева...

Белла, улыбнувшись, подошла к трибуне, за которой восседал Морс, и присела на одно из кресел в переднем ряду зала.

— Доброе утро, — сказала она с милой улыбкой.

— И вам того же, ваше величество — ответил Морс.

Он встал из-за стола, спустился с трибуны в зал и сел через кресло в одном ряду с королевой. Белла, внимательно посмотрев на него, вдруг обнаружила, что лицо Премьер-министра отнюдь не соответствует его положению. Оно было каким-то землисто-зеленым и набухшие мешки под глазами свидетельствовали о том, что Морс уже давно не спал так, как полагается спать обычным беззаботным людям. Королеве вдруг расхотелось ругаться, и она участливо предложила:

— Морс, послушайте, пойдете в мои покои. Вас положат, вы выспитесь. Я никого к вам не пушу...

Премьер-министр, печально улыбнувшись, ответил:

— Спасибо, ваше величество. Я бы с радостью воспользовался вашим гостеприимством, но, к сожалению, не могу. Шмордонский флот перекрыл сообщение между всеми планетами. Надо спасать Джаппурию.

— Джем спасет, — совершенно серьезно сказала королева. — Ложитесь спать.

— К сожалению, я уже стар для того, чтобы верить в чудеса, — произнес Морс.

Королева, задумчиво глядя перед собой, ответила:

— Оттого, что вы верите или не верите — ничего не изменится. Чудо либо случится, либо нет. Люди не властны над чудом. Но чтобы оно не прошло стороной, надо в него поверить. Поверьте и вы.

Морс, устало прищурив глаза, взглянул на Беллу и сказал:

— Я попробую.

Королева встала и молча пошла к выходу из конференц-зала. Морс смотрел ей вслед. В дверях она обернулась и тихо произнесла:

— Я поняла, для чего существуют королевы. Для того, чтобы любить и тем самым спасать королевства.

Морс встал и молча поклонился. Королева покинула зал.

Премьер-министр, встряхнувшись, тут же вынул из кармана шморофон, нашел нужный номер и нажал кнопку вызова.

— Алло! — раздался в трубке веселый голос.

— Квас, почему вас не было на Слякоти в момент эвакуации? — спросил Морс.

— Я занимался мобилизационной деятельностью, — ответил министр полиции.

— Ну и к чему она привела?

— Планета Сочи подготовлена. Любой десант обречен! Шлюхи поголовно собрались участвовать в «Карнавале нагих красавиц». Хачапур уже распределил их по всем пляжам планеты. Шмордонцев везде ожидает теплый прием, потому что проститутток насобиралось более миллиона!

— Во что это обойдется казне?

— Ха, ни во что, — хохотнул Квас. — У них патриотизм на высшем уровне! Для защиты Джаппурии они готовы на все! «Карнавал нагих красавиц»?! Как же! Да ни одна из них в мирное время не согласится бесплатно скакать по пляжу в чем мать родила. Но, вспоминая Первую Шмордонскую войну, все шлюхи горят желанием поработить завоевателей! Мы тут с Паханом Родимым провели репетицию. Знаете — потрясающее зрелище! До сих пор отойти не могу. Прихожу в себя у Хачапур в развлекательном центре...

— Немедленно вылетайте в Холодильник, — проскрипел Морс.

— Ой, не могу! — вскричал Квас. — Сообщение между планетами перекрыто! Если что я тут, на Сочи контролирую!

Морс нажал кнопку отключения и, полистав абонентский список, нашел нужное ему имя. Послав вызов, он замер в ожидании.

— Алло, — сказала трубка.

— Здравствуйте, Джем, — произнес Премьер-министр.

— Чтоб вы сдохли! — услышал он.

Не считая нужным отвечать грубостью на грубость, Морс сказал:

— Я только что говорил с королевой.

Трубка молчала, и лишь дыхание, волнами тихого звука просачиваясь через многие километры космического пространства, свидетельствовало о том, что абонент остается на связи.

— Королева верит в вас, Джем.

Трубка продолжала молчать.

— И любит... Она говорит, что чудо случится обязательно.

Шморофон отключился. Морс, положив трубку в карман, устало поднялся из кресла, покинул конференц-зал и направился в столовую, так как вдруг вспомнил, что уже давно ничего не ел.

В дверях столовой он увидел странную картину. Весь персонал сидел на полу в коридоре перед входом, прислонившись спинами к стенкам. Морс, остановившись, спросил у человека, на голове которого был поварской колпак:

— Что случилось?

— Столовая закрыта, — ответил повар.

— Почему? — удивился Морс.

Повар, грустно посмотрев ему в глаза, сообщил:

— Начальник полиции Отжим взвесил отбивную и обнаружил, что она на девять граммов меньше положенного. Теперь его подчиненные проводят обыск, а сам он допрашивает директора столовой на предмет выявления в действиях работников признаков мошенничества, расхищения государственной собственности и кражи продуктов.

Усталость Премьер-министра тут же куда-то улетучилась и он, распахнув дверь столовой, дерзко шагнул вперед. Путь ему сразу преградил полицейский сержант, который рявкнул:

— Стоять! Идут следственные мероприятия! Требую немедленно покинуть помещение!

— Я Премьер-министр! — заявил Морс.

— Сочувствую, — знакомо заявил страж порядка. — Но пока не дали команду, пропустить не могу.

— Позовите начальника, — потребовал Морс, еле сдерживая себя.

Полицейский куда-то ушел и через минуту в зале столовой появился Отжим (сутулый и тощий мужчина лет сорока от роду, отягощенный большим острым животом и подозрительным взглядом). Увидев Морса, он улыбнулся и сообщил:

— Все в порядке, господин Премьер-министр. Мною накрыто гнездо жуликов. Сейчас я всех посажу в подвал, а потом — после войны — мы отправим их на каторгу. Виновны все! Начиная с директора и заканчивая официантами...

— А есть мы что будем? — зверея, поинтересовался Морс.

— Ну-у-у, — задумчиво протянул Отжим, — консервами обойдемся. Вся база забита коробками. На войне — как на войне.

Морс, набрав полные легкие воздуха, принялся вдохновенно извергать из себя мысли, пришедшие ему в голову.

— Вы идиот! — орал он. — Чем я буду кормить королеву?! Консервами?! Почему, если вы такой честный, ресторан «Суслик табака» благополучно существовал в Заквакинске, и никаких нареканий к его деятельности до войны не было?! Отбивная меньше на девять граммов? Хотите, я вам добавлю мяса?! Чтоб через пять минут все занимались своим обычным делом! А вы со своими подчиненными отныне жрите консервы! Чтобы ноги вашей в столовой больше не было! Понятно?! Исполнять!

Отжим, обалдело моргая, отдал честь и куда-то ушел. Морс, распахнув двери, крикнул:

— Заходите!

Работники столовой вскочили на ноги и занялись своими обычными делами. Через десять минут Морс уже ел наваристый говяжий суп и, постепенно успокаиваясь, решал, какую норму консервов назначить для Отжима и всех его сотрудников.

Сначала Премьер-министр хотел написать распоряжение о выдаче всем полицейским

одной килограммовой банки тушенки в день. И не больше! Пусть дерутся... Но по мере насыщения желудка душа Премьер-министра добрела, и вместе с последней ложкой супа пришло совсем другое решение.

Закончив есть, он вызвал директора столовой и распорядился, чтобы всему штату полиции, размещенному на базе, каждодневно подавали на завтрак, обед и ужин только перловую кашу с куриной печенью. И больше ничего! А начальнику полиции Отжиму — двойную порцию! Директор столовой совсем не возражал, а напротив — только приветствовал такой рацион, заявляя, что он очень полезен для стражей порядка.

Морс, покинув столовую с чувством выполненного долга, отправился в центр связи. Почитав накопившуюся информацию, он пришел к выводу, что шмордонцы сами не знают, чего хотят. Поэтому он распорядился сбросить с воздуха на редут, обороняемый лордом Крокозяблом, большую резиновую клизму с запиской, которая гласила: «Доблестным защитникам болотного сортира от джаппурцев с любовью». После этого Премьер-министр с чувством выполненного долга отправился спать.

Утром, проснувшись с неплохим настроением, Морс решил плотно позавтракать, так как на войне неизвестно, удастся ли поесть в нужный момент. Зайдя в столовую, он увидел довольно странную картину. Все посетители ковыряли вилками в своих тарелках с унылыми лицами, а в воздухе сильно воняло селедкой с луком. В дальнем конце зала за большим столом заседала компания, состоявшая из депутата, судьи, прокурора и двух министров. То есть существовало объединение всех ветвей власти, созданное с какой-то целью. И цель эта была явно пакостной. О чем Премьер-министр тут же и узнал.

Депутат Электорат Нищий, увидев Морса в дверях, закричал:

— Морс! Идите-ка сюда, голубчик!

Премьер-министр, скривившись лицом как от зубной боли, вынужден был принять приглашение. Электорат, отодвинув стул рядом с собой, похлопал рукой по его сиденью и сказал:

— Позавтракайте с нами, дорогой Премьер-министр.

Морс уселся на стул, и в глаза ему сразу бросилось, что почти у всех представителей власти в тарелках была только нарезанная кусочками соленая селедка, посыпанная сверху кольцами репчатого лука. Только перед министром труда и отдыха Шлангом Гофрированным стояла тарелка с манной кашей.

«Боже! — пронеслось в мозгу Морса. — Как там королева?» Но если бы королеве с утра подали селедку, то она непременно прислала б тарелки лично Морсу с обидной запиской. Этого не произошло.

Подошедший официант, обращаясь к Морсу, сообщил:

— Есть только селедка и манная каша. Вам что подать?

— И то и другое вместе ему подайте, — скрипучим голосом посоветовал судья Казус Сомнительный. — Пусть потом в туалете заседает.

— Даже хлеба у них нет! — возмутился прокурор Арест Непременный. — И это столовая?!

Министр иностранных дел благоразумно промолчал, поскольку был занят, пытаясь отодрать шкуру от куска селедки.

— Что случилось? — спросил Морс у официанта.

Тот принялся рассказывать:

— Рано утром начальник полиции Отжим пришел в склад продуктов с санитарной

проверкой...

— Отжим что, санитарный инспектор? — спросил Морс, начиная звереть.

— Начальник склада задал ему тот же вопрос, на который он ответил, что в военное время при отсутствии соответствующих органов власти их полномочия возлагаются на полицию. Обследовав склад, господин Отжим лично умудрился поймать голыми руками крысу, которые — как известно — проникают везде и всюду, и спасенья от них нет даже в космосе. Поскольку крысы являются переносчиками заразы, Отжим распорядился закрыть склад, чтобы не подвергать жителей базы опасности заражения всякими болезнями. У нас в кухне оставалось со вчерашнего дня немного манки, молока и селедка, из которой сегодня главный повар хотел сделать салат «Сельдь под овощным облаком». Вот и кормим всех, чем имеем.

— А как же королева? — воскликнул Морс.

— Для изготовления блюд ее величеству Отжим выдает со склада все, что нужно.

— То есть — он хочет заразить королеву всякими болезнями?! — мстительно вскричал Генеральный прокурор Арест Непременный.

— Это посягательство на установленную форму государственности! — заявил член Верховного суда Казус Сомнительный.

— Я рад, господа, что суд и прокуратура проявляют единодушие в этом вопросе, — сказал Морс, потирая руки. — Предлагаю немедленно проследовать в мой кабинет для составления соответствующего случаю документа.

Казус с Арестом тут же вскочили и направились к выходу из столовой. Морс пошел за ними следом, а Шланг Гофрированный крикнул вдогонку:

— Если нужна моя помощь — только позовите! Я могу быть свидетелем!

Официант добавил:

— И еще он требовал с начальника склада ежемесячный откат в размере десяти тысяч тагриков!

Морс просто отмахнулся рукой от такой мелочи.

В своем кабинете, усадив гостей за длинный полированный стол, он придвинул стопку бумаги под нос прокурору и положил поверх нее авторучку.

— Почему мне? — спросил Арест с недовольством.

— Потому что вы — государственный обвинитель, — ответил Морс.

— Может, просто закрыть этого Отжима в подвале и все? — предложил Казус.

— Нет, господа, — сказал Морс, знавший перипетии исполнительной власти досконально. — Весь штат полиции на базе подчиняется ему. По всей видимости — это достаточно спетый коллектив и потому для устранения его лидера необходима бумага с множеством печатей. Поверьте мне. Сейчас время военное и опасность возникновения анархии увеличилась многократно. Поэтому будьте добры предъявить грамотное обвинение и ввести законную санкцию. Я думаю, вам не хочется есть селедку каждый день.

— Фу, какая гадость! — воскликнул прокурор и, взяв ручку, принялся бегло строчить по бумаге.

— Ну, сразу срок ему я дать не могу, — сообщил Казус. — Предлагаю ограничиться трехмесячным задержанием.

— Шестимесячным, — сказал прокурор, не отрывая глаз от листа. — Статья Уголовного Кодекса восемьдесят три прим: «Покушение на здоровье королевы». Предполагает в стадии следствия лишение свободы на срок от трех до шести месяцев.

— Ну, дам ему четыре с половиной, — решил Казус. — А после войны видно будет.

Провести задержание Отжима удалось легко. Морс выстроил всех полицейских в спортзале и зачитал постановление судьи об аресте начальника полиции. Тот не сопротивлялся и спокойно дал увести себя в подвал, где и был запечатан в достаточно просторном помещении. Склад продуктов открыли, и Морс распорядился кормить полицейских как всех. Но для Отжима Премьер-министр приказал оставить прежнее меню, состоящее из перловой каши и куриной печени. А вот охрану закрытого в подвале Отжима он полицейским не доверил. Вместо них на эту почетную вахту заступили служащие столовой, чему они, кстати, несказанно обрадовались.

Разобравшись с проблемой, Морс опять зашел в столовую, поскольку так и не успел позавтракать селедкой. Странное дело, но весь зал был заполнен народом! Люди, урча от удовольствия, поглощали свиные отбивные с горчицей, кромсая их ножами; различные салаты и даже, представьте себе, булочки с вареньем, только что вынутые из печки!

За столом в дальнем углу зала Шланг Гофрированный, уплетая фазаний рулет, рассказывал Стандарту Резиновому, что не ел такой вкуснятины черт знает сколько времени! А Генеральный прокурор Арест Непременный, откусывая от куска сливового пирога, соглашался с министром полностью.

И никто в этот раз Морса почему-то не заметил, хотя обилием вкусной пищи все были обязаны в первую очередь именно ему. Но Премьер-министр, давно привыкший к людской неблагодарности, не обратив на это никакого внимания, сел за самый дальний столик, заказал куриный бульон, две сосиски в томатном соусе без гарнира и творожную ватрушку с компотом.

С удовольствием съев завтрак, Морс отправился в свой кабинет. Там, достав из ящика стола шморофон, он пересчитал количество неотвеченных вызовов. Их оказалось сто семьдесят три за последние пять часов. Разлегшись на диване, Премьер-министр, находясь в расслабленно-душевном состоянии, принялся листать сообщения, пытаясь оценить, какие из них являются важными.

Дубарьский начальник полиции города Колотуна по имени Колдырь Беспросветный звонил целых пять раз. Морс нажал кнопку вызова и через несколько секунд услышал:

— Халло!

— Да, — ответил Премьер-министр.

— Наконец-то я вам дозвонился! — послышался довольный голос. — Господин Морс, на Таежной площади нашей столицы собралась толпа, призванная в армию для защиты Джаппурии. Что с ней делать?

— Кем призванная? — спросил Морс.

— Они сами призвались, — сообщил Колдырь. — Пришли и хотят сражаться. У всех охотничьи ружья, луки, стрелы, буры для льда — и всякая прочая лабуда... Их около двадцати тысяч. Куда их направить?

— В кабак, — кратко ответил Морс.

— Какой кабак?

— В котором вы сами пили! — крикнул Премьер-министр. — Без ваших дубарьских алкоголиков разберемся!

Он отключил связь и, найдя номер Кваса, нажал вызов.

— Халло! — странно знакомо ответила трубка.

— Это Морс, — на всякий случай представился Премьер-министр.

— А я — Великий Вождь Пуцлистана! — задорно брякнула трубка. — Здравствуй, брат!

Морс, внимательно взглянув в экран, понял, что нечаянно ошибся номером и позвонил на Тринадцатую планету.

— Хапс, вы мерзавец! — крикнул он в трубку, поняв, с кем имеет дело, и тут же нажал кнопку отбоя. Но связь не отключается мгновенно, и потому в его ухо попали следующие слова:

— А вы — ангел пушистый, с чем вас и поздравляю...

Премьер-министр, внимательней проглядев список, нашел все-таки номер Кваса и послал ему вызов.

— Халло! — бодро ответила трубка, и Морс, испуганно оторвав ее от уха, посмотрел в экран. Вроде бы номер был точным...

— Халло! — снова заорали в трубке, и свински пьяный голос сказал кому-то: — знаешь, цыпочка, эта сволочь Морс не дает ни минуты отдыха. Вот, опять звонит, понимаешь?!

Премьер-министр отключил шморофон и решил больше никому не звонить. Но, вспомнив о Тринадцатой планете, он включил его снова, поставив, правда, на беззвучный режим работы. Выполнив это дело, Морс блаженно растянулся на диване и, прикрыв уставшие с утра глаза, погрузился в легкий послеполдничный сон, наполненный яркими образами окружавших его все утро людей.

Проснувшись через два часа с головной болью, он вышел из кабинета и в коридоре обнаружил сержанта полиции, исполнявшего теперь обязанности Отжима, закрытого в подвале. Тот, переминаясь с ноги на ногу, сказал:

— Господин Премьер-министр, а что нам делать?

Морс, задумавшись на секунду, ответил:

— Охранять базу.

— От кого, если о ней никто не знает? — спросил сержант. — Раньше нам ставил задачи Отжим. Теперь он сидит, а задач нет. Что нам делать? Полицейские маются бездельем. Как бы чего не вышло...

Морс тут же вспомнил военную поговорку, которая гласила: если офицер не найдет работу солдатам, те найдут работу офицеру.

— Пойдите в спортзал, — высказал Морс первую же пришедшую в голову мысль. — Разбейтесь на команды и играйте во что угодно, хоть в кривоногинг.

— Спасибо! — благодарно воскликнул озадаченный сержант и прытко унесся вдаль по коридору.

Вечером в столовой служащие базы, смеясь, обсуждали полицейских, добрая половина которых уже имела на лбах фломастерные надписи: «Кривоног». Морс, запивая жареного цыпленка пивом, думал о том, что веселье никогда еще не становилось поводом для возникновения беспорядков и прочей паники. Потому на сердце у него было спокойно.

ТРИНАДЦАТАЯ ПЛАНЕТА. ВОЙНА

Сначала Джем ввел сухой закон. Для этого ему пришлось сложить коньяк и произведенный Батоном самогон в один из сараев, закрыть его на замок, а ключ сунуть себе в карман. Ночью, пока Джем спал, Кебаб выкрал злосчастный ключ и перетащил коньяк в кухню, где и спрятал среди консервов.

На следующий день, пока Джем был занят обслуживанием электростанции, остальная компания успела нахлебаться алкоголя, и стала чувствовать себя очень хорошо.

— Да пойми ты! — внушал Кебаб Джем, сидевшему за столом с унылым лицом. — Морс — интеллигент. Такие не то, что убить — пукнуть в общественном месте не смеют! А кто в Джаппурии сможет выполнить приказ об убийстве королевы с принцессой? Никто! А Морс его и отдать не в состоянии! Потому что, опять-таки, интеллигент. Логический вывод какой? Морс тебя дурит! Пугает!

— Если это так, то я ему все зубы выбью, — сказал вдруг оживший Джем.

— Ага, — кивнул головой Батон. — Вижу такую картину: верховный судья Казус Сомнительный объявляет приговор. И говорит: «Джем Баламуту за спасение Родины по прошлым приговорам объявляется прощение, а за слом челюсти Премьер-министра он приговаривается к десяти годам с вручением ему именного кайла с надписью на древке».

— Какой надписью? — спросил Хапс.

— «Лучшему стоматологу», — пояснил Батон.

— Знаете что? — Джем, рассмеявшись, махнул рукой. — Наливайте и мне!

И сухой закон на этом закончился.

Хапс рассказывал:

— Если разобраться, то да. В смысле, я — шморфонный хулиган. Причем не с детства. В детстве, слава Дважды Грохнутому Богу, такой заразы не было! Стояли джамофонные будки на каждом углу, и позвонить можно было за два тагрика. А кому звонить?.. Ну, «Скорую помощь» вызвать, ну, родителям наджамофонить, дескать, живой я еще. А будешь много болтать — два тагрика закончатся. Сейчас все с шморфонами, трещат без умолку, а глаз друг друга не видят. Не общение, а какой-то секс с резиновой куклой! Вот и тянет меня все время что-нибудь веселое ляпнуть! А сейчас еще шмордонцы появятся, как раз в языковой практике потренируюсь, а то у меня в полицейском училище по шмордонскому трояк был.

Когда автоматический регистратор сообщил о появлении вражеских кораблей, компания была уже основательно навеселе. Поэтому в аппаратную вломились все сразу. Но именно к радиостанции Хапс успел первым...

Маркиз Шухер, глядя в иллюминатор капитанской рубки на безжизненную поверхность планеты, сказал:

— Ни беса тут нет, кроме нарытых гор песка! Одна станция под куполом и единственный коммуникационный спутник болтается. Надо его ракетой шлепнуть...

— Не стоит торопиться, маркиз, — заметил граф Вискерс. — Предлагаю сначала посмотреть, что джаппурцы по шморовизору крутят. Да и со станцией связаться не мешало бы. Вдруг они сразу захотят сдать?

— Кто это они? — спросил лорд Хлебазл, шмыгая своим синим носом.

— Ну, кто там, на станции, есть, — ответил Вискерс.

— Действительно! — воскликнул Шухер.

Он подошел к пульта управления звездолетом, пузом оттолкнул от него капитана крейсера и, взяв в руку какую-то рифленую коробку, истошно в нее заорал:

— Тринадцатая планета, ответьте шмордонскому флоту!

Вискерс, шагнув к пульта, выхватил из руки Шухера коробку, оказавшуюся капитанским портсигаром, и заменил ее приемным устройством радиостанции.

— Спасибо, — мимоходом кивнул головой маркиз, тут же завопив в звукопередатчик:

— Тринадцатая планета, немедленно ответьте!

— На связи! — прозвучал из динамиков чей-то веселый голос с чудовищным акцентом.

— Контр-адмирал Шухер! — грозно представился маркиз. — С кем я говорю?

— Вождь Пуцлихапс, — прозвучал ответ.

— Какой вождь? — удивился Шухер.

— Племена пущликов.

— Это племя водится на Тринадцатой планете Джаппурии? — еще больше удивился Шухер.

— Нет. Оно обитает на Двенадцатой. Получается — вы не туда попали. Тринадцатая планета следующая...

— Ой, простите! — искренне извинился маркиз.

Он бросил звукопередатчик на пульт и, гневно посмотрев на капитана звездолета, заявил:

— Ты куда нас завел, а?! Слышал, Тринадцатая планета следующая! Разворачивай корабль, двоечник! Никакого профессионализма!

— Стоп-стоп-стоп, — опять вмешался Вискерс.

Взяв в руку тангенту, он сказал в нее:

— Хватит дурачиться! Немедленно сдавайтесь! А то высадим десант!

— Милости просим! — ответил прежний голос. — Мои пущлики сидят за каждым камнем. Они расстреляют вас из лазерных рогаток, зажарят и съедят!

— Идиот какой-то, — заметил Хлебазл.

— И безбожник! — добавил пропистор Инквизит.

— Почему? — поинтересовался Шухер.

— Все вожди — идолопоклонники, — авторитетно заявил пропистор.

Неожиданно голос в эфире поменялся. Совершенно другой человек сказал почти без акцента:

— Эй! Кто там на связи?

— Граф Вискерс, — секретарь схватил тангенту. — Я личный помощник императора.

— А я — Джем Баламут, — последовал немедленный ответ. — Убирайтесь домой! В прошлый раз я захватил вашего императора в плен. В этот раз убью всех! Если хотите жить, летите к Четырнадцатой планете. Там от вашей прошлой бомбардировки расплавилась вся поверхность, и теперь прямо на песке валяются алмазы величиной с лошадиное яйцо!

— С какое яйцо? — переспросил Вискерс.

— Вам не слышалось. Именно с лошадиное!

Рация неожиданно умолкла.

— Мне кажется, что он нашего поля ягода, — заметил негромко Вискерс.

— В смысле? — поинтересовался Хлебазл.

— Пьян, как мы, — ответил граф. — Явственно чувствуется запах перегара из рации.

— Так это Шухер ее облизывал! — вспомнил Инквизит.

— Какой перегар, господа?! — воскликнул маркиз. — Необходимо трезво оценить ситуацию. Предлагаю пройти на совещание!

Вся полководческая компания тут же проследовала в бар, где на обед в этот день были шпикачки в томатном соусе, суп из деликатесных сочинских сусликов, поставляемых Крокозяблом-старшим, и коньяк, захваченный несколько лет назад в Боскории.

Третьи сутки никто из шмордонцев на связь не выходил. Авторегистратор сообщил, что один из их кораблей покинул орбиту и направился к Четырнадцатой планете. Хапс, изнывая от скуки, дежурил у радиостанции, а остальная троица дулась в карты.

Игра шла давно. Сначала играли на щелбаны. Потом Кебаб на боте, рискуя быть сбитым одним из вражеских крейсеров, находящихся на орбите, слетал на восьмую точку и привез оттуда ведро золота. Песок разделили на три равные части, высыпали в кастрюли, после чего определили размеры ставок и начали мерить золото столовыми ложками.

Через два часа игры у Кебаба оказалось ведро, полное золота, и он стал ссужать песок другим игрокам, приговаривая:

— Так, записываю. Джему отсыпаю еще десять ложек, и он остается должным мне три ведра с четвертью. А Батон торчит все четыре ведра.

— Ничего, — отвечал Джем. — Я сейчас отыграюсь!

— Фиг мы у него отыграемся, — рассудительно пояснял Батон. — Наверняка в мастерской своего дядюшки он мошенничал с крадеными джамобилями только по четным дням. А по нечетным, скорее всего, мухлевал с картами...

— Не пойман — не вор! — говорил Кебаб, довольно сверкая глазами. — Сдаю!

Авторегистратор вдруг сообщил:

— На Четырнадцатой планете замечена яркая вспышка, похожая на взрыв. Два звездолета снялись с орбиты и отправились туда. Но на подлете к Тринадцатой планете обнаружен новый корабль. Он небольшой и движется очень быстро.

Хапс, сплунув на пол, уронил голову на пульт управления радиостанцией и захрапел. Кебаб, сдавая карты, заметил:

— Храпит он тоже оптом. Мощности звука хватило б на десяток джамобилей с оторванными выхлопными трубами.

Император был зол. Приказав капитану истребителя занять место на орбите Тринадцатой планеты, он тут же получил два неприятных известия. Первое было шифрованным сообщением следующего содержания:

«Контр-адмирал Шухер, лично управляя крейсером «Победитель», предпринял рекогносцировку и посадил звездолет на поверхность Четырнадцатой планеты. Неразорвавшаяся ракета, находившаяся в слое пепла еще с прошлой войны, пришла в действие. Пострадавших — кроме пропистора Инквизита, во время взрыва проглотившего рюмку — нет. Крейсер восстановлению не подлежит. Экипаж эвакуирован двумя другими кораблями».

Второе известие Шмор узнал из шморовизора, который как раз сейчас смотрел вместе с Филером. Вокруг Тринадцатой планеты вращался коммуникационный спутник, и связь была отличной. Диктор, захлебываясь удовольствием, рассказывал:

— Сегодня утром шмордонскими агрессорами была предпринята попытка спасения осажденного в сортире посла. Их боевой челнок произвел посадку в самый центр болота Жабья Радость. Они не знали о военной хитрости, примененной Премьер-министром Морсом, который распорядился покрыть сто гектаров трясины тонким слоем полиэтиленовой фольги. Шмордонцы думали, что садятся на твердую поверхность! В результате наше родное джаппурское болото засосало вражеский челнок по самые антенны! Его двигатели, забитые грязью, булькнули последний раз и заглохли! Спасательными ботами противнику воспользоваться не удалось, так как створки шлюзов та же самая грязь запечатала не хуже бетона. Экипаж усосанного звездолета выбрался через верхние люки, по кочкам пришлепал в дерьмокрепость Крокозябла и присоединился к очереди в сортир. Сам посол все еще отстреливается, одновременно продолжая обеспечивать пищей наших патриотически настроенных комаров...

Император заметил вслух:

— То-то мне непонятно было желание Крокозябла-старшего перебраться на корабль к лорду Надолбу. Выходит, он подождал, пока мы уйдем к Тринадцатой планете и подбил адмирала на этот глупый и бессмысленный поступок.

— Он спасал своего сына, — ответил Филер. — Даже законченные скряги любят своих детей и сделают ради их спасения все, что в их силах.

— Возможно, — сказал император. — Но существует и другая сторона медали. Наши неудачи происходят по одной единственной причине — я слишком мягок с вами.

Барон непонимающе приподнял брови.

— Я имею в виду не вас лично, барон, а всех своих подданных. Был бы я таким же тираном как Шмор Великий, который за невыполнение приказов солил офицеров в бочках, а солдат рубил на корм для хищников в зоопарках, никакие Крокозяблы не смогли бы заставить лорда Надолба ввязаться в ту авантюру, благодаря которой мой Звездный Флот стал посмешищем для джаппурцев. То же самое касается и компании Шухера, в которой заправляет (я уверен в этом) лорд Хлебазл. Придется мне поменять политику обращения со своими подданными... Кстати! Начну немедленно. Ну-ка, барон, доставьте-ка сюда всю эту свинскую банду алкоголиков!

Филер, отдав честь, быстро удалился. Он тут же зашел в секретный отдел корабля и приказал радисту передать приказ императора в зашифрованном виде на все пять кораблей эскадры. Капитаны звездолетов подтвердили получение распоряжения и пообещали быстро разыскать всю негодную четверку.

Пока приказ о доставке выполнялся, Филер занялся другим делом. Он вышел на связь с последней группой шпионов, засланных в Джаппурию как раз накануне войны. У старшего шпиона в контраджасе была спрятана портативная радиостанция, которая позволяла общаться посредством хитрого кода на небольших расстояниях.

Филер ключом радиопередатчика выстукал условный сигнал и получил подтверждение его приема, что говорило о нормальной удаленности шпионов и сулило деловой разговор.

В роли дешифратора выступал радист Стукл, который с бешеной скоростью стал тарыхтеть ключом радиостанции, посылая закодированную информацию. Принимаемые шифровки он тут же переводил на шмордонский язык и пересказывал их Филеру. Выглядело это так:

— Доложите обстановку! — диктовал барон.

— Обстановка творческая! — отвечал радист.

— Ты как мне переводишь?! — возмутился Филер. — Это опять шифр? Переводи до конца.

— Это не шифр, — испуганно говорил Стукл. — Что приходит, то и перевожу...

— Спроси, что значит «творческая»?

— Отвечает: чувственно-поэтическая.

— Бес его задери! — вскричал Филер. — Эту фразу стучать не надо. Спроси, удалось ли внедриться?

— Сексот докладывает: удалось внедриться в шоу-бизнес. Группа находится на вершине хит-парада.

— Это гора такая? Пусть передаст ее координаты.

— Говорит: гора нерукотворная, потому что творческая, и в связи с этим координат у нее нет. Поясняет, что сеанс связи заканчивает, так как у него жесткий гастрольный график и на треп нет времени.

— На треп? Ну-ка, спроси, где они теперь находятся?

— Отвечает: в городе Апреле на планете Потенции. Сейчас у них концерт и надо выходить на сцену. Будут показывать по шморовизору. Все, вырубил связь...

Филер, задумчиво кусая ногти на руке, покинул секретный отдел корабля и, зайдя в офицерскую кают-компанию, включил шморовизор.

На экране возник диктор, который, заканчивая выпуск новостей, сообщил:

— Министр экономики Крах Полный открыл специальный счет для добровольных пожертвований. Он предлагает собрать деньги на строительство величественного памятника Комару-освободителю, выпившему целые реки шмордонской крови. Жертвуйте, кто сколько может!.. А сейчас вы увидите концерт «Песня года», где выступит знаменитый дубарьский джансамбль «Секстет Сексота» с новой джок-джаз-джолк композицией, которая называется: «Гей, джаппурцы, бей Шмордон».

Барон, удивленно моргая, увидел в шморовизоре знакомые лица своих шпионов. Сексот, вдохновенно наяривая струны контраджаса, истошно выл: «Бей Шмордон, спасай Потенцию, джа!»! Весь зал, аплодируя сотнями рук, подпевал стоя.

— Не слишком ли глубоко они внедрились? — задал барон вопрос сам себе.

Шмореньш вел себя тише воды, ниже травы. Когда отец хотел отправить его на одном из быстроходных челноков обратно в Шмордон, он, задушив в себе гордость, просто бухнулся на колени и, разревевшись, превратил сердце императора в пластилин. Оно размякло, и наследник престола остался в истребителе. Но с условием: не путаться под ногами; и вообще — даже на глаза не попадаться.

Филер, которому было обременительно исполнять обязанности секретаря, начальника разведки, да еще к тому же заниматься обучением молодого военного гения, приставил к нему Санта с Дивером, которые пока все равно слонялись без дела.

Под их насмешливым руководством Шмореньш научился облачаться в скафандр по флотским нормативам. Самое интересное — он отбросил прочь свое всезнайство и четко выполнял команды наставников. Через некоторое время наследник престола уже мог управлять спасательным ботом и даже несколько раз облетел вокруг корабля, пока тот висел без движения между Потенцией и Сочи.

Все последние дни Шмореньш провел в капитанской рубке истребителя, где тихо сидел в углу, наблюдая за работой вахтенных смен. Экипаж корабля пришел к выводу, что более

послушного ученика не существует во вселенной. И никто не догадывался, что мысли о героическом подвиге совсем не покинули голову Шмореньша, потому что она была забита только гениальными планами. И вот один из них наконец созрел. Пока Шмор Тринадцатый разбирался с действиями лихой компании Шухера, его сын приступил к выполнению своего хитрого замысла, способного (по его мнению) повернуть весь ход войны к победе Шмордона.

Когда Дивер с Сантом собрались идти на обед в столовую, Шмореньш заявил, что есть не хочет и лучше потренируется в надевании скафандра. Шпионы пожелали ему успехов и отправились кушать, справедливо рассудив, что в космосе из корабля все равно никуда не денешься.

Шмореньш, воспользовавшись временным отсутствием контроля со стороны приставленной к нему опеки, быстрым шагом направился к одному из шлюзов. По пути он заглянул в двухкомнатную каюту Филера, где вытащил из верхнего ящика стола лучевой пистолет. Место хранения оружия наследник подглядел у барона еще в первые дни пребывания на корабле, когда Филер занимался с ним теорией надевания скафандров у себя в кабинете, поскольку учебных классов в боевом истребителе не было.

Быстро переодевшись в скафандр, Шмореньш юркнул в один из спасательных ботов и нажал кнопку закрытия дверей шлюза. Он не стал связываться по радиации с рубкой и просить разрешения на вылет. Уже знакомый с аварийной автоматикой, позволяющей выстреливать бот из корабля в случае чрезвычайной ситуации, Шмореньш просто щелкнул красным тумблером и схватился за штурвал ручного управления. Внешняя стенка шлюза тут же отъехала в сторону, и бот выстрелило катапультной в пространство.

Двигатели бота включились автоматически, и бравый воин взял курс на снижение к планете. Он уже не слышал звука сирены, взывшей во всех отсеках истребителя, и не думал о последствиях своего поступка. Ведь победителей не судят! Поэтому Шмореньш занялся настройкой навигационной системы бота на пеленг единственной планетной станции. И станция эта ему тут же ответила...

Четверка виновников подрыва боевого крейсера «Победитель» застыла перед императором в ожидании неизбежного наказания. Точнее — застыли в ожидании только Вискерс и Шухер. Хлебазл, все ниже свешивая свой синий нос на грудь, готовился заснуть в вертикальном положении, а пропистор Инквизит с мрачным видом ковырял носком ботинка заклепку стального листа пола.

Его Преподобию было нехорошо. Он целый час принимал рвотное, пытаясь исторгнуть из себя проглоченную рюмку, но злополучная посуда никак не хотела покидать желудок. В результате пропистор повредил голосовые связки и теперь хрипел как раненый конь. Но наибольшую обеспокоенность у него вызывала простая мысль: а выйдет ли рюмка с другой стороны, и каким боком это получится? Терзания, оккупировавшие душу пропистора, скрадывались лишь тем фактом, что у рюмки не было ножки, и это обстоятельство немного радовало его...

Шмор, окинув четверку тяжелым взглядом, раздраженно спросил:

— Ответьте мне: зачем вы полетели к Четырнадцатой планете?

— За лошадиными яйцами! — рявкнул Шухер, выкатив глаза.

— За какими яйцами? — опешил император.

— Ваше величество, — торопливо вступил в разговор Вискерс. — Мы получили

сведения, что в результате бомбардировки планеты во время прошлой войны вся ее поверхность расплавилась, и в верхнем слое пепла появились алмазы величиной как раз гм... с названные маркизом вещи.

— Откуда вы получили эту информацию?

— От Джема Баламута по рации! — браво ответил Шухер.

— И вы поверили врагу? — Шмор начал закипать.

— Виноваты, ваше величество! — сказал Вискерс голосом, полным раскаяния.

— Значит, вас обуяла алчность? — Шмора никак не успокоило раскаяние Вискерса.

Подрывники боевых крейсеров потупили глаза. Это сделали, опять-таки, только Вискерс с Шухером. К ним, правда, присоединился и Хлебазл. Но у последнего веки опустились вниз по другой причине, и об этом стало понятно, когда от лорда стали слышаться звуки легкого музыкального храпа. Инквизит же виновным себя не чувствовал. Прекратив ковырять ботинком пол, он хрипло заявил:

— Кроме меня! Я отправился посмотреть на чудо, явленное Двенадцатиликим Богом. Ведь россыпи алмазов величиной с лош... с гм... таких размеров — не что иное, как милость господина, дарованная Шмордону. В Писании говорится, что Бог сбрасывал с неба бублики с маком голодающим древним шморам, когда те перебирались через пустыню, но об алмазах там — ни слова. Значит, это новая божья милость.

— Ну и как, посмотрели? — император сдерживал себя из последних сил.

— Не получилось. Сначала мы подорвались, а потом нас сразу эвакуировали.

Терпение Шмора лопнуло, и он крикнул:

— Филер!

— Да, ваше величество, — барон вынырнул откуда-то сзади.

— Его Преподобие немедленно заприте в двадцать шестом отсеке! Три дня ничего кроме воды ему не давайте! Пусть вспоминает божье чудо и жрет духовную пищу! Потом явите ему настоящую благодать, добавив к воде ежедневную краюху хлеба!

Филер дернулся, но его опередил Вискерс, сделавший шаг вперед.

— Не трудитесь, барон, — сказал он. — Выполнение распоряжений императора — моя прямая обязанность.

Он тут же схватил пропистора за локоть и потащил того к выходу. Инквизит удивленно каркнул:

— Что вы делаете, граф? Мы же друзья! Мы же вместе с вами водку пили!

Вискерс, не останавливаясь, ответил:

— Водка водкой, а дружба — службой.

— Вы бесчестный негодяй! — крикнул Инквизит. — Я вызову вас на дуэль!

— А чем мы сражаться будем? — спросил Вискерс, выволакивая пропистора в коридор. — Станем Писанием друг другу в лоб стучать?

И здесь Инквизит применил хитрость. Он уперся в дверной проем руками и ногами, растопырив их в разные стороны. Но Вискерс не растерялся. Размахнувшись ногой, он двинул пропистора в его обширный зад, отчего тот с воплем вылетел в коридор. Граф, закрывая за собой дверь, подал оставшимся в кабинете успокаивающий знак рукой. Из-за его спины донесся рев:

— Прокляну! У тебя фляжка пересохнет!

Дверь захлопнулась и наступила тишина. Шмор, глядя в бледные от страха глаза Шухера, произнес утвердительно:

— Вы погубили боевой крейсер!

— Ваше величество, боевым он был пятьдесят лет назад, — стал оправдываться

Шухер. — Его давно пора было списать.

— Вы сами отменили приказ о его списании! — сказал император. — Значит, он боевой. И вы угробили этот корабль... Филер!

— Я! — с готовностью отозвался барон.

— Закрывать сего мерзавца вместе с пропистором! На такую же диету! После войны я найду применение обоим!

Филер, взяв маркиза за руку, показал глазами на Хлебазла.

— А этого куда?

— С ним я разберусь сам, — ответил Шмор, потирая зачесавшуюся вдруг ладонь.

Филер, понимающе кивнув головой, выволок Шухера в коридор и захлопнул за собой дверь.

Оставшись наедине со спящим в вертикальном положении Хлебазлом, император, потирая руку, обошел лорда и остановился у того за спиной. Основательно прицелившись, Шмор с залихватским уханьем выдал своему тестю мощный подзатыльник, отчего Хлебазл, резко проснувшись в падении, рухнул на пол лицом вниз. Но на этом экзекуция не закончилась.

Император, ходя кругом, принялся пинать своего родственника ногами, целясь в самые мягкие места его тела. Лорд закричал:

— Что вы делаете?! Ай!

— Лечу вас от алкоголизма, — ответил Шмор, не переставая трудиться.

— Уй! Зятек, не надо! — попросил Хлебазл.

— Еще как надо! — воскликнул император, вошедший в раж. — Где досье на Филера? Оно вообще имеется у вас?

— Ой! Имеется! — пытаюсь уворачиваться от ударов императорских ботинок, ответил тесть. — Но оно осталось в Шморе! Ай! Он же рядом! Сейчас я его допрошу, и появится новое досье! М-му-й! Будет дубликат...

Император, остановившись на минуту, гневно крикнул:

— Кого вы допросите, Филера?! Где? Да здесь каждый корабль пропитан насквозь его шпионами! Попробуйте тронуть барона, и окажется, что допрашивать будет он! Вас! Вы хоть немного соображаете, где находитесь?! В самом центре военной мощи Шмордона! Где ваши люди? Там! А у него они здесь! Ненавижу!

Шмор принялся наносить ногами удары по телу Хлебазла с еще большей силой. Лорд стал прощаться с жизнью, но вдруг взревела сирена. Император, занесший ногу для очередного удара, остановил ее в воздухе и поинтересовался:

— Что это?

— Боевая тревога, — сообщил Хлебазл, понимая, что экзекуция закончилась.

Он, кряхтя, поднялся на ноги, достал из кармана носовой платок и принялся вытирать им кровавые сопли.

— Никакого уважения к старикам, — сказал лорд, сморкаясь.

— Я вам, дорогой тесть, уважение после войны окажу, — сказал император, застегивая запонки на манжетах. — Не будете знать, куда это уважение деть.

Шмор вышел в коридор и быстрым шагом направился в боевую рубку. Хлебазл, прихрамывая, поплелся за ним...

Капитан истребителя доложил:

— Несанкционированный выброс спасательного бота. Такого никогда раньше не случалось. Кто-то специально нажал аварийную кнопку. Бот вылетел в пространство и направился к планете. Им управляют, потому что он идет по пеленгу станции. Предполагаю предательство. Разрешите уничтожить бот ракетой.

— А если догнать его другими ботами и перехватить? — спросил Шмор.

— Не получится, — ответил капитан. — Личный состав обедал. Пока спохватились, бот ушел далеко. Догнать уже не сумеем. Кроме как ракетой...

— Отставить! — приказал император, и сердце его тревожно сжалось. — Немедленно установить, кого из экипажа не хватает.

Через десять минут Шмору доложили, что в экипаже полный порядок, а не хватает только его сына. Император вскочил, подбежал к пульту управления звездолетом и взял в руку приемное устройство рации. Нажав тангенту, он попытался что-нибудь сказать в звукопередатчик, но вдруг отшвырнул приемник в сторону и устало сел в штурманское кресло.

— Какие распоряжения? — спросил капитан.

— Ждать! — ответил Шмор, жестко сжав губы.

Появление Шмореныша на станции вышло эффектным.

Джем, Кебаб и Батон уснули прямо за столом, придавив носами кучки золотого песка, рассыпанного по всей его поверхности. Хапс, спавший ранее головой в пульте, проснувшись, посетил санузел и после этого захотел похмелиться, но ничего на столе не нашел, поскольку все было выпито.

Хапс знал, что какое-то количество алкоголя должно было оставаться в сарае, но ему совсем не хотелось тащиться туда. Он внимательно оглядел спящую тройцу и заметил горлышко небольшой коньячной бутылки, торчавшее из бокового кармана штанов Кебаба. Но соваться к Носатому он не стал, опасаясь немедленной зуботычной реакции с его стороны при любом неосторожном движении.

Постояв немного в раздумье, полицейский вдруг вспомнил о банке самогона, припрятанной Батоном в аппаратной, и тут же занялся ее поисками.

Через несколько минут деятельность страждущего Хапса увенчалась успехом. Он тут же со всей присущей ему полицейской наглостью хорошенько отлил самогона себе в кружку, а банку засунул на старое место между блоками аппаратуры.

Вернувшись в кухню, Хапс сделал внушительный глоток и моментально стукнул кружкой по столу. Глаза его выкатились, а изо рта вырвался сиплый крик:

— Кхе!

Бросившись к тумбочке, он схватил электрический чайник и влил себе в глотку добрую порцию воды из него. Глаза Хапса выкатились еще больше, а глотку обожгло кипучим огнем. В голове его взорвалась мысль следующего содержания: «Спирт запивают водой только кретины!». Сопоставив эту мысль с пожеланиями Морса насчет «трудной и опасной деятельности», полицейский взял себя в руки, выпятил грудь вперед и гордой походкой отправился в аппаратную, по пути впечатавшись в дверной косяк.

Справившись с возникшим препятствием, Хапс уселся на стул и упал головой на пульт. Неожиданно автоматический регистратор сообщил:

— С одного из кораблей, находящихся на орбите, стартовал бот. Он запрашивает пеленг

станции.

Хапс, приподняв голову, сказал:

— Дать, твою мать!

И, опять упав на пульт, провалился в глубокий и сладкий сон.

— Выполняю, — ответил регистратор.

А Хапс спал. Впрочем, как и весь экипаж станции. Лишь только кружка с крепким самогоном, недопитым Хапсом, бодрствовала, охраняя покой Джаппурии. И она дождалась своей минуты славы.

Опустив бот рядом с каким-то дряхлым джаблем джаппурской постройки, Шмореньш выпрыгнул из кабины наружу, привел пистолет в готовность к выстрелу, и побежал зигзагами к воротам шлюза. Странное дело, но они оказались незапертыми.

Проникнув под купол, Шмореньш без труда нашел жилой блок и влетел в тамбур, держа пистолет перед собой. Увидев, что освещена всего одна комната, он шагнул в открытую дверь, выстрелил вверх и крикнул:

— Ни с места! Вы окружены! Сдавайтесь!

Наступил его звездный час! Но длился он недолго.

Сбитая выстрелом потолочная пластиковая панель грохнулась на электроплиту и тем самым разбудила троицу уснувших картежников. Оторвав от стола головы, Джем, Батон и Кебаб увидели перед собой человека в скафандре с направленным на них пистолетом. Шмореньш, догадавшись, что первый его крик мог быть не услышан, рявкнул снова:

— Сдавайтесь!

Но и эта команда не возымела никакого действия на троицу странных бородатых людей с помятыми лицами и красными глазами. Один из них, горбоносый и наглый, зачем-то постучал себя пальцем по голове и Шмореньш понял, что его команды не были услышаны потому, что он орал изнутри в плекигласовое забрало шлема.

Юный герой, не спуская врагов с мушки, отстегнул застёжки и сбросил шлем с головы на пол.

— Сдавайтесь! — еще раз крикнул он.

На этот раз его слышали, так как сидящие за столом люди стали удивленно переглядываться.

— Ты кто такой? — наконец спросил с легким акцентом один из них.

— Руки за голову! — крикнул Шмореньш и опять выстрелил в потолок.

Сверху упала очередная панель, но в этот раз не на электроплитку, а на шморовизор, который сначала гавкнул каким-то непонятным звуком, а через секунду рассыпался со звоном битого стекла.

— Да тихо ты, тихо! — воскликнул горбоносый. — Не размахивай оружием, а то сам же без ушей останешься...

Шмореньш, продолжая вертеть пистолетом, авторитетно заявил:

— Я прекрасно умею обращаться с оружием. И в дальнейшем: не смей так со мной разговаривать! Я — наследник императорского престола! В будущем меня будут звать Шмором Четырнадцатым. При обращении ко мне надо произносить: ваше императорское высочество! Понятно?!

Реакция застигнутых им врасплох людей поразила его. Вместо того, чтобы вставить руки за головы, лица их вдруг засверкали довольными улыбками. Блондин с тощим долговязым оборванцем переглянулись и закивали головами, а толстый горбоносый

коротышка, смешно скривив лицо, стал гундосить детскую песенку на джаппурском языке, который Шмореньш знал неплохо, поскольку подготовился к последней войне основательно.

Песенка в исполнении носатого звучала так:

— Чудо в гости к нам пришло — на крыле, джа, унесло...

Шмореньш, не понимая смысла происходящего, все равно почувствовал, что каким-то неведомым способом его сейчас оскорбляют. И потому собрался поставить точку в случившемся балагане. Для этого он решил кого-нибудь застрелить. После такого действия юный герой надеялся привести к повиновению джаппурцев, нагло продолжавших сидеть за столом и скалиться самым непотребным образом.

Его взгляд заметался между тремя кандидатами и остановился на носатом коротышке. Но тот так трогательно пел песенку о чуде, что рука Шмореньша не поднялась на него. Тогда наследник престола посмотрел на блондина. Да, этот подходил! Он, сверкая белозубой улыбкой, смотрел в рот носатому и весело смеялся.

В помещении было жарко, и пот каплями катился по лицу Шмореньша. Горло его пересохло. Ему страшно хотелось пить. И здесь взгляд юного героя заметил жестяную кружку, призывно расположившуюся на самом краешке стола. Шмореньш решил сначала напиться, а потом уже пристрелить блондина. Он схватил кружку левой рукой и краем глаза заглянул в нее. Внутри была вода.

Вдруг на пороге соседней комнаты, темневшей открытой дверью в противоположном конце кухни, возник усатый и круглый из себя здоровяк, разбуженный звоном трахнутого панеляю шморовизора. Его заплывшее лицо выражало единственное желание — срочно похмелиться! В сознании Хапса (потому что это был именно он) сфокусировалась снившаяся ему последний час кружка с недопитым самогоном, и он жадным взглядом принялся обшаривать стол.

Шмореньш, увидев нового персонажа разыгравшейся по его вине трагедии, решил застрелить именно его. Уж больно он ему не понравился. Но сначала нужно было напиться. Наследник поднял кружку ко рту, не спуская глаз с компании, рассевшейся за столом, и толстого усатого неряхи, застывшего в дверях соседней комнаты.

Военный гений Шмордона торопливо сделал несколько длинных глотков.

— Мой спирт! — алчно рявкнул Хапс.

— Спирт?! — удивился Кебаб.

— Кха!.. — Сказал Шмореньш, роняя кружку на пол.

— Ай! — вскрикнул Хапс.

— Ага! — сказали Джем с Батоном хором.

Следом за кружкой на пол упал и пистолет, а Шмореньш, схватившись обеими руками за горло, пытался разорвать жесткий ворот скафандра, желая добавить в свою грудь воздуха, который почему-то перестал туда поступать. Он стоял, шатаясь как тростинка, с выпученными от непонимания сути происходящего глазами, и судорожно старался себе помочь.

— Воспитанный ребенок, а потому — неприспособленный к жизни, — сказал Кебаб, поднимаясь из-за стола.

Он выхватил из кармана своих штанов небольшую бутылку коньяка, спрятанную там ранее с утренне-оздоровительной целью, свинтил с нее крышку и, подойдя к Шмореньшу, вставил ее горлышко в страдальчески искривленный рот юнца.

— Пей! — приказал он.

Шмореньш сделал обожженным горлом несколько глотательных движений, и глаза его начали уменьшаться.

Батон, встав, подобрал пистолет, обошел захватчика-неудачника вокруг и констатировал:

— Больше оружия нет.

— Что тут происходит? — поинтересовался Хапс, окончательно проснувшись.

Кебаб убрал бутылку изо рта Шмореньша, сам хлебнул из нее, после чего усадил наследника престола на стул и посоветовал:

— Дыши.

Шмореньш набрал полную грудь воздуха, выдохнул, и из его глаз вдруг полились слезы.

— Это нечестно! — сказал он, всхлипывая. — Это подло, наконец...

— Война не бывает честной, — ответил ему Джем. — Честно можно сражаться только на турнирах, да и то — всегда найдется какой-нибудь барон, который сможет пройти по грани правил и слегка залезть своим копьем туда, куда не следовало. Он победит, а спорный случай станет прецедентом. Так было всегда.

— Кто ты? — спросил Шмореньш, всхлипывая.

— Джем Баламут.

— А-а-а! — разревелся в голос наследник престола.

Джем, не зная, куда себя деть, встал, подошел к Шмореньшу и принялся его утешать.

— Ну хватит, хватит, — говорил он, зачем-то глядя юношу по голове. — У всех бывают победы и поражения. На ошибках учатся. И ты научишься обязательно...

— Прямо папа родной, — съязвил Кебаб, разгребая электроплитку от осколков пластиковой панели.

— Станция Тринадцатой планеты, ответьте шмордонскому истребителю «Клинок», — твякнула вдруг рация из аппаратной.

Шмореньш просто взвыл!

— Не говорите им, что я здесь! — крикнул он.

— А вот этого я сделать не могу, — сказал Джем. — Ты — спаситель и гарант мира, хочешь этого или нет.

Он пошел в аппаратную. За ним в тесную комнатку, заваленную блоками всяческого оборудования, ворвались остальные обитатели станции, включая Шмореньша, которого никто не собирался охранять. Джем взял в руки звукосниматель и, нажав тангенту, произнес:

— На связи станция Тринадцатой планеты.

Голос в радиации сообщил:

— С вами будет говорить император Шмордона Шмор Тринадцатый.

— Валяйте! — развязно сказал Джем.

Другой голос — серьезный и бесстрастный — спросил:

— С кем я буду валять?

— Я Джем Баламут, — весело представился Джем. — Дважды каторжник Джаппурии.

— Станный уровень для ведения переговоров, — констатировал Шмор, ибо это именно он был на связи.

Стоя перед капитанским пультом истребителя, император сжимал в побелевших от напряжения пальцах приемное устройство радиостанции и пытался быть спокойным.

— Другого уровня здесь нет, — сообщил Джем. — Если вы желаете узнать о вашем

сыне — пожалуйста. Он хотел захватить нас в плен и у него это почти получилось. Не хватило лишь самой малости. Поступок, конечно, геройский, но глупый. Теперь он там, куда хотел определить нас, то есть в плену.

— Что вы хотите? — спросил Шмор.

— Вашей безоговорочной капитуляции, — прозвучал ответ, и император услышал, как на том конце связной линии кто-то заржал разбойничьим смехом.

— Не будьте идиотом, — спокойно посоветовал Шмор.

— Вы не любите своего сына? — поинтересовался Джем.

— К интересам государства любовь никакого отношения не имеет.

— Что ж нам, убить его? — удивился Джем.

— Это ничего не изменит, — жестко ответил Шмор Тринадцатый. — Я еще пока в состоянии обеспечить империю новыми наследниками.

Шмореныш, стоявший в углу аппаратной, захлопал мокрыми ресницами. Джем, не нажимая тангенты, повернул к нему голову и произнес:

— А говорили, что папочка души в тебе не чаает.

— Честь Шмордона превыше жизни! — повторил семейный девиз подросток и проглотил подкативший к горлу комок.

— Предлагаю вернуть моего сына и перейти на нашу сторону, — говорил тем временем Шмор. — Вы будете вознаграждены по заслугам.

Последняя фраза прозвучала как-то двусмысленно.

Джем, нажав тангенту, хотел продолжить беседу с императором, но в этот момент Шмореныш вдруг издал горловой звук, и его с ревом вырвало на пол. Джем, бросив звукозаписывающее устройство на пульт, ринулся оказывать помощь наследнику шмордонского престола.

Император, услышавший из рации дикие булькающие звуки, спросил:

— Что вы делаете с пленником?!

В ту же минуту глаза Хапса, безучастно стоявшего в аппаратной, увидели вожака, издающего звукозаписывающее устройство, оказавшийся бесхозным. Он взял его в руки и со зверской интонацией в голосе каркнул:

— Пытаем Шмора Четырнадцатого! Мои пуцлики стегают его тощей зад электрическими розгами!

— Не смей!!! — срывающимся голосом вскричал император. — Я превращу все планеты Джаппурии в радиоактивную пыль!

Джем, чертыхнувшись, вернулся к пульту и сходу врезал Хапсу кулаком по уху, отчего тот вылетел в кухню. Схватив звукозаписывающее устройство, он торопливо сказал:

— Успокойтесь! Мы же не варвары, чтобы детей пытаться. Ваш сын нечаянно хлебнул спирта и его нетренированный в этом деле организм теперь борется с алкоголем.

— Немедленно отпустите ребенка! — приказал Шмор.

— Непременно. Но только после заключения мира. Черт с ней, с этой капитуляцией... А пока мы займемся устранением пробелов в военном образовании вашего сына. Настоящий боец не должен пасовать перед алкоголем! Вот и научим наследника шмордонского престола хлебать водку как лимонад.

Шмор, положив звукозаписывающее устройство на пульт, глубоко задумался.

В аппаратной тем временем события развивались сообразно законам логики и физиологии. Шмореныша развезло. Он стоял, шатаясь, и пытался придать лицу самоотверженно-мужественное выражение. Но спирт с коньяком сделали свое подлое дело и

настолько плотно накрыли способность юнца управлять мимикой, что вместо героического лица его, скорее, напоминало обезьянью мордочку, обезображенную зверскими гримасами.

— Хочешь сказать папочке пару слов? — спросил с улыбкой Джем, протягивая Шмореньшу звукозаписывающее устройство.

Тот схватил приемное устройство, двумя руками сжал тангенту и истошно заорал пьяным голосом, заплывывая предохранительную сетку:

— Отец! Взорви меня ракетой вместе с куполом, и я займу место в камне рядом с моими предками на Центральной площади! Да здравствует Шмордон! Ур-ра!!!

Последний вопль был настолько убедительным, что Шмор Тринадцатый ответил тут же.

— Отберите у него рацию и больше не давайте в руки! — сказал он. — Ладно. Вы, бес вас задери, победили. Уложите моего сына спать и больше ничего кроме воды ему не наливайте.

— У нас есть персиковый компот, — сообщил Джем.

— Ни в коем случае! — встревоженно воскликнул Шмор. — У него на персики аллергия!

Джем, посмотрев на Шмореньша, качаемого спиртовыми парами, произнес:

— И все-таки папочка тебя любит. Причем больше какой-то там чести трижды проклятого Шмордона...

Порядок заключения мира установили быстро. Но сначала пришлось позвонить Морсу. Джем наотрез отказался общаться с Премьер-министром и за дело взялся Кебаб.

Разговор занял всего полчаса, на протяжении которого Кебаб торговался самым скардным образом. Хапс, бегая вокруг Носатого, дергал того за руки и предлагал назначить его (Хапса) министром полиции взамен никудышного Кваса, ничего не сделавшего для победы Джапурии. Кебаб отмахивался руками, ногами и даже плевался в этого приставалу, не забывая торговаться. Выглядело это следующим образом:

— По пятьдесят килограммов золота каждому! По двадцать пять? Ладно — по сорок, но тогда всем ордена «Герой Джапурии». Отстань, я сказал! Это не вам... Да, и еще пожизненные пенсии за работу в условиях крайнего Дубаря. Где не Дубарь? Тут такой дубарь, что обычный Дубарь отдыхает! Вот прилетите — убедитесь сами... Получай, гад! Да это я не вам... И про оплату многолетнего каторжного труда не забудьте! Не оплатить ли нам еще и нахождение в декрете? Вы шутите? Ах, издеваетесь! Нет, декрет не надо, мы же не женщины. Тьфу на тебя! Отстань, сволочь! Это опять не вам...

Договорились так: делегации встречаются под куполом станции, вырабатывают условия мира, доставляют документы на истребитель, где их подписывает император, потом отправляют договор на утверждение королеве. Затем копии вручаются императору, весь шмордонский флот покидает систему Джапурии и только после этого наследник престола возвращается к отцу в истребитель, находящийся на орбите Тринадцатой планеты.

Батон с Хапсом, взяв Шмореньша за шиворот, надели на его голову шлем, погрузили в бот и увезли на восьмую точку, пустовавшую в связи с бегством Дивера и Санта. Джем с Кебабом остались на станции в роли хозяев.

Когда к планете прибыл флагманский бомбоносец «Империя», от него отделился бот. Перед куполом из него вышли Крокозябл-старший и лорд Надолб. С истребителя «Клинок» прибыл граф Вискерс с портфелем, набитым бумагами и печатями.

Практически в ту же минуту (время встречи было оговорено заранее) на площадке станции сел джабль Премьер-министра, из которого вышли он сам и министр иностранных

дел Джаппурии Стандарт Резиновый. Кебаб встретил обе делегации и повел их к куполу. Джем, стоя в тамбуре жилого блока на пороге спального помещения, показывал прибывшим дорогу к кухне.

Первыми вошли шмордонцы, за ними Кебаб и Стандарт. Последним, чуть отстав, появился Морс. Он на ходу беседовал по шморофону с Квасом, который жаловался:

— Потребуйте от шмордонцев немедленно послать приказ лорду Крокозяблу, чтобы тот перестал сопротивляться и сдался, наконец! У его людей уже сил нет на ногах стоять! Они к сортиру добираются ползком. А он продолжает отстреливаться! Из-за него приходится наших полицейских держать в этом гиблом комарятнике. На них живого места нет!

— Хорошо, — сказал Морс, убирая шморофон в карман.

В этот момент он как раз проходил мимо Джема. Премьер-министр важно кивнул ему головой и устремился к кухне, но попасть туда не сумел. Джем одной рукой зажал ему рот, а другой схватил за ворот дорогого пиджака и потянул за собой. Дверь спальни захлопнулась, и Морс оказался с Джемом лицом к лицу.

— Что вы себе позволяете? — испуганно спросил он.

— Ты их убить хотел? — прошипел Джем, сверля взглядом глаза Морса.

— Ах, это? — Премьер-министр, отступая к стенке, издал нервный смешок. — Что вы, Джем! Как можно поднять руку на эти прекрасные создания? Я просто хотел вас простимулировать! Как видите, у меня неплохо получилось...

— Сейчас я буду стимулировать тебя! — с ненавистью произнес Джем и врезал кулаком Морсу в живот.

Премьер-министр, всхрюкнув, сложился пополам. Джем ударом в ухо уложил Морса на койку, упал на него сверху и, сжав руками горло Премьер-министра, принялся душить его, сладострастно при этом взрыкивая.

Морс, хрипя, совсем не хотел уходить из жизни на пороге славной победы и потому усиленно стал молотить ногами в воздухе. Но помогло ему не это. Помог ему Кебаб, который стащил Джема с Морса и крикнул:

— Джем! Ты что, идиот?! За убийство этого мерзавца новый пожизненный срок заработать хочешь?

— Одним больше — одним меньше. Оптом дешевле, как говорил Хапс. — Джем, нервно блестя глазами, плотоядно смотрел на Премьер-министра.

— Уже заработал, — хрипло сказал Морс, вставая с койки.

— Я сейчас пристрелю Шмореньша, и тогда посмотрим, кто и что заработает, — злорадно сказал Джем.

Морс, потрогав горло рукой, сказал:

— Ладно-ладно... Но все равно вы ответите за свои хулиганские действия.

— А я не хулиганил, — сообщил Джем. — Вам предстоит отстаивать интересы Джаппурии. Вот я вас и простимулировал. Чтоб Родину больше любили!

— Хорошо, — нехотя согласился Морс. — Квиты.

— Хватит играть в мстителей! — рявкнул Кебаб. — Там шмордонцы ждут. Без Премьер-министра никак! А я, главное, думаю, куда он делся? Вроде бы следом шел и тут на тебе! По нужде исчез...

Тесная кухня станции ранее никогда не видела столько народа. Граф Вискерс печатал новый «Договор о мире», а Морс с Крокозяблом ругались из-за каждой статьи. Лорд Надолб и Стандарт Резиновый, попивая кофе, обсуждали способы охоты на лис и так увлеклись этим

делом, что не обращали никакого внимания на других. Джем сидел на выходе из кухни, а Кебаб в дверях аппаратной.

Наконец Договор был напечатан и Вискерс, предварительно нырнув под кухонный стол, зачитал его вслух.

— Устраивает, — кивнул головой Крокозябл.

— Нас тоже, — согласился Морс.

— Секундочку! — вдруг вмешался Кебаб. — Допишите туда Дивера и Санта.

— Кто это? — удивился Морс.

— Бывшие шмордонские шпионы, сбежавшие с каторги, — пояснил Кебаб. — Им еще по семь лет тарыхтеть. Вот пусть вернутся и досидят!

Крокозябл, пренебрежительно махнув рукой, сказал Вискерсу:

— Допишите.

— Но они же герои, — удивился Вискерс. — Их же император наградил.

— Какие могут быть герои, когда решается судьба двух государств? — поучающе произнес Крокозябл. — Я сказал — пишите!

Вискерс допечатал требуемое.

— И золото, которое они украли у Джаппурии, пусть вернут, — дополнил Кебаб.

— Какое золото? — удивлению Крокозябла не было предела.

— Которое было в мешках, — пояснил Кебаб.

— Дописать? — ехидно влез Вискерс.

— Я вам допишу! — глазки Крокозябла сверкнули злостью. — Не видели мы никакого золота! У вас они украли, вот сами с них и спрашивайте!

— Ладно! — согласился Морс. — На подпись императору?

— Нет! — сказал Крокозябл. — Император немного изменил порядок. Сначала пусть подпишет королева.

Морс, немного подумав, согласился.

ДЖАПШУРИЯ. СОЧИ

Джем с замиранием сердца смотрел, как Нелла летает между Эндюльгеном и зеленым свистоном Аллилуем. Святые отцы, стоя по пояс в воде, бросали принцессу друг другу и она, кувыркаясь в воздухе, с визгом плюхалась в воду. Священники специально рассчитывали броски с недолетом, чтобы Нелла могла проплыть часть расстояния сама.

Пока свистоны учили принцессу плавать, их одежда и посохи лежали на берегу, сваленные в кучу, которую Джем охранял от пляжных воришек.

— Никакого ума у тебя нет, — лениво произнесла королева, лежавшая на песке рядом с Джемом. — Доверил ребенка двум пропойцам, которые уже с утра еле языками ворочают. Я удивляюсь, как они вообще могли подрядиться на такую работу.

— Я им в банки для пожертвований положил по пять тысяч тагриков каждому, — ответил Джем, переворачиваясь на другой бок. — За такие деньги они еще и тебя научат.

— Я и так умею плавать.

— Значит, научат летать.

— Трепло, — сказала Белла и рассмеялась.

Они уже вторую неделю отдыхали в Джяне, предпочитая ходить на городской пляж. Королева коротко подстриглась и покрасила волосы в русский цвет. Теперь никто из подданных ее не узнавал, что делало отдых спокойным и размеренным.

Вообще-то у королевы везде были свои дворцы и закрытые пляжи. Но Джем претила обособленность. Он не хотел, чтобы его считали альфонсом, живущим за счет своей любовницы, и потому настоял на посещении обычных мест, предназначенных для любого человека.

— И где ты нашел таких учителей плавания? — спросила королева.

— Кебаб посоветовал, — ответил Джем, принимая сидячее положение.

— Твой Кебаб — хищное носатое чудовище с откровенно бандитской физиономией. Когда он смотрит своими плотоядными глазами, мне кажется, что он меня не только раздел, но уже и препарировал в сексуальном плане.

— Не переживай, — рассмеялся Джем. — Вернее друга нет на свете!

— Может быть он и друг — веселый и верный — но это все равно не повод для того, чтобы маленькую девочку отдавать в руки двум громилам с испытными рожами!

Джем ничего не ответил.

Месяц, отведенный для счастья, подходил к концу. Сначала они отдыхали на Дубаре, занимаясь лыжами; потом ловили форель на Слякоти и разгребали ногами кучи желтых листьев в парках Заквакинска. Затем на Потенции он сделал Нелле небольшой лук из молодого гибкого стебля дундука, и они играли в диких пуцликов; причем кровожадным пуцликом всегда была принцесса, а Джем выступал в роли ее вкусной добычи. Теперь на Сочи они загорали и купались в волнах теплого Бархатного моря.

— Поехали, съездим в Сушняк, — вдруг предложила Белла.

— Что мы будем делать в этой богом забытой пустыне? — спросил Джем.

— Посмотрим на сусликов. Говорят — очень занятные создания.

— А их всех Крокозябл-старший разве не пустил на консервы?

— Нет. Новый торговый договор сильно ударил его по рукам.

— К сожалению, мое время вышло, — в голосе Джема почему-то не было ни одной

печальной нотки.

— Уже?! — Белла резко подняла голову.

— Да, — сказал Джем и бросил камешек в волну. — Завтра я улетаю. Джабль отправится утром.

— Это несправедливо! — хлопнула кулачком по песку Белла.

— Договор о мире подписала ты. Глаза куда смотрели?

— Я же ничего вокруг не видела! — воскликнула королева и по щекам ее потекли слезы. — Я же была вне себя от радости! Это подлый Морс виноват, что не отстоял наше счастье. Он уже потом рассказал, что пункт о назначении тебя послом Джаппурии в Шмордоне был включен в договор по требованию Шмора Тринадцатого!

— А говорят, что бабы не дуры, — пожал плечами Джем.

— Я не дура! — сказала королева, и глаза ее моментально стали сухими. — Я твоя королева. Ну-ка, поцелуй меня немедленно! Это приказ!

— Не-а, — улыбаясь, произнес Джем.

— Тогда я сама!

Она вскочила и упала всем телом на Джема, отчего тот завалился на песок. Пожилая семейная пара, отдохавшая неподалеку, дружно захлопала в ладоши. Королева, смеясь, слезла с Джема, и они уселись рядышком.

— Не улетай! — жалобно попросила она.

— Не могу, — ответил он. — И тебя взять с собой нельзя. Ведь ты королева...

— Я отрекусь от этого чертова престола!

— А кто тебя заменит? Нелла еще маленькая. Тебе не позволят. Но ты не расстраивайся. Для всех жителей Джаппурии (кроме тебя, конечно) Трудовой Кодекс одинаков. Там есть специальная статья, которая предусматривает послам один отпуск в году, который длится целых полтора месяца! И дорога не учитывается. А что тут лететь? Всего одну неделю!

— Ты знаешь, что я беременна?

— Да. Ты мне позавчера об этом сказала, и я радуюсь до сих пор, — губы Джема вытянулись в праздничную улыбку.

— Значит, женщина тебе нужна только раз в год? — королева прищурила глаза. — Заделал ребенка и фить? Смылся?! А последний раз тебя не было шесть лет! И опять я должна одна рожать и одна нянчить?!

— Ой! Что-то они действительно опасно бросают Неллу! — тревожным голосом воскликнул Джем.

Он вскочил на ноги и бросился к воде.

— Стоять! — гневно крикнула Белла. — Я сейчас посохом отца Эндюльгена перелломаю тебе обе ноги! Трудовой Кодекс предусматривает больничный лист!

Джем, не оборачиваясь, с разбега булькнул в море, а позади королевы кто-то сказал:

— И руки ему надо переломать. Тогда можно будет делать с ним все, что захочешь.

Белла, обернувшись, увидела чисто выбритого Кебаба, неторопливо стягивавшего с себя шорты.

— Все вы мерзавцы! — крикнула королева, гневно сверкнув глазами. — Никогда не думаете о тех, кто вас любит и ждет! Что, нельзя было взорвать корабль этого чертового императора? Сейчас бы Джему никуда не пришлось уезжать!

— Добрая вы, однако, ваше величество, — покачал головой Кебаб и стянул с себя майку.

— Разве непонятно, что Джем им нужен в качестве заложника?! Разве не ясно, что новый мирный договор — бумажка, которой можно будет подтереться после того, как лорд Крокозябл опять получит по морде где-нибудь на лыжной базе Дубаря или в борделе Хачапура на Сочи?! А Джем останется там, в этом ужасном Шмордоне...

Она яростно топнула ногой и крикнула:

— Чем подвергать Джема опасностям позорного плена, я лучше сама его утоплю! Ни нашим — ни вашим!

Королева, разбежавшись, бросилась в море.

— Да уж, — хладнокровно заметил Кебаб, снимая с шеи золотую цепь и пряча ее в специальный карман плавок, — настоящая горячая любовь у них. Как у диких пуцликов.

Подойдя к воде, он осторожно потрогал ее ногой, и рот его растянулся в улыбке.

— Теплая, как всегда, — сказал он вслух.

Кебаб нырнул в набегавшую волну и погреб в сторону хорошо видимой светлой головки королевы, быстро настигавшей патлатую голову своего любимого...

Джем плавал плохо, поэтому, заметив приближавшихся к нему королеву и Кебаба, резко свернул в сторону и изо всех сил погреб к берегу. Белла, рассмеявшись, не стала его преследовать, а поплыла к буйку. Кебаб, как местный уроженец, прекрасно держался на воде и потому последовал за королевой.

Джем, тяжело дыша, выбрался на берег сам и выгнал туда же Неллу, у которой от долгого купания посинели губы. Святые отцы чинно уселись на песок, подставив ноги набегавшей ласковой волне, достали из своих банок для сбора пожертвований фляжки и дружно присосались к горлышкам.

Растерев Неллу полотенцем, Джем усадил ее на покрывало.

— Горячая кукуруза! — послышался где-то рядом визгливый голос.

— Папочка! — взвизгнула Нелла. — Хочу кукурузы!

Перед Джемом возникла неопрятная старуха с двумя сумками в руках.

— Эй, Чурчхела! — крикнул Эндюльген. — И нам парочку.

— Деньги сначала давайте, — недоброжелательно откликнулась бабка.

— Какие деньги? — удивленно воскликнул Аллилуй. — Мы божьи люди.

— Вот пусть Бог вам кукурузу и варит! — заявила Чурчхела.

— Я заплачу за них, — подал голос Джем.

Он купил кукурузы на всех, не забыв и Беллу с Кебабом. Старуха унеслась со своими сумками дальше по пляжу, а Нелла, присыпав кочан солью, жадно впилась в него зубками. Святые отцы также принялись есть, но использовали кукурузу неторопливо — как закуску.

— Папа, а правда, что шмордонцы едят кукурузу сладкой? — спросила Нелла.

— Да, — ответил Джем. — Они даже в банки закатывают зерна и продают их как сладкие консервы.

— Фу, гадость какая! — скривилась принцесса. — Как можно кукурузу без соли есть? Извращенцы!

— Откуда ты такие слова знаешь?

— От мамы еще не то услышать можно. Тяжело быть королевой... — Она схватила пакетик с солью и попыталась посыпать свой кочан сильнее, но Джем вовремя дал ей по рукам и пакетик отобрал.

— Хватит! — строго сказал он. — Меру надо знать.

Нелла ничуть не обиделась, продолжая есть. Она и так была счастлива, понимая, что

мать вообще не позволила бы ей лакомиться пляжной кукурузой.

— Это что такое? — раздался возмущенный голос Беллы, выходящей из воды. — Ну-ка, выбрось немедленно эту гадость!

— Угу! — промычала принцесса, доедая последние зерна.

Прожевав до конца, она показала матери обглоданный кочан и заявила:

— Конечно, мамочка! Сейчас схожу, в урну выброшу.

Она вскочила на ноги и весело унеслась в сторону набережной, а королева принялась выговаривать Джемму:

— Все! Теперь у девочки никакого аппетита за обедом не будет. Да и вообще — ты зачем позволяешь ребенку совать в рот всякую гадость?

— Почему гадость? — спросил Джем, жуя. — Ничего, вроде, очень вкусно...

— Бабки варят эту кукурузу в тазиках для грязного белья!

— А в чем ее еще варить? — сказал Кебаб, выходя из воды. — Специальные кастрюли покупать, что ли?

Он подошел, взял протянутый ему Джеммом кочан, посыпал его солью и заметил:

— Надо же! Везде заметен прогресс. Раньше мы посыпали солью кочаны, размазывая ее грязными руками, а сейчас вон даже специальные пакетики появились.

— На, — предложил Джем кукурузу Белле.

— Я не такая дура как вы, — покрутила она пальцем у виска. — Мне не хочется в молодом возрасте умереть от какой-нибудь заразы.

— Моя королева, я ее с детства ел, варил и продавал, — заметил, жуя, Кебаб. — И до сих пор жив. Как и все остальные вокруг: — он обвел рукой пляж.

— Я не твоя королева. Я его королева, — Белла показала пальцем на Джема.

— Ничего подобного, — не согласился Кебаб. — Вы его любимая женщина. А королева — моя, Эндюльгена, Пахана Родимого и даже, представьте себе, — Хачапуря Волосатого. Хотя, если разобраться глубже, то и Джема тоже...

— Раз я ваша королева, приказываю больше не покупать моей дочери кукурузу на пляже!

Джем, зажав в зубах недоеденный кочан, закатил глаза и рухнул спиной на песок.

— Что с тобой, папочка! — воскликнула подбежавшая Нелла.

— Он изображает из себя акробата, — пояснила королева.

— Пойдем купаться!

— Иди, вон, тебя уже святые отцы заждались.

Белла уселась на песок рядом с Джеммом, который продолжал в положении лежа жевать кукурузу, не открывая глаз. Королева взяла ранее отвергнутый кочан, обильно посыпала его солью и принялась есть. Кебаб, округлив от удивления глаза, поинтересовался:

— А зачем вам был нужен цирк с распеканием Джема? Вы устроили ему взбучку, а теперь сами едите кукурузу.

— Никакой цирк я не устраивала, — ответила она. — Его не надо устраивать, потому что он и так нас окружает, и мы живем именно в этом балагане. А Джемму досталось просто так, чтобы не расслаблялся и Родину любил, а то цирк раскатает его в блин...

Джем, рассмеявшись, приподнялся на локте и обратился к Кебабу:

— Как у тебя дела?

— Плохо, — ответил тот. — Родители мои вернулись с шмордонской каторги, где отсидели двадцать пять лет за контрабанду.

— Что же в этом плохого? — удивилась Белла. — Радоваться надо!

— Я и радуюсь, — уныло ответил Кебаб. — Уже неделю как прыгаю от счастья.

— Как их зовут? — спросила королева.

— Мать — Пахлава́ Медовая; отец — Чурёк Беспонтовый, — ответил Кебаб и продолжил, — вообще-то с детства его прозывали Чуреком Никаким. Но позднее переименовали и лучшего сделать не могли. В отличие от его родного брата Лаваша ему никогда не везло. И если моя мать его полюбила, то, скорее всего, из жалости. Но это не помогло обоим. Отца всегда тянуло в авантюры и редко, когда эти авантюры удавались. Потому и появилось это прозвище. Но мать все равно осталась с ним. И вот результат...

Кебаб ткнул пальцем в себя:

— Плод медовой любви и авантюры.

— В кого же тогда ты, такой неугомонный и драчливый? — поинтересовался Джем.

— А черт его знает! В тетку Чурчхелу, наверное.

— Ты их любишь? — спросил Джем.

— А ты бы стал любить тех, кто бросил тебя в пять лет, отдав при этом в ненасытные лапы Чурчхелы? У кого-то были в жизни любовь и обожание родителей. А у меня — пинки, тычки и упреки, что я мало краду и много ем. Вон, у твоей дочери хоть мать всегда под боком!

— Да я вообще детдомовский, — сказал Джем.

Королева, задумчиво глядя на Носатого, молча слушала его исповедь.

— Тогда ты меня поймешь, — Кебаб нервно ковырял пальцем песок, рисуя на нем замысловатые фигуры. — Я своих родителей и не помню, как следует. Зато открылись кое-какие интересные факты. Оказалось, что перед тем, как связаться с разгульдяйскими контрабандистами, они провели достаточно выгодную сделку с тарахтунскими купцами и неплохо при этом наварились (такое у них иногда бывало). Подумав, что им открылась так называемая «белая жизненная полоса», они подрядились к контрабандистам в сообщники. Перед отбытием мои папочка с мамочкой оставили Чурчхеле (она приходится старшей сестрой моему отцу и дяде Лавашу) достаточно приличную сумму денег; и меня, любящего шоколадные конфеты и мороженое. Теперь они попросили вернуть тагрики, но эта старая лошадь заявила, что целых семь лет кормила меня только шоколадом и пирожными в лучших кафе Джяна! Дескать, это я, тыривший на пляжах деньги и варивший ночами кукурузу, сожрал все родительское состояние! Если б я слопал конфет на такую сумму, у меня в двенадцатилетнем возрасте во рту уже не было бы ни одного своего зуба! Теперь моя мамочка грызется с Чурчхелой, а папочка, узнав, что я герой последней войны, щедро награжденный правительством Джаппурии, настаивает на моем участии в аванюре, связанной с полетами в какую-то республику Кукареллу. Причем — в виде спонсора!

— Тебе надо срочно жениться и завести детей, — авторитетно заявила Белла. — Тогда возникнет совершенно законный повод отказать кому угодно. Дескать, у меня своя семья — идите все к черту!

— Я лучше в гости к Хачапуру схожу, — буркнул недовольно Кебаб.

— Вы, мужики, сволочи! — заявила Белла. — Сунул, дунул и пошел... А женщинам каково?

— Каким? — тут же спросил Кебаб. — Которые у Хачапура?

— Так, пора обедать, — сказала королева.

Она встала, подошла к воде и крикнула:

— Нелла! Хватит купаться! Пора кушать!

Принцесса, под разными предлогами откладывая выход на берег, наконец выползла из волн и Белла принялась вытирать ее полотенцем...

На набережной Кебаб предложил пообедать в каком-нибудь кафе. Но Белла на это сказала:

— Я не собираюсь портить желудок ни дочери, ни себе! У вас здесь не кухня, а тамбур адской приемной. Все блюда состоят из одного жгучего перца, в который по вкусу добавляют вместо соли мясо и овощи.

Джем развел руками, а Кебаб недовольно хмыкнул. Но сразу уехать в Летний Дворец не получилось.

Раньше Беллу и ее дочь возил специальный водитель. Но Джем отказался от него и предпочел управлять королевским шморовозом сам. Во время поездок на пляж он старался выбирать парковку поближе к набережной, но в этот день свободных мест на платной стоянке не было, и потому он оставил машину возле какого-то недостроенного ресторана, справедливо полагая, что она не мешает производству работ, так как уткнута бампером в забор. Оказалось, что он глубоко заблуждался.

Тупо глядя на пустое место перед забором недостроенного ресторана, Джем воскликнул:

— Неужели угнали?

— Вряд ли, — сказал Кебаб. — Скорее эвакуировали. Видишь, вон там запрещающий парковку знак установлен: — и он указал пальцем куда-то в конец улицы.

— Так его не было, когда мы подъехали! — возмутился Джем.

— Ха! — ржанул Кебаб. — Пойди теперь, докажи. Сейчас...

Он достал из кармана шорт шморофон, набрал какой-то номер и приложил трубку к уху. Через несколько секунд Кебаб полностью погрузился в разговор.

— Алло! — кричал он. — Привет, Пахан! Слушай, тут на Чебуречной улице шморовоз королевы эвакуировали! Да, малинового цвета. Давай, родной, выручай! Да знаю я, знаю, что ты не родной, а Родимый! И что у тебя пистолет золотой, тоже знаю... А я — Герой Джаппурии! У тебя есть? Дудки! А у меня — пожалуйста! Плюс пенсия пожизненная. Чтс там твой золотой пистолет против Героя? Учись, недотепа! Что? Пенсию тебе Хачапур назначит?.. Короче, хорош прикалываться! Королева ждет свой шморовоз! И ее хахаль тоже ждет!

Он сунул шморофон в карман.

— Спасибо на добром слове, — с сарказмом в голосе поблагодарил Джем.

— Пожалуйста, — ответил Кебаб. — Зря обижаешься. Был бы ты мужем, никто б тебя хахалем не обзывал.

— Вот-вот, — поддержала его королева.

— А я здесь при чем? — возмутился Джем. — Государственный строй не позволяет.

— Так, — Кебаб решил переменить тему. — Пока шморовоз не вернули, предлагаю зайти в кафе «Синь зеленая». Мужчины тяпнут пивка, а женщины скушают мороженое.

— Ур-ра! — крикнула Нелла, молчавшая до сих пор потому, что была занята обрыванием шишек с ближайшей сосны. Белла, дернув принцессу за руку, заявила:

— Нечего мороженым аппетит перед обедом портить!

— Мамочка! — воскликнула Нелла. — Я уже испортила его кукурузой! Мороженое теперь вообще никак не мешает.

Королева, не обратив внимания на слова дочери, продолжила:

— А пиво пить вредно! Станете толстыми, как министр полиции Квас Ядреный.

Джем с Кебабом переглянулись, но ответить ничего не успели, так как из-за угла вдруг на дикой скорости вылетел шморовоз малинового цвета. Засвистев покрывками, он остановился перед Беллой, водительская дверь распахнулась, и из нее выскочил Пахан Родимый собственной персоной.

Топорщась длинными усами, он поцеловал руку оцепеневшей от неожиданности королеве, кивнул головой остальным участникам зрелища и бархатным голосом заявил:

— Карета подана!

Нелла, пораженная этим зрелищем, хлопнула в ладоши и громко спросила:

— Папочка, это клоун?!

— Хуже, доченька, — ответил Джем, усмехнувшись. — Это их начальник.

Пахан, слегка побледнев лицом, обаятельности отнюдь не утратил.

— Ваше величество! — обратился он к королеве. — Мне пришлось вступить в бой с эвакуаторщиками! Я сражался насмерть, и мне удалось отстоять вашу любимую машину! Теперь она опять принадлежит вам.

— А правда, что все эвакуаторы Джяна работают на вас? — ненавязчиво спросила королева?

— Завистники клеветуют, — обыденно ответил Пахан, шевельнув гигантскими усами.

Он открыл заднюю правую дверь шморовоза и продолжил, но совсем о другом:

— Поведу шморовоз я. Королева с принцессой поедут во дворец, и как только они выйдут, я тут же отвезу Джема на космодром.

— Как это?! — хором вскричали все, включая Неллу.

— Приказ Морса, — пояснил Пахан. — Он уже ждет Джема в космопорту.

— Но почему? — спросила королева и в изумрудных глазах ее блеснули слезы.

— Я застрелю этого Мутного Киселя из лука, который мне сделал папочка! — кровожадно воскликнула Нелла.

— Успокойтесь, дорогие мои, — сказал Джем странно бодрым голосом. — Я скоро вернусь.

Он слегка подтолкнул застывшую перед дверью королеву и нырнул в шморовоз следом за ней. Нелла через водительскую дверь забралась на переднее пассажирское сиденье, опустила вниз стекло и крикнула:

— Пока, дядя Кебаб!

— До встречи, принцесса! — ответил тот задумчиво.

Пахан уселся за руль и шморовоз умчался по Чебуречной улице вдаль. Кебаб, постояв минуту в раздумье, вдруг хлопнул себя по лбу рукой и быстрым шагом направился в сторону ближайшего юридического агентства, рекламная вывеска которого сверкала всеми цветами радуги в ста метрах от него.

Подойдя ближе, Кебаб прочитал: «Офшор Тихий и дочери. Нотариальная контора». Что-то вдруг начало всплывать в его памяти, но времени на воспоминания не оставалось, и потому он смело шагнул в дверь.

В небольшой приемной за столом скучал молодой человек с картонной карточкой, прикрепленной к правому карману его пиджака. На ней имелась надпись, выведенная золотой краской: «Сейф Надежный — делопроизводитель». Сообразив, что это имя, Кебаб произнес:

— Господин Сейф. Я хотел бы переписать кое-что из своего движимого имущества на имя ближайшей родственницы. В этой конторе возможно произвести такое действие?

— Конечно! — воскликнул делопроизводитель, подпрыгнув от счастья. — К вашему сведению, мы работаем четко и без нареканий! Хозяин нашей уважаемой фирмы имеет лучшую репутацию на планете. Он, правда, уже стар и отошел от дел, но его дочери держат планку фирмы на должном уровне!

Кебаб вдруг вспомнил, что его дядя Лаваш, занимаясь оформлением угнанных джамобилей, частенько прибегал к услугам нотариальной конторы, на печатях которой стояло имя какого-то Офшора. И здесь его мозг взорвался более осязаемыми воспоминаниями, и он понял, что нужно быстро уносить ноги из этого заведения! Глаза его лихорадочно забегали по стенам и остановились на двери, которую украшала строгая табличка. Информация, размещенная на ней, гласила: «Афера Прекрасная. Заместитель директора». Кебаб, пятясь, попытался найти спиной выход из конторы, но не успел. Сейф удивленно поинтересовался:

— Что с вами?

В эту секунду дверь со строгой табличкой распахнулась и на пороге возникла Она. В мозгу Кебаба вспыхнул яркий фонарь, своим предательским светом разгоняющий ночную темень на набережной, и делающий юную парочку беззащитной перед взглядами запоздавших туристов. И ее губы, и шепот... Как давно это было! Он, подросток, вкальывающий в гараже своего дядюшки, и она — богатая юная дочь владельца нотариальной конторы, стройная и длинная, угловатая, но все равно прекрасная, готовая на все ради сладкой первой любви...

Увидев выскочившего из-за стола делопроизводителя, Она тут же окинула взглядом приемную, и Кебаб оказался во власти ее карих глаз. Встряхнув копной черных как смоль волос, Афера сказала:

— Ну, наконец-то.

И Кебаб понял, что он пропал!

— Пойди-ка сюда, Герой Джаппурии, — приказала она, поманив Кебаба точеным пальчиком, и зашла в свой кабинет.

— У-у-у, — тихо провыл Кебаб, покорно продвигаясь в указанном направлении.

Сейф услужливо закрыл за ним дверь.

— Ну, — произнесла Афера, оказавшись с Кебабом наедине, — рассказывай, где тебя носило, и почему я должна была столько лет страдать от разлуки?..

Они сидели в кабинете начальника космопорта, предварительно выгнанного прогуляться. Морс передавал Джему запечатанные пакеты, а тот укладывал их в большой черный чемодан.

— Здесь инструкции о дипломатическом протоколе и придворном этикете Шмордона, — рассказывал Морс. — Ознакомьтесь в полете, все равно целую неделю делать нечего будет. Так, а здесь — документы для всего штата посольства. Выдадите их своим сотрудникам в джабле.

— И велик штат? — спросил Джем.

— Нет, — ответил Морс. — Мы не империя. Потому многие должности совмещены. Например: ваш товарищ Батон числится сразу водителем, радистом и инженером специального оборудования... Кстати, здание они уже предоставили. Заплатите за него

золотом (оно находится в джабле вместе с инструкцией — как и куда его девать).

— Куда девать золото? — усмехнулся Джем. — Я разберусь сам.

— Не ерничайте! — осадил его Морс. — Все рассчитано до грамма. Вам придется платить за все золотом, потому что тагрики для них — не валюта. В том числе и за аренду посольского шморовоза. Здание проверьте досконально, чтобы никакие шпионы не смогли вас подслушать. Вот конверт с шифрами. Радиосвязь — если что-то срочное. Все остальное отправляйте дипломатической почтой. Специальный беспилотный джабль станет прилетать раз в две недели. Ваш джабль будет стоять в космопорту Шморы. Место уже зарезервировано. За него тоже нужно будет отсыпать золота, но это, опять-таки, есть в инструкциях...

— Я надеюсь, повара вы предусмотрели?

— Еще чего? — фыркнул Морс. — Вашего жалованья с лихвой хватит для того, чтобы заказывать еду в ресторанах.

— А кто будет замещать меня во время отпуска? — вдруг спросил Джем.

— Батон, — ответил Морс. — Там в пакете с документами есть резервное удостоверение о назначении его временным поверенным в делах. Но я думаю, до этого не дойдет.

— Вы хотите сказать, что наше посольство все равно больше года не просуществует? — возмутился Джем.

Морс, с досадой пожевав губами, сообщил:

— У нас есть сведения, что в Шмордоне неспокойно. Именно с этим и связана спешка с вашим отправлением.

— И откуда взялись сведения?

— Не стоит думать, что только шмордонцы имеют разведку, а мы, дескать, дураки. После подписания мирного договора прошел почти месяц, а Шмор Тринадцатый до сих пор жив. Этот случай не является для Шмордона нормой.

— Получается, что вы опять отправляете меня в самую вонючую дыру, где не то, что жить — выжить невозможно?

— У вас профессия такая, — пожал плечами Морс. — Вы сами ее выбрали. Кстати, на этот раз — высокооплачиваемая.

— Какая профессия?!

— Спаситель Джаппурии, — ответил Премьер-министр, состроив ехидную мину.

— Да-а-а? — у Джема не было слов.

— Я не допускаю мысли, что вы постоянно спасаете наше королевство благодаря своему интеллекту, — заявил Морс. — Эта мысль абсурдна, потому что никаким интеллектом вы не обладаете. Но, тем не менее, приходится признать — вам страшно везет!

Джем, задумавшись, повертел какой-то пакет в руках и сунул его в чемодан.

— Да, тут еще будет посылка, — сказал Премьер-министр.

Он вынул из-под стола длинный картонный футляр, снял с него верхнюю крышку и достал бронзовую розу невиданной красоты. Джем, не обладавший тонким чувством художника, все равно понял, что видит перед собой произведение искусства.

Роза представляла собой копию живого цветка, отлитую в бронзе каким-то гениальным кузнецом, обладавшим невероятным чувством гармонии. При взгляде на нее казалось, что именно этот металлический шедевр послужил Дважды Грохнутому Богу образцом для сотворения столь прекрасного растения. Длиной она была не более локтя, но весила

прилично, если судить по лицу Морса, покрасневшему от натуги.

— Ну вот, — сказал Премьер-министр, кладя розу на стол. — Наконец-то мы сможем исполнить последнюю волю человека.

— Конкретнее, — пожелал Джем, не спуская глаз с цветка.

— Радист Шмора Первого, которого, кстати, звали Дятлом, сдался самым последним. После взрыва бомбы, к которой привязался император, радист помог наладить навигационное оборудование для отправки пустого шмордонского десантного корабля домой. После этого он женился и стал жить как все. Естественно, что он не голодал, так как шмордонские техники и инженеры всегда ценились на вес золота. Но его постоянно терзала одна мысль: почему он не смог предотвратить прыжок Шмора. Видимо, верность императору вколачивается в шмордонцев гвоздями. Правда — неизвестно в какое место, потому что большинство сдавшихся в первую Шмордонскую войну были обезврежены самыми обычными сочинскими шляхами. Но случай с Дятлом особый. На старости лет он занялся кузнечным делом. Эта роза — плод его мастерства. В завещании он попросил передать ее шмордонским властям с тем, чтобы они закрепили ее на памятнике Шмору Великому. В прошлую войну мы просто забыли о его просьбе. А сейчас вспомнили и решили исполнить последнюю волю радиста, тем более, что это нам ровно ничего не стоит, а Джаппурия от последней войны осталась только в выигрыше. Передадите розу императору как знак доброй воли, и этот жест добавит вам политических бонусов.

Джем уложил розу в коробку и спросил:

— Кстати, шпионы Сант и Дивер где? Так и работают на Тринадцатой планете?

— Кто же их подпустит к золоту? Шпионов оттуда убрали. Их вернули в каменоломни.

— У меня будет к вам просьба. Отправьте, пожалуйста, каждому из них по килограмму сосательных конфет.

— Каких конфет? — удивленно спросил Морс.

— Ну, леденцов.

— С повидлом внутри или без?

— Не надо с повидлом. Такие конфеты слишком быстро тают во рту. А нужно, чтобы они сосались до умопомрачения. И каждый месяц посылайте шпионам по килограмму каждому. Стоимость можете вычитать из моего жалованья. Откажутся брать, ничем их больше не кормите. Пусть сосут и вспоминают доброго старину Джема!

— Хорошо, — пожал плечами Морс. — Пора прощаться. Мне, знаете ли, некогда. И так я потратил на вас много времени.

— Что может быть важнее инструктажа посла?

— Беспорядки на Слякоти. Представьте себе, этот осел Крах — министр экономики — организовал счет и призвал жертвовать деньги на установку памятника Комару-освободителю. Не поверите, но люди прислали около двадцати миллионов тагриков! За такие деньги можно не то что памятник — мавзолей построить. И вот перед зданием правительства появился монумент из бетона высотой всего полтора метра. Самое интересное — бюст комара. Голова с глазами, хобот и начало крыльев. Больше ничего. Группа жертвователей написала на Краха клязу в прокуратуру, подозревая его в откровенном воровстве. Тот через газеты ответил, что денег на производство полной фигуры не хватило в связи с тем, что работа была поручена известному скульптору по имени Торч Астральный, который высоко ценит свой труд.

— Это он изваял в городе Колотуне на Дубаре скульптурную группу, состоящую из

белого медведя с моржом? Там у медведя на голове лосиные рога, а у моржа из пасти вместо клыков торчат две бутылки водки?

— Да. Но у меня есть сведения, что скульптор, одухотворенный патриотическим порывом, не взял с Краха ни тагрика! Короче, народ в Заквакинске третий день выходит на демонстрации с требованием обломать обоим (и заказчику и скульптору) рога, ноги, руки и вообще все, что торчит...

— Отправьте этого Краха к Санту с Дивером и добавьте еще один килограмм конфет от меня.

— Все, — произнес Морс. — Идите в свой «Ландыш». Он стоит на седьмой стоянке.

— Мой джабль называется «Нежный бутон юности» — напомнил Джем.

— Назывался, — поправил его Морс. — Теперь у вас новый звездолет. Посол не должен летать на ржавых джаблях. Ну, а по поводу названия... Шмордонцы вернули джабль «Дыра в сортире», угнанный шпионами. Министр полиции Квас опять обратился к королеве с просьбой переименовать его. В связи с победой сердце королевы оттаяло, и она выполнила просьбу, но частично. Теперь его джабль носит другое название. Но не «Звезда в законе», как желалось министру, а «Флакон в салоне»... В том же указе она распорядилась присвоить посольскому джаблю имя «Ландыш моей любви». Пользуйтесь на здоровье!

Джем, уже вставший со стула, вынужден был опустить свой зад обратно.

— Черт знает что! — воскликнул он. — Морс, знаете, а давайте поменяемся джаблями!

— Давайте! — тут же согласился Премьер-министр, не раздумывая.

— И как называется ваш? — с подозрением спросил Джем.

— Я вам еще и свой шмороз в придачу загружу, — предложил Морс.

— Так каково его название, — не клюнул на приманку Джем.

— И водителя дам. Пусть потренируется в Шморе. Говорят, там уличное движение напряженное...

— Имя!!! — заорал Джем.

— «Крышка гроба» — с отвращением произнес Морс.

Джем молча вскочил со стула, схватил чемодан, сунул под мышку коробку с розой и скорым шагом пошел к двери.

— А как же обмен джаблями?! — крикнул ему в спину Морс.

— Я лучше на «Ландыше» полетаю, — ответил Джем, не оборачиваясь. — Имя как имя...

Неожиданно дверь распахнулась и в кабинет, чуть не сбив Джема с ног, влетел запыхавшийся Кебаб. Вид его был ужасен! Мало того, что вся одежда Кебаба представляла собой ком измочаленного тряпья, лицо его сплошь краснело отпечатками губной помады.

— Ф-фу, успел, — сказал он, взмахнув руками.

— Куда успел? — спросил Джем.

— Короче, переписал я бóльшую часть своего наградного состояния на мамочку. Ну, и еще кое-на кого... Пусть занимаются, чем хотят. А люблю я их или нет — какая разница. Ведь они произвели меня на свет! Ну и спасибо им большое. Можно сказать — рассчитался я с ними за это... Так, где джабль? Поехали! Срочно! А то будет поздно! Если меня догонят, уже не получится вырваться! Я и так вышел только за сигаретами, хотя, если честно, не курю по жизни!

— Стоп! — вмешался Премьер-министр, вставая из-за стола. — Вы никуда не едете. Вас нет в штате посольства, и потому аккредитационные документы не готовились.

— Плевать! Выпишите мне справку, что я работаю водителем.

— Водитель уже есть.

— Еще один будет... Ну, на худой конец — поваром назначьте. Я кукурузу варить умею!

— Прекратите! — крикнул Морс, нервничая. — Штат согласовывался с Шмордоном!

Документы готовились две недели. Никуда вы не полетите!

— Полетит, — сказал Джем, поворачиваясь к Морсу лицом. — Иначе не полечу я. И если мне придется остаться здесь, то я обещаю вам в течение месяца устроить революцию, сопряженную с бунтом и государственным переворотом, ибо семейная жизнь несколько скучна для такого человека как я.

— Да летите, куда хотите, — каркнул Морс, устало падая на стул. — Пусть одного из вас посадят за провоз запрещенных мигрантов, а второго — за незаконное пересечение границы и шпионаж.

— За нас не беспокойтесь, — посоветовал Джем. — Лучше подготовьте на Кебаба нужные документы и отправьте их курьерским джаблем.

— Да-да-да! — истерически замахал руками Морс. — Проваливайте скорее! Счастливого пути!

Джем с Кебабом вышли из кабинета и громко хлопнули дверью.

В дверях шлюзовой камеры джабля их встретили двое. Первым был Хапс, а вторым — неизвестный сутулый индивидуум с недобрим лицом, кривыми ногами и большим острым животом.

— Здорово, каторжники! — радостно крикнул Хапс, ослабившись.

Кебаб тут же полез обниматься. Хапс отбившись от него, представил второго встречающего:

— Это бывший начальник полиции Заквакинска. Зовут его Отжимом. Он назначен начальником службы безопасности посольства. Правда, вся эта служба состоит из него одного...

— А куда пристроили тебя самого? — спросил Джем, ставя на пол тяжелый посольский чемодан.

— Ха! — ржанул Хапс. — На моей службе в полиции поставлен тяжелый и жирный крест. Я теперь посольский служащий: делопроизводитель и пресс-секретарь!

Кебаб захохотал. К нему тут же присоединились Джем и сам Хапс. Только Отжим почему-то не смеялся. Цепкими прищуренными глазами он с подозрением разглядывал горбатый нос Кебаба, украшенный пятнами губной помады.

— А где остальной штат посольства? — поинтересовался Джем.

— Это и есть весь штат, — весело ответил Хапс. — Еще Батон в рубке сидит...

Кебаб, заметив взгляд Отжима, перестал смеяться и спросил:

— Что ты на меня так смотришь?

— Не ты, а вы, — ответил Отжим. — Мы с тобой водку не пили, а должность, которую я занимаю, требует уважительного ко мне отношения... Больно ты похож на самого обычного разгульдяйского пирата. Ну-ка, документы показали! Оба!

Джем с Кебабом переглянулись, подмигнули друг другу и молча двинули кулаками в глаза Отжиму (Джем правым, а Кебаб левым). Начальник службы безопасности посольства тут же грохнулся спиной на пол и потерял сознание.

— А я его предупредал, — сообщил Хапс. — Нудный он какой-то... Хорошо лежит (в

отличие от его прозвища).

— И какое у него прозвище? — спросил Джем, подхватывая чемодан.

— Чтоплохолежим, — ответил Хапс.

Вся компания дружно рассмеялась и отправилась по коридору в сторону рубки, оставив отдыхать Отжима на полу.

У Батона вид был — в гроб краше крадут. Лицо его напоминало незрелую синезеленую сливу, а белки глаз покрывала сетка лопнувших капилляров. С унылым видом он поздоровался с друзьями и заявил:

— Ох, хорошо, что вы наконец появились, драть мои копыта! Думал — помру, пока вас дождусь. Стартуйте сами, а я пошел ставить себе капельницу.

— Что с тобой случилось?! — встревожился Джем. — Ты отравился?

— Можно сказать и так, — ответил Батон. — Я же целый месяц провел у себя дома, на Дубаре. А поскольку я теперь национальный герой — спаситель Джаппурии, то все официальные лица, родственники, друзья-товарищи и прочие люди (включая туристов) захотели со мной выпить. Отказывать нельзя. Традиция такая. Вот и пришлось потрудиться. Эх-ма! Интересно, у меня за это время печень не рассосалась?

Он встал и, стая на ходу, вышел из рубки.

— Ладно, — сказал Джем. — Пусть лечится. Я запускаю двигатели; Кебаб, проверь навигационный блок и свяжись с космопортом. Хапс, займись этим приставалой, который в коридоре валяется. А то сейчас стартанем, он головой ударится, тогда будет с экипажа абонемент на посещение туалета требовать...

Через несколько минут посольский джабль, прорезав стратосферу, вышел в космос и направился в сторону Шмордона.

ШМОРДОН. ПОСЛЕ ДРАКИ

Заседание Государственного Совета должно было начаться через полчаса. Шмор Тринадцатый, готовясь сделать важное заявление, расхаживал по кабинету и повторял про себя речь, заранее составленную для этого мероприятия.

Двери распахнулись, и в кабинет въехала инвалидная коляска, в которой с костылем в руках сидел лорд Крокозябл. Коляску толкала перед собой жена посла. Даже сидя лорд Крокозябл дрожал и шатался, не имея сил для удержания тела в прямом положении. Дизентерия высосала из него все соки, и хотя была уже побеждена, организм шмордонского посла только начинал восстанавливаться после тяжелой болезни.

Вид лорда был жалок, но на лацкане его пиджака победно сверкала всеми цветами радуги бриллиантовая звезда высшей награды Шмордона — ордена Чести. Став кавалером этого ордена, лорд Крокозябл получил право бесплатно гулять в столичном ботаническом саду и ковырять в зубах вилкой в любом ресторане империи. Два этих обычая были очень древними и потому почетными, но здоровья никак не добавляли, в связи с чем посол имел далеко не радостное выражение лица.

Зато леди Крокозябл, растянув губы до ушей, светилась самой лучезарной улыбкой, ибо дизентерией не болела и была награждена большой золотой медалью «За верность Шмордону», которая болталась, приколотая к правой стороне ее платья чуть выше груди.

Эта награда не позволяла бесплатно гулять, где бы то ни было, равно как и ковырять вилкой в любой части тела, но свидетельствовала о заслугах перед империей и существенно тешила самолюбие.

Император, приветливо улыбаясь, подошел к коляске и дружески пожал костлявую ладошку посла.

— Леди, оставьте нас вдвоем, — сказал Шмор.

Улыбка тут же слетела с губ Крокозяблихи, и она спросила:

— Ваше величество, разве я могу вам помешать?

— Нет, что вы! — вежливо ответил император. — Но мы с вашим мужем дружим с детства и у нас есть свои маленькие секреты.

Недовольно поджав губы, жена посла вышла за двери.

Император взялся за поручни и, подкатив коляску к окну, встал рядом с ней. Взгляду Шмора и лорда Крокозябла представилась Центральная площадь столицы. Вокруг стальной бомбы памятника Шмору Великому сновали какие-то люди с инструментами в руках.

— Что они делают? — поинтересовался Крокозябл.

— Прорезают в бомбе форточку, — ответил Шмор.

— А-а-а, — с пониманием протянул посол. — А во-он тот с метлой? Что-то мне его фигура знакома.

— Это маркиз Шухер. Точнее — бывший маркиз. Теперь он дворник и в его обязанности входит следить за порядком вокруг бомбы и внутри нее. Кстати, бывшее имение маркиза отойдет к тебе. Приказ уже подписан мной.

— Спасибо, — безразлично сказал посол, и вдруг, встрепенувшись, заговорил быстро и горячо. — Шмор, помоги мне! Сделай что-нибудь! Я ее боюсь! Мне каждую ночь снится, будто она хоронит меня заживо в одном из склепов, принадлежащих ей. Знаешь ее имя до того, как она стала леди Крокозябл? Ее звали Мегерой! Бр-р-р! А что она вытворяет со мной

в постели?! Уму непостижимо! Я, если хочешь знать, и выздоравливать не хочу, потому что болезнь дает повод прикинуться неспособным к выполнению супружеского долга. И отбываю сегодня в Джаппурию только потому, что у нее есть какие-то дела, связанные с покупкой скотомогильника в Боскории, и она вынуждена лететь туда. Помогите мне!

Император, улыбнувшись так, чтобы это не было видно послу, спросил:

— И чем же я могу тебе помочь, Зябл?

— Посодействуй с разводом!

— Но ведь вы венчались в церкви. А это — ведомство пропистора Инквизита, который формально никак мне не подчиняется, так как церковь у нас отделена от государства.

— Но ты ведь имеешь на него влияние, — голос лорда Крокозябла стал жалким.

— Имел, — сказал император. — Но несколько дней назад я произвел секуляризацию церковных земель. Теперь Инквизит плюется слюной в мой адрес и возносит молитвы только за наследника престола, полагая, что тот вернет церкви отобранные земли, как только придет к власти. Но ты не переживай. Я что-нибудь придумаю.

— Спасибо! — от всей души поблагодарил Крокозябл.

В дверь постучали, и в кабинет всунулась голова Вискерса.

— Разрешите войти? — спросил граф.

— Да, — кивнул головой император. — Можете говорить свободно. От лорда Крокозябла у меня нет секретов.

Вискерс принялся докладывать:

— Прибыл джабль с посольством Джаппурии.

— И как он называется?

— «Ландыш моей любви».

— Гм, — сказал император и улыбнулся.

— Посольство немногочисленно, — продолжил граф. — Оно состоит из пятерых человек. Четверо — люди, захватившие наследника в плен на Тринадцатой планете. Пятый — странный человек по имени Отжим Чтоплохолежим. У него под глазами две громадные черные гематомы. Видимо, у джаппурцев такая мода. Но у одного из них нет вообще никаких документов. Посол по имени Джем Баламут заявил, что документы в спешке не успели подготовить вовремя и через две недели их доставят в курьерском джабле. Зовут этого человека (у которого нет документов) Кебаб Носатый. Всех членов посольства мы перевезли в предоставленное им здание, а Кебаба оставили в джабле, запретив покидать корабль...

— Но мы же не варвары! — с досадой воскликнул император. — Пошлите за этим Кебабом мой личный шморовоз с водителем. Пусть перевезет его в здание посольства. Предупредите, чтобы не выходил за ворота, пока не появятся документы. Да, а послу назначьте аудиенцию. Сообщите, что я приму его сразу после заседания Государственного Совета.

— Будет сделано! — отрапортовал Вискерс и вышел из кабинета.

— А что за здание им выделили? — поинтересовался лорд Крокозябл.

— Отдельный флигель, который принадлежит Министерству Безопасности Шмордона. Лорд Хлебазл (еще когда пил не стаканами, а рюмками) лет десять назад изрыл в этом флигеле весь фундамент подземными ходами и понаделал в здании потайных комнат. Шпионь — не хочу.

— В Джаппурии нам тоже выделили новый дом, — задумчиво произнес Крокозябл. — Слава богу, он находится не в Усосанном Лесу, а в городе Заквакинске между офисными

зданиями министерства полиции и «Фонда охраны сусликов». Интересно, нет ли и там потайных комнат? Но главное в том, что в Заквакинске почти не бывает комаров! Ладно... Я вообще-то заехал попрощаться. Жаль, что мы с тобой никогда больше не увидимся.

— Не паникуй, Зябл, — император положил ладонь на плечо своего друга. — Ты обязательно поправишься, а проблему с женой я как-нибудь решу.

— Да я-то поправлюсь. А ты?

Шмор понял, что друг детства намекает на суицидальный обычай императорской фамилии и думает, что речь, которую сегодня должен произнести Шмор на заседании Государственного Совета, связана именно с порядком очередного самоубийства. Императору в голову пришла мысль, что и остальные чиновники думают о том же...

Неожиданно двери распахнулись, и в кабинет влетел Шмореныш.

— Доброе утро, отец! — радостно крикнул он. — Здравствуйте, лорд Крокозябл. Я восхищен вашим героизмом! Вы — истинный шмордонец!

Император с послем приветливо кивнули головами.

— Отец, извини, что я вмешиваюсь в такое дело, — возбужденно заговорил Шмореныш, — но вдруг ты еще не решил, как с собой поступить? У меня созрел ряд идей. Первая: можно привязаться к баллистической ракете, подняться в стратосферу и взорваться там. Представь — куски твоего императорского тела разлетятся над огромной территорией! Вторая идея...

— Пошел вон! — крикнул император, потирая зачесавшуюся вдруг ладонь.

— Да-да, понимаю, — произнес Шмореныш, пятясь к дверям. — Ты, наверное, все уже решил. Но если что — я всегда помогу умными идеями!

Шмор выхватил из рук Крокозябла костыль и швырнул его в наследника. Но тот успел юркнуть в коридор, и костыль грохнулся об косяк.

— Все хотят меня похоронить! — недовольно сказал Шмор.

— Традиция, — кивнул головой Крокозябл.

В проеме открытых дверей, осторожно осматриваясь, возник граф Вискерс.

— Совет собрался, ваше величество, — доложил он.

— Ты будешь присутствовать? — спросил Шмор у посла.

— Нет. Меня ждет корабль, — ответил Крокозябл. — Да и слаб я для таких душещипательных мероприятий. Прощай, Шмор.

— До свидания, Зябл, — странно сказал император и вышел из кабинета.

Состав Совета был прежним, если не считать отсутствия лорда Надолба, назначенного комендантом офицерского общежития на одной из военных баз близ границы с Тарахтунской республикой. Шмор, оглядывая чиновников, задерживал взгляд на том или другом лице и в глазах присутствующих видел нездоровый блеск любопытства. В этот раз спал только Хлебазл. Пропистор Инквизит, ерзая на стуле от нетерпения, дрыхнуть не собирался.

Император вспомнил, что по прибытии в Шмордон врачи просветили желудок святого отца рентгеном и никакой рюмки там не обнаружили. Шухер, сидевший в одном помещении с Инквизитом, клялся, что стеклянный сосуд из пропистора не выходил. Ни сверху, ни снизу. Да и с чем ему, спрашивается, выходить, если их обоих почти не кормили? Получалось, что желудок Инквизита попросту переварил рюмку.

Пропистор тут же объявил этот факт чудом и теперь готовился к зачислению в сонм

святых апостолов, а паства начала выстраиваться к нему в очередь за получением благословения и исцеления от всех недугов.

Говорили, что у Инквизита открылся дар врачевателя, и он даже смог воскресить какого-то покойника, но император этим слухам не верил, считая пропистора жуликом в рясе и предлагая подсунуть ему какого-нибудь безногого; пусть, мол, конечности ему отрастит...

Шмор, решив больше не затягивать, встал и начал говорить:

— Господа! Я собрал вас здесь для того, чтобы сделать важное заявление. Итак, на протяжении двухсот лет мы ведем войну с мощным и хитрым противником, имя которому — королевство Джаппурия. Война получилась затяжной, но у нас есть успехи. На основании последнего Договора о мире, который мы заключили, Джаппурия перестала быть независимой. Она приняла наши условия и теперь открыты все границы для торговли и туризма. Наши корабли могут передвигаться в системе Джаппурии, садиться на их планеты; мои подданные имеют право получать визы в посольстве Джаппурии в Шмордоне и путешествовать, где им захочется. Посол Джаппурии уже прибыл в Шмору и уже сегодня откроет двери своего посольства для всех желающих его посетить. Поэтому я констатирую следующий факт: мы победили в войне! Победа, конечно, не полная, но такой грозный враг требует особого подхода, и нам есть к чему стремиться. Есть вопросы?

Чиновники сидели как громом пораженные. Лишь один Инквизит, хитро прищурился, с подленькой улыбкой на лице качал удовлетворенно головой. Крокозябл-старший, потирая руки, поинтересовался:

— Ваше величество, я так понимаю, что самоубийства не будет?

— Какое самоубийство, если мы победили? — переспросил Шмор.

Крокозябл задумчиво кивнул головой.

— Отец! — раздался вдруг вопль Шмореныша, вскочившего с места. — Я понимаю тебя! Но ты не виноват. Во всем виновен я! И если ты не хочешь погибнуть ради чести, то это сделаю я! Привяжите меня к ракете и отправьте ввысь!

— Заткнись! — грозно крикнул Шмор. — Честь Шмордона не задета! Поздравляю всех с победой! Господин Крокозябл, потрудитесь передать мою речь в средствах массовой информации. Вице-адмирал Кернер! Организуйте завтра во всех городах Шмордона праздничный салют в честь частичной победы над Джаппурией. Все свободны!

И Шмор, злорадно ухмыльнувшись, обвел глазами лица чиновников.

В приемной, куда проводили Джем, находился лишь тощий аристократ, одетый в красивый мундир с аксельбантами. Он с критической улыбкой на лице осмотрел джаппурского посла с головы до ног, зачем-то нырнул под стол, за которым сидел, потом встал и вышел в центр комнаты.

— Джем Баламут? — осведомился тощий в аксельбантах.

— Видите ли, — сказал Джем, испытывая неловкость от бронзовой розы в коробке, зажатой под рукой, — прозвища в Джаппурии даются негласно и никакого отношения к имени не имеют. Поэтому прошу называть меня просто Джемом.

— Хорошо, — с готовностью кивнул головой тощий. — Прошу за мной.

Он вошел в кабинет, и Джем последовал за ним. Сразу за дверью тощий торжественным голосом оповестил:

— Джем Баламут, посол Джаппурии!

«Ну ладно, сволочь, — подумал Джем, перешагивая порог императорского кабинета. — Я еще найду способ тебя уделать!»

— Ваше величество, — заявил тощий, обращаясь куда-то вдаль кабинета. — Посол сказал, что прозвище «Баламут» нежелательно к употреблению. Прошу вас обратить на это внимание, дабы не оскорбить чувства благородного посланника Джаппурии.

«Ну, гад!» — опять подумал Джем. — Я тебе устрою чувства! Вот только с Кебабом сначала посоветуюсь».

Император, сидя за длинным столом, молча разглядывал джаппурского посла. Джем стало неловко. Он почувствовал себя некоей лягушкой, засунутой под окуляр микроскопа. Да еще мешала зажатая под мышкой коробка. Джем поставил ее на стол и заявил бодрым голосом:

— Ваше величество, от правительства Джаппурии — с наилучшими пожеланиями!

Он указал рукой на коробку с розой и положил сверху верительную грамоту.

— Здравствуйте, господин посол, — наконец сказал император. — Мне сообщили о вашем подарке. Вискерс, принесите.

Тощий в аксельбантах схватил коробку и перенес ее на другой конец стола. Шмор отложил в сторону верительную грамоту, даже не взглянув на нее, лично снял крышку, достал розу и залюбовался ею.

— Прекрасное творение человеческих рук, — заметил он негромко. — Кстати, садитесь, Джем. Ноги созданы для ходьбы, а не для стояния.

Джем молча уселся на один из диванов, стоявших вдоль стен кабинета. Шмор, продолжая рассматривать розу, кивнул головой в сторону тощего с аксельбантами:

— Это граф Вискерс. Мой личный секретарь. Поддерживайте с ним контакт и вообще — обращайтесь к нему с любыми вопросами.

Вискерс, застывший в дверях, услужливо поклонился. Шмор продолжил:

— Надо будет присвоить этому радисту, как его там, Дятл?.. Вот-вот, присвоить этому Дятлу медаль. Посмертно. Я думаю, в Джаппурии смогут прикрепить ее к могильному памятнику.

— Какую, ваше величество? — поинтересовался Вискерс, доставая из кармана записную книжку.

— На ваше усмотрение, — ответил император, кладя розу в коробку. — Напечатайте приказ, и я его подпишу.

— Только золотую не надо, — сказал Джем. — И серебряную тоже.

— А бронзовую? — живо спросил Вискерс.

— Также нежелательно, — ответил Джем. — Цветной металл — лакомый кусок для воришек.

— Знаете, у нас такие же проблемы! — воскликнул Шмор. — Монумент Шмора Великого видели?

— Да, — сказал Джем. — Из посольского особняка открывается вид как раз на него.

— На стальной бомбе отлит герб императорской фамилии, который покрыт сусальным золотом. Представьте себе — его постоянно слизывают! Раньше бомба была под электрическим напряжением, но сейчас по некоторым, гм... причинам пришлось ток отсоединить. И теперь народ Шмордона, включая гвардейцев, опять присасывается к изображению! Крокозябл-старший (я думаю, вы с ним знакомы) посоветовал смазывать герб касторкой. Не помогло! Только дворнику работы прибавилось!

— Покрасьте герб серебрянкой, — предложил Джем.

— Хм... хорошая идея, — на секунду задумался император. — Да, о медалях... Может, наградить Дятла деревянной?

— Таких у нас нет, — сообщил Вискерс.

— Вы напечатайте приказ, а я его подпишу, — сказал император. — Вы, Джем, не будете возражать?

— Нет, — ответил посол, которому становилось все веселее и веселее. — Награда шмордонцев (пусть даже бывших) — дело властей Шмордона. Да хоть каменную медаль присвойте! Покойнику все равно, а мне — тем более.

— Я рад, что у нас с вами по этому поводу мысли сходятся, — сказал император и впервые улыбнулся.

— Так какую медаль учреждать? — поинтересовался Вискерс. — Деревянную?

— Вы же слышали посла? — император, продолжая улыбаться, покачал головой. — Каменную!

— Понял, ваше величество, — кивнул головой Вискерс, продолжая что-то записывать в книжку. — Предлагаю назвать ее «За верность чести».

У императора улыбка вдруг слетела с губ, и он заметил:

— Без излишнего пафоса, Вискерс. Назовите ее так: «За потуги совести предателя».

— Слушаюсь!

Из приемной вдруг донесся звук шморофонного звонка.

— Извините, — сказал граф и исчез за дверью.

— Господин посол, — обратился император к Джем. — Залог наших добрососедских отношений — ваша визовая политика. Я верю, что вскоре мы вообще сможем отменить визовый режим, и тогда между нашими государствами возникнет небывалая ранее культурно-политическая связь. Что вы думаете по этому поводу?

Джем, улыбнувшись, ответил:

— Ваше величество, на пути к вам я увидел перед дверями нашего посольства очередь из людей, желающих получить визы для посещения Джаппурии с туристическими целями. Это хорошо и потому радует нас. Но все дело в том, что лица этих туристов имеют стопроцентную схожесть с лицами шпионов, виденных мною ранее в тех местах, где я тоже какое-то время находился.

— Да? — удивился Шмор. — Скорее всего, вы принимаете обычную серьезность шмордонцев за принадлежность их к шпионской организации. Поверьте, это не так. Подданные империи сдержанны в чувствах при посещении учреждений. По моему мнению, данный факт только добавляет им позитива, выгодно отличая от ваших безалаберных соплеменников, улыбающихся даже во сне.

— Возможно, — сказал Джем. — Но в очереди стоят только мужчины!

— Ну, женщины пока боятся посещать ваше королевство. Ведь сколько лет мы воевали... Короче, мы с вами не малые дети и понимаем, что залог существования любого государства — информация о соседях. А кто дает эту информацию? В первую очередь — разведка. Потому прошу вас не акцентировать более этот вопрос. Попался шпион — туда ему и дорога. Извинения принесли? Да. Значит, все нормально, потому что это обычная межгосударственная практика. Вон, посол Тарахтуна каждый день заявляет протесты. И что? Мы извиняемся, и жизнь продолжается прежним порядком. Торговля процветает, а наши туристы летают отдыхать на их воды.

— Тоже одни мужчины? — спросил Джем.

— Менталитет у наших женщин таков, — пояснил Шмор. — Не любят они ездить в опасные места.

«Как же, — подумал Джем. — Хорошо, что они пока шлюх для шпионских целей не предназначили. Когда догадаются это сделать — вообще никакой жизни от шпионов не станет».

В дверях возник Вискерс, который доложил:

— Международный скандал, ваше величество!

— Надо же! — удивился Шмор. — И в чем его суть?

Вискерс, блестя мокрыми губами, радостно принялся рассказывать:

— Вы изволили отправить шморовоз с водителем за неким Кебабом, прибывшим к нам без соответствующих документов. Этот Кебаб на пути из космопорта уговорил водителя подвинуться и сам уселся за руль. На одном из перекрестков он не пропустил колонну танков, двигавшуюся на запрещающий красный сигнал светофора, и врезался шморовозом в одну из бронемашин. Водитель, вылетев из салона через заднее стекло, практически не пострадал, а Кебабу пришлось оказывать медицинскую помощь, так как его нос от воздействия руля сломался и прилип к щеке.

— Мы возместим ущерб, — подал голос Джем.

— Кому, танку? — поинтересовался Шмор. — Не берите в голову. А шморовоз — тьфу! Крокозябл новый подарит. Другое дело — правила дорожного движения в Шмордоне нужно уважать и соблюдать!

— Так, по словам графа Вискерса, танки ехали на красный свет! — возмутился Джем.

— Хм, — довольно хмыкнул император. — Согласно правилам дорожного движения Шмордона — танки ездят на любой сигнал светофора. Потому что они танки! И все. Видите ли, у нас не принято обучать военных лишним делам. Типа — различать цвета светофора, ну, и так далее. Если военным забивать головы такими глупостями, то они станут много думать, а от этого будет только вред. Сами рассудите, какова польза от военного, решающего на перекрестке, ехать ему дальше или нет? Ладно. Не выпускайте вашего Кебаба из посольства, пока не появятся документы на него. И в роли водителя не используйте. А то у нас здесь не только танки по дорогам ездят. Вы свободны!

Джем, встав с дивана, произнес:

— Спасибо за радушный прием, ваше величество. Надеюсь, отношения между нашими странами сложатся самым наилучшим образом.

Император, не вставая, предложил:

— Может, останетесь на обед?

— Спасибо, — ответил Джем. — Но мы только что прибыли и не успели еще обосноваться. А у ворот посольства уже стоит очередь желающих получить визы. Поэтому прошу вас отпустить меня.

— Понимаю, — кивнул головой Шмор Тринадцатый. — Я вас не задерживаю. Вискерс! Проводите господина посла.

Джем отвесил предусмотренный этикетом поклон и вышел из императорского кабинета. Вискерс, захлопнув двери, подошел к Джемму и спросил ненавязчиво:

— Джем, не желаете ли слегка выпить?

Посол Джаппурии вдруг понял, что ему просто необходимо расслабиться. Причем срочно!

— Да! — воскликнул он.

Вискерс, не делая лишних движений, метнулся к своему секретарскому столу и у него в руках вдруг оказались две рюмки, наполненные коричневой жидкостью, источающей запах спелого винограда, жаркий свет звезды и морозную свежесть синих полярных льдов. Джем, взяв одну из рюмок в руки, спросил:

— Надеюсь, вы не мажете касторкой бутылки, чтобы никто из посторонних их не лизал?

— Что вы, как можно! — воскликнул Вискерс и, подмигнув по-приятельски, осушил свою рюмку.

Джем, последовав его примеру, проглотил жидкость, и коньяк пролился ему в рот, разделяясь на маленькие жгучие ручейки, приятно расправлявшие все существо Джема, включая крылья, которых, естественно, не было, но захотелось вдруг заиметь.

Перед носом Джема возникла рука Вискерса с зажатой в ней долькой мандарина.

— Закусите, — сказал граф.

Джем взял предложенную дольку и положил ее в рот, хотя коньяк был настолько хорошим, что закусывать его не требовалось. И только после этого действия он вдруг понял, что в лице Вискерса сегодня обрел если не друга, то очень нужного человека.

— Спасибо, граф, — сказал он. — Ваш коньяк выше всяческих похвал!

Вискерс просто расплылся от удовольствия.

— Звоните мне по любому поводу, — сказал он. — Я всегда на связи.

— Непременно, — ответил Джем, пожимая протянутую ему руку. — До свидания.

Он вышел из приемной, совсем неожиданно для себя осознав, что не испытывает враждебных чувств ни к императору, ни, тем более, к Вискерсу. В голове его сразу же возник вопрос: «А что я здесь тогда делаю?» И прозвучал немедленный ответ: «Пьешь вражеский коньяк, сволочь».

Джем, хмыкнув, пошел к выходу, испытывая лишь чувство свободы, захлестнувшее его полностью.

Ночами было душно, так как за день стальная бомба прогрелась весенними лучами звезды по имени Шмордон. Но несколько дней назад в корпусе памятника прорезали окошко, и теперь свежий воздух по ночам тешил узника.

В первую же ночь после появления форточки в оконном проеме возникло лицо Шмореньша, которое заявило:

— Не бойся, Филер, я с тобой! Скоро поставят кондиционер. Я сэкономил деньги, данные мне отцом на покупку нового электрического велосипеда. На фиг он мне нужен? Я уже договорился и скоро тебе станет прохладно. Я подданных не бросаю в беде, как отец, выдавший Дивера с Сантом этому джаппурскому чудовищу по имени Джем Баламут. Хотя, если честно — никаким чудовищем он не является... Просто враг и все. Не переживай. То, что отец не хочет покончить самоубийством — временный фактор. Он все равно к этому придет. Наследственность! Вот тогда я тебя выпущу из этой бочки...

Форточка, столь желанная ранее, добавила неудобств. По ночам теперь барон не мог спать из-за чмокающих звуков, сопровождающих обсасывание позолоченного герба. Эти звуки преследовали его от заката до рассвета, и потому каждое утро Филер вставал с больной головой.

На третий день после заявления Шмореньша о скорой установке кондиционера, с первыми лучами света дверь, прорезанная в бомбе, открылась, и внутрь шагнул бывший маркиз Шухер. Филер улегся в койку, чтобы не мешать, а Шухер, работая метлой, рассказал:

— Прибыл посол Джаппурии. Тот самый Джем, который победил Шмора Двенадцатого и нынешнего, герб ему в живот! Последний, дважды герб ему в живот и гаубицу в противоположную сторону тела, никак не хочет убиваться. Заявил, что война закончилась поражением Джаппурии. Народ Шмордона пока в ступоре, но скоро, мне кажется, прозреет. Нет, не усидеть ему на троне.

Филер, лежа в койке, смотрел на метлу Шухера и молчал. Дворник, закончив мести, сказал:

— Я вижу, вам тут установили раковину с краном и санузел. Раз есть вода — пол помоете сами.

— Делать это положено именно вам! — возмутился барон.

— Кем положено? — спросил, усмехнувшись, Шухер. — Императором? Вот и пожалуйте ему. Я маркиз, и мне не пристало мыть полы какому-то барону!

— Вы уже не маркиз, — сказал Филер.

— Так же как и вы не барон, — парировал Шухер. — Но я — как дворник — получаю жалованье и имею возможность после работы накатить рюмочку в кабаке, который находится как раз напротив вашей бомбы. А вы — нет. Поэтому мойте полы сами!

Шухер, выйдя, хлопнул дверью, которая тут же зазвенела закрываемыми с той стороны засовами. Гвардейцы, защелкнув замки, принялись ходить вокруг бомбы кругами, плотоядно разглядывая позолоченный герб на ее боку. Филер, не вставая с койки, решил поспать, поскольку ночью ему этого сделать не удалось. Не тут-то было!

Замки опять зазвенели, дверь отворилась, и внутрь шагнул новый посетитель. Им оказался лорд Хлебазл, который с утра уже был слегка нетрезв, но пока еще не пьян, поскольку стакан коньяка, выпитый им натошак, никак не мог сказаться на самочувствии

столь закаленного жизнью котрразведчика.

Филер, свесив ноги с кровати, вынужденно принял сидячую позу, ибо прекрасно понимал ситуацию, в которой оказался. Как известно, даже в одном отдельно взятом государстве службы разведки и контрразведки разведены законом в разные углы ринга (иначе никакого государства не будет, ибо объединить их в одно целое захочет лишь идиот, ничего не понимающий в жизни). Поэтому Филер, оказавшийся во власти Министра Безопасности Шмордона, совсем не собирался его дразнить.

— Приветствую вас, барон, — сказал Хлебазл, усаживаясь на табурет тюремного вида.

— И вам того же, — осторожно ответил Филер.

Следом за Хлебазлом вошли два человека, одетые в робу и, осмотревшись, принялись сверлить дрелью стену как раз над форточкой.

— Что они делают? — поинтересовался Филер.

— Сверлят стену, — невозмутимо ответил Хлебазл.

Филер, сдержав ругательство, собравшееся сорваться с его языка, задал вопрос конкретнее:

— Зачем они сверлят стену?

— А-а-а, — протянул Хлебазл. — Да тут прибывший посол Джаппурии привез бронзовую розу, которую отлил некий Дятл, в бытность свою являвшийся радистом Шмора Великого. Тот в своем завещании указал, чтобы отлитую им розу положили на могилу его императора. Она двести лет валялась в хранилище Джаппурии и вот, наконец, прибыла сюда. Мой зять распорядился закрепить ее на стене внутри стальной бомбы, поскольку могилой Шмора Великого является урна с радиоактивным пеплом, зарытая глубоко под нами. Так что, барон, любуйтесь розой, она, кстати, необыкновенно хороша...

— Я уже не барон, — сказал Филер.

— Знаю, — кивнул головой Хлебазл. — А были ли вы когда-нибудь им?

— Не понял, — произнес Филер.

— Все вы прекрасно понимаете, — сказал Хлебазл, глядя на рабочих, вешающих бронзовую розу на вкрученные в стену болты. — Ваш предок — барон Филер, сдавшийся джаппурцам вместе с радистом Дятлом — тоже был начальником военной разведки. А вот до него — никаких сведений. Вот у меня, к примеру, — родословная до двадцатого потомка в документах. И у других дворян так же. А у вас? Шиш без масла! Откуда у вашего предка вдруг появился баронский титул? Ведь для титула нужно имение. Его не было у вашего рода никогда! И сейчас его нет. Шмор Тринадцатый распорядился конфисковать ваши земли. И что? А нет никаких земель! Кстати, а род есть? Оказалось, что ваш предок, служивший Шмору Великому, не имел наследников! Кто вы, Филер?

Барон, пошевелив босыми пальцами ног, усмехнулся и ответил:

— Во времена Шмора Великого дворянство раздавалось тем, кто был императору оплотом в его делах. Вот мой предок его и получил.

— Но дворянство не дается без земли! — воскликнул Хлебазл.

— Кто его знает, как оно давалось ранее? — сказал Филер.

— Хорошо. Но где ваша семья? Кто ваши дети? Скажите, где похоронен ваш отец?! За вами даже вшивой квартиры не числится! Принимая во внимание прежнюю деятельность, мы договорились, что вы сливаете мне всю свою агентуру, и за это я не буду применять в отношении вас пыточные методы. Мне кажется, я погорячился.

— Что вы хотите этим сказать? — невозмутимо поинтересовался Филер.

— То, что я беру свои слова обратно, — ответил Хлебазл. — Имеются в виду пытки. Вы мне все расскажете. В жизни не бывает героев, стойко переносящих истязания. Бывают плохие дознаватели. А я — лучший из них, и потому завтра вы мне выложите все, что я захочу услышать... До встречи.

Хлебазл встал с табурета и, посмотрев на розу, закрепленную над форточкой, сказал:

— Прекрасная штука. Говорят, что бронза заживляет раны. Я в это, конечно, не верю, но можно будет проверить на вас.

Он вышел за дверь, и рабочие последовали за ним. После того, как прекратилось лязганье замков, Филер неторопливо поднялся с койки, подошел к форточке и, глядя на бронзовую розу, произнес вслух:

— Интересно, зачем завешать дешевую железяку?

Он встал на цыпочки и снял металлический цветок с шурупов, торчавших из стены.

Держа розу перед собой, Филер принялся внимательно разглядывать ее, приговаривая:

— Так, здесь шов паяный, здесь литье, а это что такое?

Барон, сжав руками стебель и головку цветка, крутнул их в разные стороны и бутон поддался его усилиям. Цветок, повинувшись пальцам Филера, отвинтился по резьбе, обозначив полости, заполненные бумагой. Барон, усмехнувшись, сказал:

— Ну, вот все и понятно. Почитаю-ка я, наверное, на ночь. Говорят, чтение способствует нервному успокоению и быстрому засыпанию.

И Филер, осторожно держа розу в руках, направился к своей койке.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net